

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
Институт психологии им. Л.С. Выготского

На правах рукописи

МОЛОТОВА ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ДИАГНОСТИКА
ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Специальность: 5.3.1 – общая психология, психология личности, история
психологии (психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
Каширский Дмитрий Валерьевич

Москва
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1 Теоретико-методологические подходы к изучению.....	20
правосознания личности.....	20
1.1 Основные теоретические подходы к определению понятия и сущности правосознания в системе научных знаний	20
1.2 Психологические аспекты исследования сущности и формирования правосознания личности	29
1.3 Право как элемент психологической структуры сознания личности	43
1.4 Методы исследования правосознания личности в психологи.....	54
Выводы по главе	63
Глава 2 Эмпирическое исследование правосознания методом полуструктурированного интервью: реализация методологии качественного подхода	67
2.1 Полуструктурированное интервью как метод психологического исследования	67
2.2 Организация и обоснование метода полуструктурированного интервью для изучения правосознания личности.....	70
2.3 Результаты исследования.....	84
2.3.1 Анализ единичного случая (интервью с Дмитрием).....	86
2.3.2 Обобщенные тенденции по выборке: процедура квантификации и основные результаты	105
2.4 Обсуждение результатов.....	105
Выводы по главе	116
Глава 3 Разработка и апробация психометрического опросника: количественный подход к оценке правосознания личности.....	121
3.1 Теоретическое обоснование и этапы конструирования опросника значимости прав и свобод личности	121
3.2 Результаты оценки психометрических свойств опросника значимости прав и свобод личности	130
3.3 Сравнительный анализ результатов исследования правосознания личности с помощью опросника и полуструктурированного интервью	152
3.4 Обсуждение результатов	164
Выводы по главе.....	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	187
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	231

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Право, как социокультурный феномен, является предметом изучения представителей разных научных дисциплин: философии, социологии, этики, юриспруденции и др. Психология рассматривает право с точки зрения «представленности» в сознании личности. Правосознание личности, его специфика, становление, формирование и развитие – перечень вопросов, относящихся к сфере интересов научной психологии.

Демократическая и правовая культура определяются в качестве ключевых аспектов в воспитании базовой культуры личности. Развитие правовой грамотности и правосознания граждан является одним из направлений государственной политики Российской Федерации.

Право способно из абстракции превратиться в мощный фундамент общественной жизни только будучи присвоенным субъектом, когда правовые нормы становятся ценностным ориентиром и мерой поведения личности – носителя и правосознания. Подлинная сущность права открывается через его онтологические и аксиологические основания и неразрывно связана с общественным благом и личностными ценностями.

Таким образом, формирование в России правового государства и гражданского общества актуализирует запрос не только на правовое просвещение, но и на глубинное психологическое изучение механизмов интеграции права в индивидуальное сознание. Понимание, принятие (или отрицание) личностью правовых норм, а также соответствующее им поведение составляют сущность правосознания, которое выступает ключевым фактором правовой социализации и профилактики правового нигилизма.

Несмотря на то, что право традиционно является предметом изучения философии, социологии и юриспруденции, его психологическая составляющая – *правосознание личности* – остается недостаточно исследованной. Существующий диагностический инструментарий в области психологии личности зачастую

репрезентирует англосаксонскую правовую традицию и не учитывает специфики российской правовой системы, относящейся к романо-германской правовой семье. Это создает серьезный методологический разрыв и затрудняет получение валидных данных о реальном состоянии и структуре правосознания личности в современной России.

Таким образом, возникает насущная научная проблема, которая заключается в отсутствии целостного психологического понимания структуры правосознания и адекватного диагностического инструмента, релевантного отечественному культурно-правовому контексту. Разрешение этой проблемы позволит перейти от констатации кризисных явлений в сфере правовой культуры к целенаправленной и эффективной психолого-педагогической работе по ее развитию, что соответствует приоритетам государственной политики в области воспитания правовой грамотности личности.

Степень научной разработанности проблемы исследования.

Анализ научной разработанности проблемы показывает, что в психологии и смежных дисциплинах сформировалось несколько ключевых подходов к пониманию структуры правосознания личности, эволюционирующих от функционального описания к целостному системно-психологическому моделированию.

Функционально-структурный подход А. Р. Ратинова [209] задает базовую парадигму, выделяя три ключевые функции правосознания: познавательную, оценочную и регулятивную, что заложило основу для изучения правосознания как целостного психического отражения правовой действительности.

Динамико-мотивационный подход М. И. Еникеева [72] смещает акцент на проявления правосознания в мотивационной сфере, описывая его через дихотомию солидарности с правом или правового негативизма, тем самым связав структуру с реальным поведением личности.

Структурно-компонентные модели получили дальнейшее развитие в работах ряда авторов, которые конкретизировали элементы правосознания, в частности, П. П. Баранов [15] акцентировал роль аффективно-опытного

компонента (правовые чувства, установки, опыт). О. В. Пристанская и Е. М. Юцкова [203] выделили блоки, связанные с когнитивным отражением и отношением к правовым предписаниям. В. А. Щегорцев [262] предложил одну из наиболее развернутых моделей правосознания, интегрирующую четыре компонента: содержательный (когнитивный), оценочный, поведенческий и энергетический (аффективный), что стало важным шагом к комплексному пониманию феномена. Аттitudный подход О. А. Гулевич [56] редуцирует правосознание до системы социальных установок (аттitudов) по отношению к правовым институтам, описывая его через классическую трехкомпонентную структуру (когнитивный, аффективный, поведенческий), что продуктивно для изучения отдельных правовых феноменов, но, как правило, не охватывает его ценностно-смысловую природу.

В настоящем исследовании предпринята попытка преодолеть фрагментарность и междисциплинарный разрыв в исследовании правосознания личности за счет предложения целостной общепсихологической структурно-смысловой модели, интегрирующей системные и смысловые аспекты его функционирования.

Особое место занимает проблема метода исследования правосознания личности. Проведенный анализ показывает, что на данный момент психологи не располагают валидным и надежным психодиагностическим инструментарием, позволяющим дать целостную качественную и количественную оценку уровня развития правосознания личности. Сложность создания таких методов, на наш взгляд, обусловлена, в первую очередь, недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований для проведения подобных прикладных исследований.

В настоящее время в психологии существуют методики, направленные на диагностику отдельных аспектов правосознания: его когнитивного компонента (опросник правового развития Дж. Таппа, К. Левина в адаптации А. Н. Славской и М. И. Володиковой, опросник «Уровни правового развития» О. А. Гулевич, анкета сформированности когнитивных составляющих правосознания

А. Б. Фирсова, А. И. Сорокиной, Г. Р. Фаттаховой и др.), а также эмоционального и поведенческого компонентов (опросник «Отношение к праву» Д. С. Безносова, опросник профессионально правомерной направленности личности Т. Г. Хащенко, М. М. Шпак, опросник правового поведения личности Т. Г. Хащенко, А. В. Хащенко, М. М. Шпак и др.). Между тем, отсутствуют валидные и надежные методы, позволяющие оценить уровень осведомленности субъекта об основных правах и свободах и выявить степень значимости основных правовых ценностей, которые представляют собой сущностную характеристику правосознания личности, выступая в качестве ориентиров для поведения и деятельности субъекта в юридически значимой ситуации. Отсутствуют инструменты, позволяющие исследовать «внутреннее» смысловое содержание правосознания, отражающее понимание права и его норм, субъективное отношение к действующим нормам и принципам права, «внутреннее согласие» или «несогласие» личности с нормами права, совпадение или рассогласованность ценностей, охраняемых правом, и личностных ценностей, мотивы правопослушного и противоправного поведения, а также готовность совершить преступление или правонарушение в той или иной юридически значимой ситуации. Однако все перечисленное имеет решающее значение при понимании структуры и содержания правосознания личности.

Проблема исследования правосознания личности обусловлена рядом противоречий между:

- разработанностью концепций правосознания в теории права и их фрагментарным, несистемным представлением в психологической науке, что приводит к терминологической и содержательной рассогласованности и препятствует продуктивному междисциплинарному синтезу;

- потребностью в целостном, системном понимании правосознания как психологического феномена и преобладанием в психологии разрозненных, атомарных исследований, сосредоточенных на внешних, аттитудных компонентах, при недостатке исследований его внутренних ценностно-смысловых оснований;

— объективной потребностью в психологическом инструментарии, соответствующем российской правовой системе и культурному контексту (романо-германская правовая семья), и доминированием в отечественной психодиагностике заимствованных подходов, релевантных иной, англосаксонской, правовой традиции, что снижает валидность и практическую значимость получаемых данных;

— акцентом в существующих психолого-правовых исследованиях на изучении девиантных форм правосознания (у правонарушителей) и практической необходимостью в изучении правосознания правопослушных граждан как фундамента правового государства и развития гражданской идентичности.

Наличие целостного представления о правосознании личности и разработанная методология исследования его структурных компонентов позволит понять и изучить механизм интериоризации и экстериоризации правовых ценностей, всесторонне исследовать правосознание не только у лиц, совершающих правонарушения и преступления, но и у правопослушных граждан, существенно продвинуться в междисциплинарных исследованиях правосознания личности, оказать положительное влияние на развитие правовой культуры, усовершенствовать законотворческий процесс, сделать правовое регулирование более эффективным.

Таким образом, **проблема исследования** заключается в отсутствии целостной психологической модели правосознания личности и валидного диагностического инструментария, релевантного российскому культурно-правовому контексту.

Цель исследования: разработать и теоретически обосновать общепсихологическую модель правосознания личности и предложить диагностический инструментарий для оценки его структурных компонентов.

Объект исследования — правосознание личности.

Предмет исследования — психологическое содержание структурных компонентов правосознания личности и методы их психологической диагностики.

Гипотезы исследования:

1. Правосознание личности является сложным системно-смысловым психологическим образованием, структурно представленным единством четырех взаимосвязанных компонентов: когнитивного (тип правопонимания и уровень правовой грамотности), ценностно-смыслового (иерархия значимости прав и свобод), эмоционального (оценочное отношение и удовлетворенность правами) и поведенческого (установки и готовность к юридически значимому поведению). Его развитие обусловлено процессами общения, предметной деятельности и рефлексии.

2. Целостная и релевантная диагностика психологической природы правосознания может быть обеспечена за счет комплексного использования качественных (полуструктурированное интервью) и количественных (опросник) исследовательских методов.

3. Применение метода полуструктурированного интервью позволяет выявить, категоризировать и описать качественные характеристики компонентов правосознания личности, а также раскрыть содержание и динамику его смыслового строения.

4. Специально разработанный личностный опросник является валидным и надежным инструментом для количественной оценки выраженности когнитивного (уровень осведомленности о правах и свободах) и ценностно-смыслового (иерархия их субъективной значимости) компонентов правосознания.

5. Связи между когнитивным, ценностно-смысловым, эмоциональным и поведенческим компонентами в структуре правосознания носят нелинейный и опосредованный характер, в силу чего высокий уровень правовой грамотности не является однозначным предиктором правопослушного поведения.

6. Ценностно-смысловой компонент (значимость прав и свобод) выступает в качестве системообразующего элемента правосознания, находящегося в отношении взаимосвязи и взаимного соответствия как с объективной системой конституционных прав, так и со структурой личностных ценностей индивида.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные методологические и теоретические подходы к изучению правосознания личности в психологии, провести анализ теоретических положений об онтологических и аксиологических основаниях права, соотнести теоретические положения о праве с существующими в психологии концепциями правосознания личности, разработать и теоретически обосновать общепсихологическую модель структуры правосознания личности.

2. Проанализировать существующие психологические методы и методики исследования правосознания, предложить в качестве метода исследования полуструктурированное интервью, разработанное с учетом сущностных и содержательных характеристик современного права и предложенной теоретической модели психологической структуры правосознания.

3. В русле методологии качественного исследования провести разработку полуструктурированного интервью для изучения особенностей правосознания личности.

4. На основе результатов полуструктурированного интервью провести категоризацию полученных данных, описать качественные характеристики компонентов правосознания личности:

а) выделить диагностические уровни для когнитивного и эмоционального компонентов правосознания;

б) предложить дифференциацию ценностно-смыслового и поведенческого компонентов правосознания личности;

в) доработать предложенную теоретическую модель правосознания личности с учетом результатов полуструктурированного интервью;

г) разработать теоретическую модель опросника, позволяющего провести количественную оценку выраженности отдельных структурных компонентов правосознания личности, и оценить его психометрические свойства (обосновать валидность и надежность теста-опросника).

5. На основе реализации качественного и количественного подходов представить итоговую (доработанную) модель психологической структуры правосознания личности.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют: культурно-исторический (Л. С. Выготский), деятельностный (А. Н. Леонтьев) и субъектно-деятельностный (С. Л. Рубинштейн) подходы к изучению сознания и самосознания личности, предполагающие рассмотрение его компонентов в многообразных связях и проявлениях, философско-правовая концепция либертарно-юридической теории права и государства В. С. Нерсисянца, функционально-структурная концепция правосознания А. Р. Ратинова, психологическая теория права Л. И. Петражицкого, теоретические концепции развития морального и правового сознания (Л. Колберг, Дж. Тапп, К. Левин), концепция уровней нравственного развития Б. С. Братуся, общепсихологическая концепция личностных ценностей Д. В. Каширского, методология качественного исследования в психологии С. Квале, классическая теория тестирования (СТТ).

Методы исследования:

а) теоретические и оценочно-описательные: дескриптивный метод, метод категоризации, исторический метод, анализ и синтез философской, психологической, юридической, социологической, педагогической литературы; теоретическое моделирование;

б) эмпирические: интервьюирование, анкетирование, тестирование, экспертный опрос;

в) методы статистической обработки данных: описательная статистика, частотный анализ, корреляционный анализ (Ч. Спирмен), эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, коэффициент α -Кронбаха для оценки однородности шкал опросника, коэффициент k -Коэна для определения согласованности мнений экспертов, χ^2 -критерий Пирсона;

г) качественный анализ и интерпретация полученных результатов.

Методики исследования: методика диагностики личностных ценностей KVS-2 (Д. В. Каширский), опросник правосознания Л. А. Ясюковой, анкета

уровня правового развития О. А. Гулевич, авторская методика «Опросник значимости прав и свобод личности», авторское полуструктурированное интервью «Правосознание личности».

Наиболее существенные и новые научные результаты. Разработана и эмпирически верифицирована общепсихологическая структурно-смысловая модель правосознания личности, интегрирующая подходы общей психологии и психологии личности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) с философией права (В. С. Нерсисянц). Модель раскрывает взаимосвязь системных (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) и смысловых (ценностно-смысловой) компонентов.

Расширено понятие правосознания личности, которое определено не как набор аттитюдов, а как *динамическое смысловое системное образование*, возникающее в процессе присвоения правовых ценностей и их трансформации в сознании личности.

Установлен и описан феномен «ценностного компромисса» в правосознании, проявляющийся в готовности личности ограничить одни права и свободы в пользу сохранения других.

Впервые в отечественной психологии предложен и апробирован комплексный качественно-количественный подход к диагностике показателей и структуры правосознания личности, адекватный специфике романо-германской правовой семьи и системе российского права.

Разработан и внедрен в практику оригинальный психодиагностический инструментарий: метод полуструктурированного интервью, выявляющий качественное своеобразие правосознания личности, и опросник «Значимость прав и свобод», обладающий высокими психометрическими характеристиками (подтверждены его конструктивная, конвергентная и дискриминантная валидность, надежность, представлены нормативные показатели к тесту).

Эмпирически доказана связь между компонентами правосознания и иерархией личностных ценностей (по методике KVS-2 Д. В. Каширского).

Установлено, что значимость разных категорий прав (личных, политических и т.д.) имеет различную ценностную основу и иерархию.

Обнаружена относительная независимость когнитивного (правовая грамотность) и ценностно-смыслового компонентов правосознания личности, что опровергает упрощенные представления о его структуре.

Выявлены и описаны специфические феномены, такие как готовность к правонарушению при высоком уровне правовой грамотности, что свидетельствует о сложной и нелинейной природе правосознания личности.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

- преодолен междисциплинарный разрыв между общей психологией, психологией личности и теорией права: предложено психологическое операционализируемое определение правосознания, релевантное современной российской правовой системе;

- разработанная модель правосознания личности способствует развитию общепсихологической теории сознания и теории смысловой регуляции поведения;

- результаты исследования углубляют понимание механизмов присвоения личностью социальных норм и формирования правовой идентичности в условиях российской социокультурной реальности.

Практическая значимость работы заключается в создании новых исследовательских инструментов, позволяющих проводить диагностику правосознания личности в русле методологии качественного и количественного подходов. Разработанный диагностический комплекс может быть внедрен в процедуры профессионального психологического отбора в правоохранительные органы, государственную и муниципальную службу для оценки правовой культуры кандидатов; судебно-экспертную практику для составления комплексного психологического портрета личности; деятельность образовательных учреждений для мониторинга эффективности программ правового просвещения и воспитания; экспертно-аналитическую деятельность

публичных органов власти для оценки общественного мнения о действующем законодательстве и правоприменительной практике.

Выборка исследования составила 330 человек в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 24.6$; $SD = 4.8$), женщины – 65%. Участники исследования – студенты и лица с высшим образованием, чья деятельность не связана с юриспруденцией, что обеспечило изучение обыденного правосознания личности. Сравнительный анализ показал однородность выборки по релевантным для исследования показателям – выраженности структурных компонентов правосознания личности вне зависимости от пола, возраста и уровня образования участников ($p > 0.05$).

Эмпирическая база качественного исследования включает 60 респондентов, принявших участие в полуструктурированном интервью, среди которых группа респондентов в возрасте от 18 до 25 лет ($N=30$) является студентами Алтайского государственного университета неюридических специальностей, часть респондентов от 25 до 35 лет ($N=30$) окончили высшее учебное заведение, работают и не обладают профессиональным правосознанием. Выборка количественного исследования включает 270 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, среди которых студенты Алтайского государственного университета ($N=120$) очного и заочного отделения, курсанты первого курса Барнаульского юридического института ($N=100$), респонденты, окончившие ВУЗ, работающие и не имеющие профильного юридического образования, не обладающие профессиональным правосознанием ($N=50$). Выборка исследования репрезентирует сформировавшееся обыденное правосознание личности, функционирующее в условиях реальной социально-экономической деятельности.

Основные этапы исследования:

первый этап (2016 г.) – анализ теоретических подходов к изучению правосознания личности в психологии и теории права, выдвижение гипотез, постановка цели и задач работы, определение объекта и предмета исследования, подбор и разработка диагностического инструментария;

второй этап (2017–2018 гг.) – разработка теоретической модели полуструктурированного интервью для исследования правосознания личности,

эмпирическое исследование правосознания методом полуструктурированного интервью, анализ и интерпретация полученных результатов;

третий этап (2019 – 2021 гг.) – разработка теоретической модели опросника значимости прав и свобод, подготовка к эмпирическому исследованию, направленному на проверку психометрических свойств опросника, эмпирическое исследование, направленное на проверку психометрических свойств опросника, эмпирическое исследование, направленное на выявление связи между компонентами правосознания и личностными ценностями;

четвертый этап (2022 – 2024 гг.) – обобщение результатов исследования, разработка итоговой теоретической модели психологической структуры правосознания личности, оформление текста диссертации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Правосознание личности является «искусственным» (культурным) психологическим образованием, представляющим собой внутренне преобразованную и принятую субъектом форму проявления общественных отношений, урегулированных правом, в индивидуальном сознании. Правосознание личности характеризуется системным (внешним) и смысловым (внутренним) строением, находящимся в отношениях взаимной обусловленности. *Системное строение* правосознания личности представляет собой структурно-функциональное единство четырех взаимосвязанных компонентов: *когнитивного* (тип правопонимания и уровень правовой грамотности), выполняющего ориентировочно-регулятивную функцию; *ценностно-смыслового* (иерархия значимости прав и свобод), осуществляющего аксиологическую селекцию и смыслообразование; *эмоционального* (оценочное отношение и удовлетворенность правами и свободами), обеспечивающего аффективную окраску правовых представлений; *поведенческого* (установки и готовность к действию), реализующего регулятивно-поведенческую функцию в правовом поле. В системной структуре ценностно-смысловой компонент (иерархия значимости прав и свобод) выступает как относительно устойчивое образование, выполняющее функцию аксиологической селекции и задающее направление для

смыслообразования. *Смысловое строение* правосознания личности представляет собой не столько структуру, сколько динамический процесс организации и порождения личностных смыслов в отношении правовой реальности, и может быть выражено через категорию *значимости прав и свобод* для конкретной личности. Анализ данных интервью позволил выявить, что это смысловое наполнение осуществляется посредством *интериоризации* объективных правовых норм через призму индивидуального опыта, *рефлексивного осмысления* противоречий между правовыми идеалами и практикой, *ценностной артикуляции*, в результате которой правовые понятия наполняются личностно значимым содержанием, *ситуативного конструирования смыслов* в процессе разрешения морально-правовых дилемм. Процесс развития правосознания личности заключается в перестройке его системной структуры, обусловленной изменением его смыслового строения, которое достигается за счет развития обобщений в процессе общения, предметной деятельности и/или рефлексии.

2. Целостный подход к диагностике правосознания личности может быть реализован при сочетании *качественной* (интервью) и *количественной* (опросник) методологии, построенной с учетом сущностных характеристик права, отражающей его аксиологическую природу и соотносящейся с объективно существующей и выраженной в современной культуре системой правового регулирования.

3. Единство и динамика компонентов правосознания эмпирически подтверждаются выявленными качественными закономерностями, которые характеризуются:

— в когнитивной сфере — доминированием нормативного типа правопонимания при низком уровне правовой грамотности;

— в ценностно-смысловой сфере — устойчивой иерархией с приоритетом личных и социальных прав и низкой значимостью политических и культурных прав;

— в эмоциональной сфере – преобладанием нейтрально-скептического отношения к праву на фоне низкой удовлетворенности механизмами его реализации;

— в поведенческой сфере – ситуативной обусловленностью поведения, допускающего правонарушение в повседневной жизни.

4. Разработанный «Опросник значимости прав и свобод личности» является валидным и надежным психодиагностическим инструментом, обеспечивающим комплексную оценку когнитивного и ценностно-смыслового компонентов, что подтверждается его соответствием объективной системе конституционных прав (конструктивная валидность, $\chi^2/df = 1,646$; CFI = 0,90; RMSEA = 0,08), высокой надежностью ($\alpha = 0,75–0,93$), связями с личностными ценностями и способностью выявлять ключевые феномены: устойчивую прагматическую ориентацию и системный когнитивно-ценностный диссонанс, выражающийся в готовности к «ценностному компромиссу» (61% респондентов готовы ограничить политические права ради социальных гарантий).

5. Связи между компонентами структуры правосознания носят нелинейный и противоречивый характер: высокий уровень правовой грамотности (когнитивный компонент) не детерминирует автоматически правопослушное поведение (поведенческий компонент), а в ситуации конфликта интересов может сочетаться с готовностью к правонарушению, что подтверждается феноменом «ценностного компромисса» и выявленной ситуативной обусловленностью правового поведения (60% респондентов допускают возможность совершения правонарушений).

6. Ценностно-смысловой компонент является системообразующим в структуре правосознания личности, выступая фильтром для интериоризации правовых норм и непосредственным регулятором юридически значимого поведения, что эмпирически подтверждается данными корреляционного анализа, выявившего устойчивые связи между значимостью конкретных категорий прав и свобод и определенными личностными ценностями.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечены исходными общеметодологическими положениями, планированием исследования, репрезентативностью выборок, разнообразием исследовательских процедур и приемов, многочисленной взаимопроверкой данных, использованием адекватных поставленным задачам методов исследования, совместном использовании количественной и качественной методологии, применении пакетов прикладных компьютерных программ для обработки и анализа данных.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты исследования представлены на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: Межд. чтениях памяти Л. С. Выготского «Теория и практика культурно-исторического подхода в психологической науке» (Москва, 2024), Всеросс. науч.-практ. онлайн-конф. с межд. уч. «Психология и право в современной России. Коченовские чтения 2024» (Москва, 2024), Первой межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы юридической психологии», посв. памяти д-ра психол. наук, проф. М. И. Еникеева «Еникеевские чтения» (Москва, 2022), 32nd International Congress of Psychology (Prague, 2021), Межд. конф. «Ломоносов – 2020» (Москва, 2020), XVI European Congress of Psychology (Moscow, 2019), II Межд. конф. «Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики» (Барнаул, 2019), Межд. науч. конф. «Ананьевские чтения – 2019: Психология обществу, государству, политике» (Санкт-Петербург, 2019), Всеросс. конф. по юридической психологии с межд. уч. Коченовские чтения «Психология и право в современной России» (Москва, 2018), Межд. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики» (Барнаул, 2018), Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. уч., посв. 25-летию принятия Конституции Российской Федерации (Барнаул, 2018), Межд. науч.-практ. конф. «Mobili in mobilis: Личность в эпоху перемен» (Москва, 2018), Всеросс. науч.-практ. конф. с межд. уч. «Актуальные вопросы прикладной психологии» (Барнаул, 2017), XVIII Межд. чтениях памяти Л. С. Выготского «Теория и практика культурно-исторической психологии» (Москва, 2017). Основное

содержание диссертации обсуждалось на методических семинарах для аспирантов и соискателей ученых степеней, заседаниях кафедры общей психологии ИП им. Л. С. Выготского РГГУ.

Основное содержание диссертации отражено в 19 публикациях (общий объем 4 п.л., авторский вклад – 3 п.л.), 2 из которых являются статьями в журналах, входящих в международную реферативную базу данных WOS и Scopus (общий объем 2 п.л., авторский вклад – 1,3 п.л.), 2 – в журнале ВАК, в научных изданиях, определенных Перечнем научных рецензируемых изданий, рекомендованных Учёным советом Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Положение о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утв. 22.01.2024, протокол № УС-1), (общий объем 1 п.л., авторский вклад 0,8 п.л.); 14 работ представлены в материалах всероссийских и международных конференций (0,7 п.л.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.3.1 – общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки):

п. 2. Разработка и анализ общепсихологического и историко-психологического исследования. Системный подход в психологии. Предмет психологии. Теоретико-методологические основы научной психологии. Проблема метода в психологии. Проблема критериев научности психологического знания в современном развитии психологии.

п. 17. Сознание. Состояния сознания. Рефлексивные процессы. Мышление и мыслительные процессы, структура, виды, методы исследования.

п. 18. Мировоззрение и смысложизненное самоопределение. Смыслообразование. Смысловая регуляция поведения. Психология смысла. Ценностно-смысловая сфера личности.

п. 32. Черты личности, их диагностика. Психометрика. Конструирование и апробация опросников личностных черт.

п. 41. Методология и методы исследования в психологии. Основные теории и концепции развития деятельности, бессознательного, сознания и личности в психологической науке. Основные методологические принципы психологии.

п. 42. Теория и методология психологической науки. Взаимосвязь идеологии, методологии и теории. Методология и методы психологического исследования. Критерии оценки психологических теорий. Психологическая практика как фактор развития и критерий оценки психологических теорий.

п. 43. Традиционные и современные модели и средства психодиагностики. Качественные и количественные методы исследования; смешанные методы.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы (392 наименований, из них 126 на иностранном языке), 10 приложений. В работе содержится 11 рисунков, 16 таблиц. Текст диссертации представлен на 230 страницах.

Глава 1 Теоретико-методологические подходы к изучению правосознания личности

1.1 Основные теоретические подходы к определению понятия и сущности правосознания в системе научных знаний

Интерес к теме правосознания возник еще со времен античных философов. Современные идеи и концепции правосознания фактически берут свое начало в трудах Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля и Цицерона. Несмотря на то, что великие философы не оперируют понятием правосознание как таковым, в их работах присутствует ряд идей и взглядов, которые объединяются в обширную область исследования правосознания современными философами, теоретиками права, социологами и психологами. Так, например, в своей работе «Законы», Платон выражает мысль, что «людям необходимо установить законы, жить по законам; иначе они ничем не будут отличаться от самых диких зверей» [189]. На примере произведений Платона «Законы» и «Государство», а также трудов Аристотеля «Политика», «Большая этика», «Никомахова этика» можно проследить логику развития идей, связывающих сознание человека и право, как инструмент общественного регулирования. К классическим трудам философов, которые посеяли первые зерна концепций правосознания можно отнести трактаты Цицерона «О государстве» и «О законах». В учениях античных философов о человеке и законе представлены не только идеи государства и общества, но и идеи нравственности, справедливости, этики и влияния внутреннего мира человека на общественное устройство. Интерес для изучения психологических аспектов правосознания представляет сформулированная софистами идея о субъективном характере знаний, обусловленных психологической организацией субъекта, его состоянием и отношением к окружающему миру. Так, Протагор, назвав человека мерой всех вещей, фактически ограничил знания об окружающем мире пределами ощущений, переживаний, мнений.

В период Средневековья существенное влияние на формирование представлений о правосознании оказали труды А. Августина, Ф. Аквинского, П. Абеляра, Н. Макиавелли (трактат «Государь»). К признакам закона средневековые философы относили этическую обоснованность, выраженную в представлениях о добре и зле, правде, справедливости, направленности на общее благо, и религиозные воззрения. В философии нового времени проблема правосознания стала предметом исследования многих выдающихся мыслителей – Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье («Об общественном договоре»), Т. Гоббса (трактат «Левиафан»), Ж. Ж. Руссо («Основы общественного порядка»), Б. Спинозы («Политический трактат»), Фихте («Основы общественного порядка») и др.

Особого внимания в философской мысли о правовом сознании заслуживают идеи немецких философов И. Канта и Г. Гегеля. В своих работах «Метафизика нравов» и «Метафизические начала учения о праве» Кант делает обобщения и выводы относительно философских оснований права, создает базовый категориальный аппарат как для философии права, так и для теории права. Канту принадлежит фундаментальная философская разработка основных категорий правосознания, которые в своих сущностных характеристиках сохранились до нынешнего времени и не утратили своей актуальности и значимости [99]. И. А. Петрулевич в своей статье «Иммануил Кант о правовом сознании как детерминанте права» [186] также отмечает, что идеи Канта имеют большое значение в развитии идей правового государства, общества, моральных идеалов права и правосознания. Моральный долг человека, согласно Канту, заключается в соблюдении условий объединения людей в общество (общественного договора), предписывающего защиту их личных прав и гарантию защиты от внешних посягательств. Следовательно, развитое правосознание предполагает осознание необходимости ограничений собственной свободы в пользу интересов общества, а также исполнение принудительной силы закона в интересах общественного порядка. Итак, правосознание по Канту фактически предполагает осознание необходимости ограничения прав отдельной личности в интересах общества.

Кант, по сравнению с другими философами и обществоведами своего времени, существенно продвинулся в исследовании такого социального феномена как правосознание, из его трудов можно выделить некоторые универсальные тезисы, отражающие принципы и функции феномена правосознания, на некоторые из которых мы будем опираться и в нашем исследовании. Например, отражение в правовом сознании общественных ценностей, созданных совместной волей граждан страны.

Идеи Гегеля также заслуживают внимания в контексте вопроса правосознания. Так, в своих трудах Гегель говорит, что душа без тела не была бы чем-то живым, так же и наоборот. Это значит, что не живет то, что не есть каким-нибудь образом. По отношению к праву эта мысль в «Философии права» Гегеля звучит следующим образом: «Идея права есть свобода, и истинное ее понимание достигается лишь тогда, когда она познается в ее понятии и наличном бытии этого понятия» [49].

Современный теоретик права В. С. Нерсисянц интерпретирует мысль Гегеля следующим образом: «Право, по Гегелю, состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Диалектика этой воли совпадает с философским конструированием системы права как царства реализованной свободы» [166].

Важно отметить, что понимание концепции правосознания во многом зависит от существующих подходов к пониманию права как социального феномена. В этом смысле идеи Гегеля позволяют выделить не только формально юридические позитивистские трактовки права как закона, нормативно-правового акта [49], но и рассмотреть право как многомерное понятие, через идеи: 1) право как свобода; 2) право как определенная ступень и форма свободы, связанная с моралью [49]. В трудах Гегеля мораль и совесть, как субъективный критерий моральности, являются частью права. В свою очередь, Л. Хейде отмечает, что высшей степенью осуществления идеи свободы, т.е. права, является нравственность [260].

Современные труды философов и теоретиков права существенно расширяют границы юридического подхода к пониманию права, что позволяет нам рассматривать правосознание как междисциплинарное явление. Например, С. С. Алексеев рассматривает право как явление цивилизации, которое призвано быть носителем высших начал, основополагающих ценностей цивилизации, реализовать историческое предназначение общества, связанное с утверждением в нем силы и потенциала разума, высоких гуманитарных начал [5]. Право, по мнению Алексеева, есть также явление культуры как индивидуального самовыражения личности, творчества, их аккумуляции, самовозрастания. Это выражается в том, что право отражает жизнь во всех ее сложных проявлениях от глубинных пластов (экономическое устройство, политический строй, система власти) до самых житейских, бытовых (семейные отношения, наследование, трудовые отношения и др.) [5].

В. С. Нерсисянц также понимает право многомерно, называя этот инструмент общественного регулирования «математикой свободы». Нерсисянц отмечает, что за внешними категориями и абстракциями права на самом деле идет речь о главном и существенном в жизни каждого человека и всего общества – о свободе, справедливости, равенстве, а правовые условности – это абсолютная необходимость достойной жизни человека [164].

Из приведенных выше философских рассуждений становится очевидной аксиологическая основа правосознания: именно ценностно-смысловой компонент правосознания является определяющим (системообразующим) в природе этого явления, что позволяет рассматривать категорию правосознания не только с позиции юридического феномена, но и как категорию философии, культуры, социологии, психологии, имеющую непосредственное отношение к духовной жизни общества и отдельно взятой личности.

Стоит отметить, что особую роль в формировании теоретической концепции правосознания сыграла отечественная философско-правовая мысль второй половины XIX века. Дореволюционные мыслители стали активно обращать внимание на проблему правосознания в контексте кодификации

российского законодательства. Правоведов стала интересовать взаимосвязь права и нравственности, принципа свободы воли и юридической (правовой) ответственности. Разработками теории правосознания занимались видные философы и теоретики права того времени Н. Я. Грот, М. М. Троицкий, А. И. Введенский, Г. С. Фельдштейн, И. А. Ильин, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, С. Л. Франк, Г. В. Шершеневич, М. М. Ковалевский. В своей «психологической теории права» Л. И. Петражицкий сделал вывод о том, что психология, ее теория эмоций и мотивации способны дать научно обоснованное решение вопросов правового регулирования [182]. И. А. Ильин понимал правосознание как всеобщую духовную реальность: в теории правосознания он попытался объединить проблематику личности, общества, права, политики, государства, власти и божественного начала в едином аспекте через концепцию правосознания [97]. В работах представителей позитивистского подхода к праву П. И. Новгородцева и Г. Ф. Шершеневича понимание права было основано на изучении природы личности во всех ее проявлениях с учетом потребностей, способностей и стремлений человека. Под правосознанием правоведы понимали осознанную мотивацию правомерного поведения участником правоотношений.

Понятие правосознания получило новую интерпретацию в результате экспериментальных исследований в области юридической психологии конца XIX – начала XX века. Правосознание стало восприниматься как классовое явление, обусловленное общественным бытием, материальными условиями жизни. Социалистическое правосознание рассматривалось как правосознание нового, высшего исторического типа (Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, Е. Б. Пашуканис, П. И. Стучки и др.). Между тем, уже в советское время М. С. Строгович и А. И. Денисов предлагали рассматривать правосознание не как форму общественного бытия, а как личные воззрения людей на право, их отношение к действующему праву. Установление тоталитарного режима в советскую эпоху существенно замедлило исследование правосознания личности. Однако исследовательский интерес возобновился с конца 50-х годов XX века, в

философско-правовой литературе в теорию правосознания включили правовую психологию, исследующую чувства, эмоции, настроения относительно действующего права. Известный теоретик права И. Фарбер сформулировал определение правосознания и предложил рассматривать его как форму общественного сознания, представляющую собой совокупность правовых взглядов, чувств, обладающих нормативным характером, включающих в себя знания правовых явлений, оценку этих явлений с точки зрения общественной (классовой) справедливости [248].

На сегодняшний день тема правосознания имеет междисциплинарный характер, феномен правосознания изучается с разных сторон. Термин «правосознание» полисемантичен. В зависимости от области научного знания, изучающей данное явление, исследователи делают акцент на его различных аспектах. В Таблице 1 наглядно представлены некоторые определения правосознания, существующие в различных областях гуманитарных знаний.

Таблица 1 – Правосознание в системе гуманитарных знаний

Философия	
А.А. Потякин[194]	... это совокупность взглядов, идей, выражающих отношения людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным.
Т.И. Демченко[66]	... правосознание есть продукт субъективного отражения объективного мира: есть позитивное право, известно кем созданное, где содержащееся, имеются мнения и знания о нем, полученные в результате психической реакции на него, логическим завершением которой являются теоретические понятия.

Продолжение Таблицы 1

Теория права	
Рыбаков В. А [220]	Правосознание это отношение людей к праву, основанное на знаниях о праве и чувствах (субъективном восприятии правовых явлений); ...это форма общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, теорий, оценок, настроений и чувств, в которых выражается отношение индивида к правовым явлениям – законам, правомерному поведению, правам и обязанностям, существующей системе права
О.Е. Кутафин, Н.Л. Туманова, И.В. Шмаров [193]	... это система взглядов, представлений, чувств, установок, выражающих отношение людей к действующему или желаемому праву, к иным правовым явлениям, к поведению людей как правомерному, так и противоправному.
Н.Л. Гранат [54]	... всякое субъективное отношение людей к праву и правовым явлениям; ... это сфера или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях.
Р.С. Байниязов [14]	Правосознание включает в себя «духовную систему представлений, идей, взглядов, убеждений, концепций, теорий, чувств, эмоций, настроений, психологических переживаний и т.д., складывающихся по поводу правовой действительности в ходе ее отражения, осмысления, познания, чувствования.
Социология	

Продолжение Таблицы 1

Э. Дюркгейм [293]	Правосознание есть базовый компонент жизни общества, отражающий качественный срез знания права, постижение его необходимой важности, его включение в механизм личностной мотивации повседневного и ситуационного поведения; ...базовый компонент правовой жизни социума, одновременно является идеальным, латентным, не наблюдаемым непосредственно, феноменом ментальности, который можно отнести к коллективным представлениям
А. Ж. Айменов, Н. В. Шахматова [4]	...правосознание концентрированно отражает правовые явления, процессы и институты и реализуется через приобретение знаний о праве и законе, их идентификации в призме сформированного у индивида мировоззрения, включая личностную моральную оценку и особую мотивацию; ... правосознание отличается двойственностью, будучи частью индивидуального мировоззрения и основой правового пространства социума.
Социальная психология	
Л.И. Спиридонов [233]	общественное правосознание как «цифровой след» восприятия действительности индивидуумами социума в ракурсе юридической системы, воспринимаемый через призму «правонормы», с опосредованностью и в совокупности иных сфер: культуры, экономики, политики, нравственности.
О.А. Гулевич [56]	... это форма общественного сознания, зависимое от глобальных особенностей социальной и экономической системы государства, дискретное, существующее на различных уровнях; это совокупность социальных представлений людей о правовых объектах и явлениях

Продолжение Таблицы 1

Юридическая психология	
Т.А. Беккер [19]	...правосознание не эквивалентно совести и закону, это необходимый элемент внутреннего убеждения субъекта

Таким образом, правосознание в своем универсальном широком значении – это одна из форм общественного сознания, система правовых взглядов, идей, убеждений, настроений и чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп и всего общества к существующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права.

В гуманитарных науках принята классификация правосознания по нескольким основаниям, сложившимся еще в 70-х годах XX века.

По характеру отражения правовой действительности правосознание делят на правовую идеологию и правовую психологию. Правовая идеология представляет совокупность идей, концепций, взглядов, представлений, принципов, которые отражают и оценивают правовую действительность. К правовой идеологии относится теоретико-философское, а также обыденно-бытовое осмысление права как целостного инструмента регулирования важнейших сфер общественных отношений, его общественная значимость и социальная роль, пути и направления дальнейшего развития. В свою очередь, правовая психология – это совокупность чувств, привычек, настроений, стереотипов поведения, в которых выражается эмоциональное отношение общества и отдельных личностей к правовым явлениям [54].

В зависимости от степени глубины познания правовых норм, а также осмысления юридически значимых процессов выделяют профессиональное, обыденное и теоретическое правосознание.

Наконец, существует критерий, согласно которому правосознание определяется в зависимости от его носителя (субъекта), что позволяет условно

разделить правосознание на общественное, коллективное, групповое и индивидуальное (правосознание конкретной личности).

Общественное правосознание рассматривается как совокупность накопленных на протяжении веков человеческой цивилизацией оценок, знаний, представлений о праве, философски-обобщенные достижения юридической мысли и культуры. Создаваясь и развиваясь через правосознание отдельных индивидов, оно неизмеримо полнее и глубже, чем представления о праве каждого конкретного человека. Коллективное и групповое правосознание отражает представления социальных категорий населения, выделяемых по различным основаниям.

Теоретический обзор подходов к исследованию правосознания показал, что правосознание является не только сложным социально-политическим, юридическим, нравственным, но и психологическим феноменом. Сложность исследования правосознания объясняется тем, что оно находится в постоянном развитии, его содержание и формы обогащаются, отражая изменения личности и общественных отношений. Непосредственно к предмету изучения психологии можно отнести индивидуальное правосознание или правосознание отдельной личности. В следующем параграфе мы предлагаем более детально рассмотреть теорию вопроса психологических аспектов правосознания.

1.2 Психологические аспекты исследования сущности и формирования правосознания личности

Интерес психологии к изучению отражения в сознании личности права и связанных с ним явлений возник в США в начале XX столетия и существует по сей день. К первым эмпирическим исследованиям, касающимся изучения одного из аспектов правосознания, можно отнести изучение оценки серьезности преступлений, начатое Л. Терстоуном. В настоящее время вопросами исследования правосознания личности занимаются, в большей степени, социальная и юридическая психология [55].

Однако феномены, относящиеся к области исследования правосознания личности, нередко отражают общие психологические закономерности, подтверждая те или иные социально-психологические теории. Например, в рамках концепции социальных представлений исследователями рассматривались представления о правах человека. В рамках теории социальной идентичности проводились исследования влияния этнической принадлежности преступника на предлагаемое наказание, предусмотренное за совершенное им деяние.

По мнению О. А. Гулевич, все существующие в современной психологии исследования правосознания можно разделить на два направления. К первому направлению изучения правосознания относится определение уже сформированных и активно проявляющихся в обыденной жизни представлений, чувств и намерений относительно правовых процессов и явлений в форме социальных установок (аттитюдов). Изучение правосознания в таких исследованиях происходит в рамках описательного подхода и носит, в основном, практико-ориентированный характер, полученные результаты используются в целях прогнозирования вариантов поведения личности при выборе юридически значимого поведения. В основе подобного рода исследований лежит идея взаимосвязи аттитюдов и поведения, согласно которой одной из функций аттитюдов и, следовательно, правосознания является регуляция поведения [55].

Как полагают сторонники теории разумной активности и запланированного поведения, поведение личности возможно предсказать на основе его намерений, которые, среди прочих факторов, определяются когнитивным и аффективным компонентами аттитюда, а также социальными нормами, оценкой человеком возможности контролировать свое поведение. Таким образом, представления о правовых объектах и эмоциональное отношение к ним (когнитивный и аффективный компоненты аттитюдов), определяя намерения (поведенческий компонент), оказывают некоторое влияние на поведение их носителя в правовой сфере.

Меньшее внимание уделяется второму направлению изучения правосознания – исследованию процесса его формирования, правовой

социализации. Под правовой социализацией понимается процесс формирования когнитивного, аффективного и поведенческого и иных компонентов правосознания, происходящий в рамках основных социальных институтов – семьи, школы, средств массовой информации, а также при общении с работниками правоохранительных органов, суда, пенитенциарной системы. Как было отмечено в предыдущем параграфе, проблемам правосознания посвящены отдельные исследования в области социальной и юридической психологии, однако исследования правосознания в рамках общей психологии и психологии личности до сих пор не получили широкого распространения.

Зарубежные авторы придерживаются позиции о том, что формирование когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов правосознания происходит в процессе правовой социализации личности. Проблема социализации личности разрабатывалась в работах Л. С. Выготского [42, 43, 44, 45], А. Н. Леонтьева [130, 131, 132, 133, 134, 145, 136], Л. И. Божович [64], Р. Г. Гуровой [59], А. С. Зубра [89], А. В. Мудрика [160], Д. Б. Эльконина [265], В. А. Сухомлинский [240], и др. В зарубежной психологии процесс социализации исследовался Дж. Дьюи, Э. Дюркгеймом [293], Дж. Г. Мидом [344], Т. Парсонсом [180], Г. Тардом [243], и др.

Под социализацией в широком смысле принято понимать весь многогранный процесс усвоения человеком опыта общественной жизни и общественных отношений. В процессе социализации человек приобретает убеждения, общественно одобряемые формы поведения, необходимые ему для нормальной жизни в обществе. Социализация рассматривается как процесс усвоения человеком социальных связей того общества, к которому он принадлежит, и как процесс воспроизводства личностью усвоенного социального опыта.

С первых дней жизни человек окружен другими людьми и вовлечен в социальное взаимодействие. В процессе этих взаимоотношений он получает опыт общественной жизни и общественных отношений, который, будучи субъективно усвоенным, становится неотъемлемой частью его личности. Человек не только

воспринимает социальный опыт и овладевает им, но и активно преобразует его в собственные ценности, установки, позиции, ориентации, в собственное видение общественных отношений. При этом личность включается в разнообразные социальные связи, в исполнение различных ролевых функций. Одни и те же социальные ситуации по-разному воспринимаются и переживаются различными личностями, а поэтому оставляют неодинаковый след в их психике. Социальный опыт, который выносится разными людьми из объективно одинаковых ситуаций, существенно различается. Именно поэтому лежащее в основе социализации усвоение социального опыта становится источником индивидуализации личности, которая не только субъективно усваивает этот опыт, но и активно его перерабатывает.

Таким образом, социализация – это сложное социально-психологическое явление, которое представляет собой одновременно процесс, отношение, способ и результат становления личности во взаимодействии, в общении и деятельности. Стоит отметить, что понятие «социализация» не подменяет широко используемый в психологической и педагогической литературе термин «развитие личности», хотя развести их довольно сложно. В контексте данного исследования мы не будем разделять эти термины.

Признание личности субъектом социальной деятельности придает особое значение развитию личности: ребенок становится субъектом, включается в социальные связи и отношения, усваивает их. Понятия «развитие личности» и «социализация» в этом случае как бы совпадают.

По мнению Б. А. Сосновского, содержание социализации определяется, с одной стороны, всей совокупностью социальных влияний (культуры, искусства, политических доктрин, средств массовой информации), а с другой стороны, отношением индивида ко всему этому. Эти отношения зависят как от особенностей самой личности, так и от социальной ситуации, в которой она оказывается и, соответственно, учитывает [229, 230].

В западной психологии существует несколько подходов к изучению процесса правовой социализации, которые заимствованы отечественной

социальной психологией. Выделяют когнитивную модель правовой социализации, бихевиоральную модель правовой социализации, а также смешанную модель.

В основе когнитивной модели правовой социализации лежит когнитивная структура (уровень правового развития), введенная в научный оборот благодаря исследованиям Дж. Тапп и К. Левина. Уровень правового развития как когнитивная структура управляет поведением ее носителя. Согласно этой модели, уровень правового развития определяется особенностями среды в той степени, в которой она позволяет человеку принимать те или иные социальные роли. Значит, поведение людей может быть предсказано на основании уровня правового развития, без учета поведенческого контекста. Понятие уровня правового развития активно используется и в современных отечественных исследованиях, посвященных изучению проблемы правосознания. В частности, О. С. Гулевич определяет уровень правового развития через аттитюды к закону. Автором сформулированы четыре незаконченных предложения и варианты ответов, соответствующие каждому из уровней правового развития – уровню «правопослушания», уровню «правоподдержания», уровню «правотворчества» [57].

Мы полагаем, что закономерности развития суждений о праве в целом подчиняются общим закономерностям, с которыми в свое время столкнулись сторонники теории Ж. Пиаже об умственном развитии [189]. Разумеется, правовое развитие обуславливается развитием познавательных процессов. В частности, личность не может продемонстрировать уровень суждений «правоподдержания» до тех пор, пока его мышление не достигло в своем развитии уровня формальных операций. Между тем, вовсе не обязательным является развитие правовых суждений до уровня «правоподдержания», когда мышление соответствует уровню формальных операций.

Ряд исследователей уже обращали внимание на взаимосвязь уровня развития правовых суждений и уровня развития моральных суждений, которые выделяли Ж. Пиаже, а затем Л. Колберг. Ж. Пиаже выделил две стадии

морального развития человека, основное различие между которыми состоит в ориентации при определении «хорошего – плохого» на чей-либо авторитет или непосредственно на систему моральных норм. На основе теории морального развития Ж. Пиаже выросла достаточно известная в настоящее время модель морального развития Л. Колберга, который выделял «доконвенциональный», «конвенциональный» и «постконвенциональный» уровни морального развития, отмечая их соотношение с уровнями развития интеллекта по Ж. Пиаже [327].

Как справедливо отмечал в своих работах Л. Колберг, не достигнув уровня формальных операций, ребенок не может перейти на конвенциональный уровень морального развития. Однако развитие интеллекта вовсе не гарантирует перехода на более высокий уровень морального развития. Для того чтобы этот переход был совершен, необходима стимуляция из внешней среды [330].

Нормы морали, наряду с правовыми нормами, являются регуляторами общественных отношений. Право и мораль не противопоставляются друг другу, напротив, часто моральные нормы закрепляются в праве и соотносятся с правом. Таким образом, нам представляется допустимым сравнение морального сознания и правосознания.

В российской психологии моральное развитие ребёнка понимается как процесс усвоения им моральных социальных норм, эталонов, способов и образцов поведения (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Л. И. Божович и др.) Усвоение и присвоение принятых в обществе социальных норм осуществляется ребёнком в деятельности через переживание, осознание и сознательное принятие [126]. Мы полагаем, что аналогичным образом и нормы права усваиваются через переживание, осознание, сознательное принятие.

Некоторые авторы выделяют общественную и индивидуальную формы морального сознания. Общественная форма представляет собой систему исторически сформировавшихся и признанных в обществе представлений о должном, отражающую общественное бытие сквозь призму «добра и зла», которая воплощает моральные нормы, принципы, идеалы данного общества и регулирует поведение людей – эти нормы, как правило, становятся нормативно-

правовыми. Индивидуальная форма является интегральным личностным образованием, которое регулирует поведение человека на основе принятых и усвоенных им моральных норм, основанных на ценностях «добра и зла». Индивидуальное моральное сознание проявляется в способности к моральной рефлексии и способствует свободному и ответственному выбору поступка [128].

В исследовании отечественного психолога Б. С. Братуся моральное самосознание рассматривается как совокупность смысловых личностных образований. Общие смысловые образования личности непосредственно определяют главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам его жизни: к миру в целом, к людям, к себе. Ценности личности определяются как осознанные и принятые человеком общие смыслы жизни. Вся совокупность смысловых образований личности формирует нравственную позицию и выполняет познавательно-рациональную, эмоционально-оценочную и регулятивную функции, мотивирует нравственную деятельность человека [28].

Моральное сознание и самосознание также рассматривается как индивидуально-психологическое образование, которое лежит в основе морально-нравственной саморегуляции человеком своего поведения. Концепция когнитивного конструктивизма морального самосознания была разработана Ж. Пиаже и Л. Колбергом. Здесь внимание уделяется моральным суждениям и моральному мышлению как критериям развития морального самосознания. Пиаже считал, что моральное самосознание состоит из запретов, определяет, что «хорошо», а что «плохо», и связано с изменением отношения к этим понятиям. Пиаже выделил две стадии в этом процессе: мораль принуждения и мораль кооперации [189].

Мораль принуждения характеризуется эгоцентризмом ребенка, его неспособностью посмотреть на ситуацию с позиции другого, оценить его мотивы поведения и желания. В этом возрасте суждения ребенка сильно зависят от взрослого, поэтому в моральной сфере содержатся запреты, услышанные от взрослых. На стадии морали кооперации ребенок уже сам способен встать на место другого, тем самым постепенно изменить своё отношение к запретам. На

этой стадии ребенок понимает, что запреты являются относительными, и придерживается их не из-за требования авторитетного лица, а потому что сам считает их необходимыми [189].

Для того чтобы произошел переход от одной стадии к другой, необходимо три важных условия: повышение уровня интеллектуального развития; освобождение от подчинения авторитетному лицу; общение со сверстниками.

Л. Колберг, основываясь на концепции Ж. Пиаже, считал, что в состав морального самосознания входят нормы справедливости. Он выделил три основных уровня развития морального самосознания: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Все эти уровни имеют две стадии. На преконвенциональном уровне выделяют стадию гетерономной морали, где соблюдение норм подчиняется власти авторитетного лица из-за желания избежать наказания. Вторая стадия – это стадия инструментального индивидуализма и равного обмена. На этой стадии справедливость рассматривается как система взаимовыгодного обмена благами [330]. Мы полагаем, что усвоение правовых норм может быть сходным и следовать тем же принципам, что и усвоение моральных (как и любых других социальных норм).

Мы согласны, что развитие суждений о праве неразрывно связано с интеллектуальным развитием, а также с общими принципами развития моральных суждений. Однако, помимо всего прочего, на формирование суждений о праве, типе правопонимания существенное влияние оказывает также культурно-исторический аспект развития, который необходимо учитывать при анализе психологических аспектов правосознания личности.

По мнению классиков отечественной психологии, сущностью человеческой личности является совокупность общественных отношений, в движении и развитии которых и происходит ее развитие. При этом особо отмечается, что необходимо изучать не условия, лежащие в самом человеке и окружающем мире, а сам процесс, происходящий в этих условиях. Именно в этом процессе и происходит формирование личности. В свою очередь, право является регулятором общественных отношений и одновременно частью этих отношений и проявляется

через правосознание. Проводя аналогию, право – это условие, лежащее в окружающем мире, а правосознание – есть процесс отражения этого социального условия и одновременно элемент процесса формирования личности.

Не будем оспаривать тот факт, что личность по своей природе социальна и представляет собой общественные отношения, перенесенные вовнутрь посредством механизма интериоризации.

Кроме того, человек развивается в обществе и вступает во взаимодействие и общение с другими людьми с помощью языка. Человек как член общества, а значит, как личность – это спрессованная социальность, результат формирования, развития и социализации как вхождения в общество и в самого себя. Однако сказанное выше не означает, что личность – это существо исключительно социальное, лишенное биологических характеристик. В психологии личности биологическое и социальное существуют не последовательно, в противодействии или в дополнении, а в реальном единстве. В связи с этим С. Л. Рубинштейн говорил, что вся психология человека есть психология личности [218].

На наш взгляд, процесс формирования и развития правосознания обусловлен общими законами развития личности, сформулированными Л. С. Выготским в рамках культурно-исторического подхода в психологии. В первую очередь, это переход от непосредственных форм поведения к опосредствованным, от природных к социальным, от естественных к искусственным (культурным). Затем, это интериоризация (переход извне вовнутрь), когда коллективные и социальные формы поведения становятся формами поведения и мышления личности. Наконец, формирование управляемости функций посредством овладения личностью собственным поведением [42].

Личность в своем развитии стремится к свободе, овладевая совершенными формами поведения и мышления («культурное» равно «свободное» – то, чем можно распоряжаться), при этом правосознание трансформируется и развивается вместе с личностью [42]. Право есть мера свободы, определяемая обществом и культурой в качестве некоего социального идеала.

Как было сказано в первом параграфе, в социальной философии понятие права рассматривается как общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженная в системе формально определенных общеобязательных правил поведения (норм), охраняемых и гарантируемых публичной (государственной) властью. Правосознание, подчиняясь в своем развитии закону перехода к опосредованным, социальным и культурным формам поведения, в конечном итоге будет представлено у развитой личности системой сформированных взглядов относительно справедливости, равенства и возможных проявлений свободы в процессе социального взаимодействия, действий в рамках правового поля.

Как было отмечено выше, в современных зарубежных и отечественных психологических исследованиях, касающихся правосознания личности, отношение к явлениям правовой действительности рассматривается, в основном, посредством системы аттитюдов (социальных установок). При этом стоит отметить, что изучение аттитюдов может происходить в рамках разных теоретических подходов (бихевиоральный, когнитивный и др.), в связи с чем анализ правосознания как системы социальных установок не предполагает специального обращения к теоретическому осмыслению и анализу его природы и структуры.

Основываясь на опыте иностранных коллег, отечественные психологи адаптируют идеи изучения аттитюдов к правовым явлениям, делая вывод о том, что правосознание может быть определено как совокупность социальных установок к преступлениям и преступникам, закону, наказанию, правоохранительной, судебной и пенитенциарной системам. Так, О. С. Гулевич, понимает под правосознанием отношение людей к любым объектам и явлениям, связанным с правовой сферой. Структуру правосознания личности, по ее мнению, образуют четыре основных тематических области: аттитюды по отношению к закону, аттитюды к преступлениям и преступникам, аттитюды к наказанию и аттитюды к работникам правовых институтов (правоохранительных органов, суда, пенитенциарной системы). При этом каждая тематическая область включает

в себя три компонента – когнитивный (содержательный, оценочный – представления об объекте и его когнитивная оценка), аффективный (энергетический – чувства по отношению к объекту) и поведенческий (намерение вести себя определенным образом при взаимодействии с объектом) [56].

На наш взгляд, на сегодняшний день между теоретическим и эмпирическим уровнями изучения правосознания существует разрыв, который обусловлен отсутствием координации представителей различных областей знаний. В частности, в отечественной науке, где термин «правосознание» получил широкое распространение, разработкой теоретических положений долгое время занимались философы и теоретики права, а проведением эмпирических исследований – социологи и психологи.

Таким образом, в психологической литературе отсутствует единое понятие правосознания. Его сущность чаще всего раскрывается через рассмотрение структуры и функций. А так как правосознание относится к числу явлений, структура которых не может быть раскрыта в какой-то одной плоскости, необходим многоплановый анализ, который предполагал бы выделение различных оснований классификации составляющих его элементов.

Как отмечает О. С. Гулевич, в целом, трехкомпонентная структура правосознания личности, в которой оценочный компонент является частью содержательного, идентична структуре аттитюда, где содержательный и оценочный компонент вместе образуют когнитивный, а энергетический – аффективный компонент аттитюда [56]. Однако, на наш взгляд, правосознание содержательно сложнее и глубже, чем система социальных установок. Разумно предположить, что аттитюды могут быть формой выражения правосознания на определенном уровне его развития, либо проявляться в некоторых ситуациях социального взаимодействия, но не могут выражать всего содержания правосознания и представлять собой его сущность. Правосознание личности – это не только отражение в индивидуальном сознании духа и характера уже действующих в обществе законов, оно активно, творчески корректирует и

критикует действующие законы (и институты) с позиций индивидуальной справедливости, которая приобрела глубокий личностный смысл.

Стоит отметить, что отечественными психологами предпринимались попытки описать правосознание личности как целостный феномен и раскрыть его сущность. Важно осознавать, что для ответа на вопрос о сущности правосознания недостаточно привести подходящую дефиницию. Большинство определений правосознания сформулировано в виде перечня элементов, среди которых выделены: идея, теория, взгляд, убеждение, представление, понятие, рациональный образ, мнение, идеал, верование, ценностная ориентация, настроение, переживание, чувство, состояние, отношение, привычка, традиция, установка [66].

В свою очередь, В. В. Щегорцев предлагает рассматривать правосознание личности как целостное состояние, под которым понимается не просто совокупность элементов (идей, взглядов, представлений, чувств), а их взаимное положение, при условии, что один из элементов занимает доминирующую позицию [263].

Сущностная сторона правосознания личности дополняется функциональной характеристикой данного феномена. Через функции правосознания проявляются основные направления влияния на общественные отношения, формирование личности и ее поведение. В современной науке широкое распространение получила функциональная модель правосознания, разработанная А. Р. Ратиновым и Г. Х. Ефремовой [78]. Данная модель включает в себя функциональные подструктуры правосознания: гносеологическую, эмоционально-оценочную, поведенческую, которые, в свою очередь, осуществляют также познавательную, оценочную и регулятивную функции.

В Таблице 2 представлена функциональная модель структуры правосознания А. Р. Ратинова [210], которая является основой для прикладных исследований в юридической психологии.

Таблица 2 – Функциональная структура правосознания [210] (правовой психологии)

Основные функции правосознания	Психические компоненты	Результаты функционирования	Эмпирические показатели	Количественные характеристики
Познавательная	Интеллектуальный	Правовая подготовка	Юридические знания и умения	Степень осведомленности
Оценочная	Интеллектуально-эмоциональный	Ценностное отношение к праву и практике его применения	Оценочные суждения (мнения)	Степень солидарности
Регулятивная	Интеллектуально и эмоционально-волевой	Правовые установки и ориентации	Поведенческие позиции (решения)	Степень устойчивости

Среди функций правосознания исследователи также выделяют прогностическую (или функцию правового моделирования) и идейно-воспитательную (Ю. А. Дмитриева), идеологическую, коммуникативную и интегрирующую. (И. И. Кальной, Ю. А. Сандулов), гуманистическую и человекотворческую, творческо-креативную, охранительную или защитную, рефлексивную (Р. Р. Муслумов).

А. Р. Ратинов также отмечает, что важным фактором формирования исследования правосознания выступает правовая культура, которая помогает исследовать формы проявления правосознания. Правосознание входит в состав правовой культуры разных общностей, в которых оно может быть познано, и это необходимо учитывать при практической организации исследований. Если правосознание отражает правовую культуру и проявляется в ней, то исследование содержания его компонентов возможно с помощью анализа тех элементов, в которых оно объективируется и получает осязаемый выход [210].

Различая в правовой культуре разные виды деятельности и ее продукты, условно можно выделить два вида правосознания.

1. В поведении – это правотворчество, правоприменительная и правоохранительная деятельность, законопослушное или противоправное

поведение, правовое просвещение и воспитание, а также научно-правовая деятельность.

2. Сами плоды деятельности, то есть нормы права, выраженные в разных источниках (законах и подзаконных актах), правовые институты, правовая доктрина и принципы права, процессуальные документы (уголовные, административные и гражданские дела), произведения искусства и публицистика, вербальные и невербальные проявления сознания в деловом и обыденном общении (слухи, переписка, дневники, народный фольклор) и многое другое.

Фактически исследование правосознания должно происходить через реконструкцию возможных форм проявления правосознания по реальным действиям исследуемых.

Элементы правовой культуры оказывают влияние на правосознание и являются одновременно как средством или условием его формирования, так и деформации. Например, под воздействием криминальной правовой культуры формируются искажения правосознания. Часто влияние культуры на правосознание является стихийным, а не целенаправленным и формирует ложные или искаженные правовые взгляды, оценки и установки.

Между тем, усвоение правовых норм, правовых ценностей, стандартов юридически значимого поведения происходит и формируется в течение всей жизни человека. Ценностно-нормативная система личности фактически служит внутренним механизмом управления социальным и юридически значимым поведением. Для правомерного поведения в большинстве случаев достаточно усвоения правовых принципов и общих целей правового регулирования, важно быть солидарным с действующими правовыми ценностями и разделять основные принципы права. Эти исходные правовые положения и правовая аксиоматика служат вектором юридически значимых действий, знание конкретных правовых норм может быть необходимым только в конкретных ситуациях.

Подводя итог вышесказанному, необходимо констатировать, что фактически в современной психологии существует раздробленность изучения

правосознания, отдельных его компонентов, специфики формирования и форм проявления, что приводит к сложности его целостного восприятия.

До сих пор в психологии наблюдалось отсутствие интереса к системному теоретическому осмыслению феномена правосознания с позиции общей психологии и психологии личности, с учетом сложности самого отражаемого объекта (права), его сущности и содержания, которые будут рассмотрены в следующем параграфе.

1.3 Право как элемент психологической структуры сознания личности

Являясь по своей природе формой общественного сознания, правосознание подчиняется в своем развитии общим закономерностям развития сознания и отражает сущность и природу права. Невозможно исследовать феномен правосознания, не обратившись к сути категорий «сознание» и «право», которые будут рассмотрены в данном параграфе нашего исследования.

В научных трудах дореволюционного периода (до 1917 года) значительный вклад в развитие теории сознания был внесен Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, В. С. Соловьевым, Г. И. Челпановым, Г. Г. Шпетом. Особое значение в изучении сознания имеют труды Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева.

На сегодняшний день ведущими подходами к решению вопроса о сознании в психологии можно обозначить культурно-историческую теорию Л. С. Выготского и общепсихологическую теорию деятельности А. Н. Леонтьева. В настоящем исследовании мы предлагаем рассмотреть психологические основания правосознания личности с позиции приведенных выше подходов, согласно которым сознание является высшей формой психического отражения мира, результатом общественно-исторического развития индивида, которая имеет социальную обусловленность и связь с деятельностью и поведением человека.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать правосознание личности как продукт отношений и опосредствований, которые возникают в ходе становления и развития общества и конкретной личности. По мнению А. Н. Леонтьева,

сознание не может развиваться вне системы общественных отношений, в свою очередь, практически все общественные отношения урегулированы нормами права. Следуя логике А. Н. Леонтьева, сознание развивается в рамках системы общественных отношений, урегулированных правовыми нормами, следовательно, право как социальный регулятор «пронизывает» сознание. Значит, правосознание складывается как результат отношений. Если сознательное отражение – это «отражение предметной деятельности в ее отдельности от наличных отношений к ней субъекта, т.е. отражение, выделяющее ее объективные устойчивые свойства» [130], то правосознание – это отражение объективных устойчивых свойств правовой действительности (системы права, юридических институтов и норм, отношений в рамках правового поля). Преобразующая природу предметная деятельность, субъектом которой выступает разумный индивид, передается посредством произвольного и целесообразного волевого акта и способствует процессу творческого обучения и развития [130]. Процесс правотворчества и законотворчества, по сути, можно считать предметной деятельностью, преобразующей общественные отношения. Источником и основой правосознания являются общественные отношения, урегулированные нормами права, и только потом сами нормы права и законы. Правосознание формируется общественными субъектами в сфере правовых отношений (правоотношений) в процессе правовой деятельности [155].

Таким образом, А. Н. Леонтьев раскрывает категорию сознания через процесс порождения сознательного отражения, которое «вычерпывается» из внешней объективной реальности. В структуре сознания ученый выделяет три компонента: чувственную ткань, значение и смысл. Значения составляют важнейшую образующую человеческого сознания и рассматриваются А. Н. Леонтьевым как нечто, представляющее в индивидуальном сознании общественно-исторический опыт, закреплённый в слове. Если чувственная ткань является продуктом индивидуального опыта человека, то значения присваиваются [130]. Так, проводя аналогию с правосознанием, можно сделать вывод о том, что «правовой опыт» является

частью общественно-исторического опыта и присваивается субъектом через объективно существующие значения – юридические понятия, принципы, нормы, правовые институты. Как отмечает А. Н. Леонтьев, в сознании личности значения начинают жить как бы двойной жизнью, посредством включения в жизнь субъекта, они «субъективизируются», а затем приобретают личностный смысл, который порождается конкретными обстоятельствами жизни и особенностями субъекта. Личностный смысл придает сознанию пристрастность. Он связан с мотивами и переживаниями человека. Как и чувственная ткань, личностный смысл не имеет «надындивидуального», «не психологического» существования. Жизнь индивида в обществе, деятельность человека и составляют субстанцию его сознания» [130]. Таким образом, право, имеющее свое объективно выраженное в значениях содержание, субъективируется в правосознании личности. Правовые нормы могут толковаться и восприниматься пристрастно, субъективно оцениваться как справедливые или несправедливые, иметь определенную степень значимости для субъекта правоотношений. Если рассматривать правосознание с точки зрения теории А. Н. Леонтьева, то оно может быть представлено на всех уровнях следующим образом.

На уровне значений правосознание личности включает правовую грамотность, набор объективных знаний субъекта о праве, его системе, понимание необходимости соблюдения правовых норм. На этом уровне правосознание личности может быть представлено в виде образа правопослушного гражданина или, напротив, правонарушителя и преступника и др.

На уровне личностного смысла правосознание проявляется в том случае, когда субъект выражает свое отношение к системе права на вербальном уровне или непосредственно в юридически значимых ситуациях, отстаивая или защищая свои права, становясь участником сделок и юридических актов, активным участником правоотношений (например, выступая в суде, подписывая договор на покупку недвижимости, регистрируя брак или оформляя развод, усыновляя

ребенка или получая свидетельство о его рождении, подписывая завещание или документ о наследовании имущества, отказываясь от дачи показаний и др.)

На уровне чувственной ткани правосознание личности выражается в форме конкретных образов реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или только воображаемой. По своему содержательному наполнению эти образы относятся к области права, юридически значимым ситуациям, правопослушному и противоправному поведению и др. Чувственные образы различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т.д. Особая функция чувственных образов правосознания личности состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Именно благодаря чувственному содержанию правосознания личности мир права выступает для субъекта как существующий не в сознании, а во внешнем поле как объект его деятельности.

Проблема сознания является центральной и в культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. По мнению ученого, «сознание есть проблема структуры поведения» [46]. При этом Л. С. Выготский указывал на принципиальное отличие поведения животных от человеческого, учитывая влияние на поведение человека исторического и социального опыта. Таким образом, культурно-исторический подход возник на основе новаторской концепции сознания Л. С. Выготского, согласно которой значительная роль в становлении и функционировании индивидуального сознания отводится развитию культуры. Л. С. Выготским было создано учение о системном и смысловом строении сознания, разработаны методология и методы психологического исследования сознания, изучены линии развития сознания и поведения – эволюционная, историческая и онтогенетическая [46].

Системное строение сознания Л. С. Выготский называл его внешним строением, в то время как смысловое строение сознания образует его внутреннюю структуру. В смысле, согласно Л. С. Выготскому, выражается отношение сознания к внешнему миру. Смысл входит в значение. Значение есть всюду, где

есть знак. Значение слова представляет собой обобщение. Оно не константно и изменяется в ходе развития личности. За значением скрывается процесс обобщения. Изменение уровня развития обобщений, развитие значения как обобщения приводит к изменению смысловой структуры сознания, переводит его на более высокий уровень. Соответственно, система значений определяет смысловую структуру сознания [46]. Значение – это, своего рода, теоретически-обобщенная и устоявшаяся зона смысла. Следовательно, нормативно-правовые акты (например, законы) есть «зона смысла» общественно закрепленных ценностей и охраняемых правом благ (личных, социальных, культурных, политических, экономических). За присвоением в процессе интериоризации «правовых значений» – конкретных норм и принципов права – стоят личностные смыслы и ценности, которые составляют качественное содержание правосознания личности. Правовые нормы, которые не затрагивают область личностного смысла и ценностей, остаются на уровне «значений» и не проникают «в глубину» правосознания.

Таким образом, нами проанализированы подходы, согласно которым сознание личности существует и изучается как процесс и результат осознания мира, в том числе существующих в нем общественных отношений, поскольку право, как социокультурный феномен, является одновременно частью этих отношений и одним из видов социальных регуляторов.

По мнению классиков отечественной психологии, сущностью человеческой личности является совокупность общественных отношений, в движении и развитии которых и происходит ее становление. Именно в этом процессе и происходит формирование личности. В свою очередь, право является регулятором общественных отношений и одновременно частью этих отношений, проявляется через правосознание. Проводя аналогию, право – это условие, лежащее в окружающем мире, а правосознание – есть процесс отражения этого социального условия, одновременно и элемент процесса формирования личности. В связи с этим, право не может не находить своего отражения в сознании личности.

Сущностный (объективный) смысл права в социокультурном контексте состоит в том, что его характеристики обусловлены общими этическими философскими категориями, такими как равенство, свобода, справедливость. Неразрешенным вопросом в философии права по-прежнему остается проблема соотношения категорий «право» и «закон», которые неразрывно связаны с категорией «правопонимания».

Можно сказать, что сущность права – это его главная, внутренняя, относительно устойчивая качественная характеристика, которая отражает природу и назначение его в жизни общества. Без уяснения культурного опыта становления этой природы невозможно системно оценить и правосознание. Несомненно, выявление сущности права основывается на исследовании социальных ценностей, идей, определяющих природу права. История философско-правовой мысли представлена достаточно широким диапазоном взглядов о сущности права и определении его понятия. Существующие в юридической науке подходы являются выражением исторически конкретных социальных проблем и одновременно вариантом их разрешения. На сегодняшний день право в своей содержательной многосторонности может выражаться в различных идейных основаниях, например, как воля господствующего класса, защищённый интерес, справедливость, мера свободы и т.д.

Необходимо отметить, что сущность отличается от содержания явления. Сущность – это стержень явления. Содержание же образуют те элементы и связи между элементами, которыми обрastaет сущность. Можно сказать, что содержание – это определенный результат развития сущности и, конечно, содержание явления обусловлено его сущностью. В отличие от сущности, содержание относительно изменчиво: в нем могут исчезать одни элементы и связи и появляться другие.

Итак, содержание права – это правила, конкретные принципы и нормы, которые заключены в праве на определенном этапе его культурно-исторического развития, информационная система, содержащая предписания властного характера.

Категория «содержание» соотносится с категорией «форма», поскольку содержание, как правило, имеет свое формальное выражение. Если есть какое-то содержание, то имеется и соответствующая ему форма, и напротив, если что-то выделено в качестве формы, то требуется найти соответствующее ей содержание. В полной мере эта общая закономерность распространяется и на право. У права есть своя форма в виде источников права (нормативных правовых актов, правовой доктрины, правового обычая, судебного прецедента, судебной практики и др.), из которых и «черпается» правовая информация. Содержание и форма права могут меняться, но его сущность неизменна.

Мы разделяем точку зрения современных ученых-правоведов о том, что сущность права заключается в исследовании его роли в обществе и социального назначения.

По мнению философа права В. С. Нерсисянца, бытие права (его объективная природа и собственная сущность) представлено в принципе формального равенства. Оно включает в себя и выражает всю совокупность внутренне взаимосвязанных и предполагающих друг друга объективных свойств и сущностных характеристик права как всеобщей и необходимой формы равенства, свободы и справедливости в общественной жизни людей [165].

Внутренняя свобода личности может быть безгранична. Но внешние проявления свободы необходимо соразмерно устанавливать и ограничивать в случае необходимости. Кто определяет эту необходимость? Общество – культура – право.

Таким образом, в современной социальной философии понятие «право» определяется как общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженная в системе формально определенных и охраняемых публичной (государственной) властью общеобязательных правил поведения и деятельности. [165].

Сегодня существует значительный культурный разлом в понимании права, основанный на традициях отечественного и западного правопонимания, где, с одной стороны, устоялись системоцентристские взгляды на сущность права, а с

другой – взгляд на право, как форму свободы человека в общественной жизни и полагающуюся на личностное начало права [245].

Сущность права объективируется посредством выражения в определенной форме, источниках права (основным из которых для романо-германской правовой семьи является нормативный правовой акт). Другими словами, приобретая формальную определенность право позитивируется. Официально-властный авторитет, которым установлено и гарантировано позитивное право, является существенным фактором, значимым не только для практики, но и для любой теории [161].

Однако уже в сфере общественного сознания присутствует четкое разграничение между авторитетом законодателя и внутренними качествами закона (его рациональностью, целесообразностью и справедливостью), определяющего правовой статус личности.

С точки зрения позитивного права, вся истина о праве дана в самом позитивном праве, под которым имеются в виду все властно признанные источники действующего права (законы, подзаконные акты, санкционированное обычное право, судебные прецеденты и т.д.), все официальные установления, наделенные законной силой, в широком смысле – закон [161].

Самые простые и обыденные размышления личности о позитивном официально закреплённом в законах праве порождают в умах людей ряд вопросов, ответы на которые требуют выхода за рамки позитивного права и позитивистского правопонимания, составляя смысловую проблематику правосознания. Развитую личность интересует, почему именно эти, а не другие нормы установлены и определены законодателем в качестве позитивного права. От чего зависит закрепление чего-то в качестве нормы права – только ли от позиции и воли законодателя или есть какие-то иные (и какие именно) объективные, не зависящие от этой воли, основания законотворчества. Что есть право, в чем состоит его природа и сущность, специфика и те свойства, которые отличают его от иных видов регуляторов отношений. Каково соотношение права и других социальных норм и в чем оно выражено. Почему именно нормы права, а

не нравственные, моральные или религиозные нормы обеспечиваются возможностью принуждения. В чем ценность права, справедливо ли право и какова его справедливость. Всякий ли закон является правом или возможно правонарушающее, «антиправовое» законодательство, произвол в форме закона. Каковы предпосылки и условия для господства права, каков путь к правовому закону.

Правовой закон – это адекватное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определенности и конкретности, которые необходимы для действующего позитивного права [245].

С точки зрения содержательных характеристик современного российского права оно представляет собой систему норм, регулирующих общественные отношения в самых различных областях. С учетом специфики и сложности, разнородности общественных отношений, нуждающихся в юридической регламентации, система права представлена в виде отраслей, регулирующих относительно однородные группы общественных отношений.

В сознании личности существует информационный компонент – определенный объем информации об объективном праве, его системе, существующих источниках права (внешней форме права), общие представления о правовых нормах, юридической ответственности. В сознании личности сформирован и представлен определенный объем юридических категорий, общих и специальных понятий (например, «право», «функции права», «закон», «нормативный правовой акт», «юридическая ответственность», «система права», «отрасль права», «норма права», «правонарушение», «преступление», «наказание» и др.), сформированы общие представления о существующих правах и свободах, обязанностях, запретах, гарантиях, основах правового статуса личности.

Таким образом, право как социокультурное явление, как часть общественных отношений, находит свое отражение в сознании личности. Обладая сущностью и содержанием, «объективно существующее право» присутствует в той или иной степени в сознании личности. Образ права, отраженный в сознании

личности, имеет свою качественную специфику, которая представляет, на наш взгляд, сущность правосознания и может быть обнаружена посредством транслирования личностью смысла права и связанных с ним явлений.

Мы считаем, что правосознание, являясь процессом психического отражения в сознании личности права как общественного явления, включает в себя компоненты, складывающиеся в единую целостную систему.

Вероятно, система правосознания отражает принцип единства аффекта и интеллекта, сформулированный Л. С. Выготским, согласно которому воля субъекта является единым основанием и опосредующим звеном в формировании сознательно управляемых процессов (формировании произвольности), где в процессе развития происходит изменение отношения и связи между аффектом и интеллектом. Так в правосознании постепенно складывается и изменяется отношение между знаниями о праве и правовых нормах (условно когнитивным компонентом) и эмоциональная оценка этих знаний (условно аффективный компонент). В процессе развития личности и правосознания, при выборе способа поведения, включается волевой, поведенческий компонент, появляется (или нет) осознанность в выборе способа поведения (нарушить норму права или согласиться с ней).

Мы полагаем, что процесс развития правосознания личности происходит через общение, предметную деятельность и рефлексию. В общении происходит усвоение правовых норм, ценностей и представлений о справедливости. В предметной деятельности происходит применение правовых знаний на практике (соблюдение или нарушение законов, участие в правовых процессах). Благодаря рефлексии человек способен осознавать и анализировать свои права и обязанности, а также последствия своих поступков. Эти процессы взаимосвязаны и обеспечивают развитие правосознания как осознанного отношения к праву и закону.

Представим гипотетическую модель психологической структуры правосознания личности, которая, на наш взгляд, отражает содержание общественных отношений, урегулированных правовыми нормами, и состояние

современной правовой культуры общества (Рисунок 1). Структура правосознания складывается из когнитивного, ценностно-смыслового, эмоционального и поведенческого компонентов. На схеме с помощью стрелок наглядно отражены процессы интериоризации и экстерииоризации правовых норм и ценностей, которые разделены на пять основных категорий: личные, политические, социальные, культурные, экономические, социальные права и свободы и согласуются с нормами и принципами современного права.

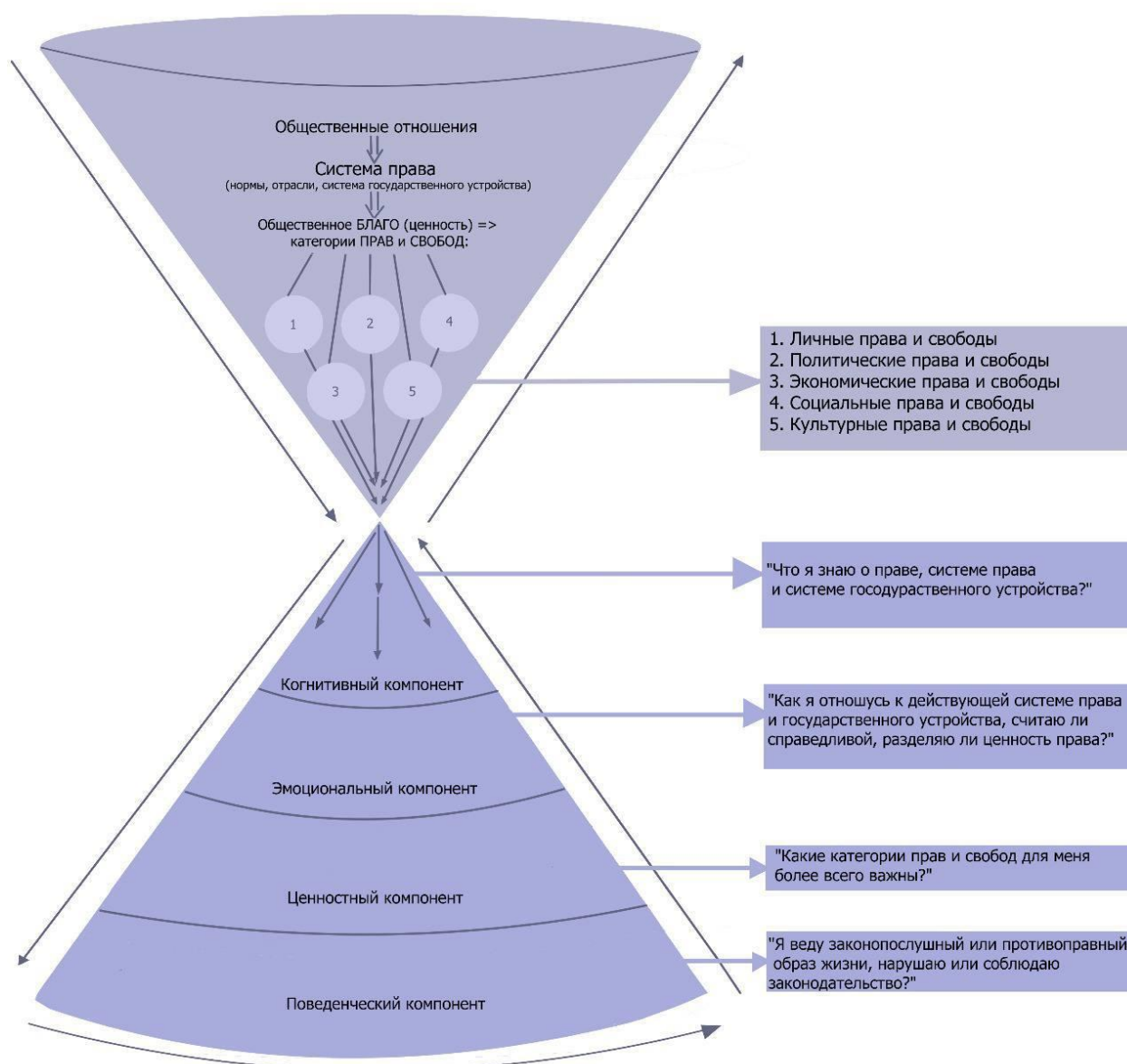

Рисунок 1 – Теоретическая (гипотетическая) модель психологической структуры правосознания личности

На наш взгляд, такая теоретическая модель психологической структуры правосознания личности позволяет системно подойти к исследованию данного феномена с позиции общей психологии и психологии личности, а также служит теоретической основой для разработки диагностических методик разных компонентов правосознания личности.

1.4 Методы исследования правосознания личности в психологии

Поскольку в психологической науке по-прежнему нет единого представления о понятии правосознания, его типах, формах и закономерностях формирования, отсутствует метод, позволяющий глубоко и системно изучить правосознание. Именно поэтому проблема диагностики правосознания личности имеет высокую актуальность.

Проведенный анализ методов исследования правосознания показывает, что на данный момент мы не располагаем валидным и надежным психодиагностическим инструментарием, позволяющим дать целостную качественную и количественную оценку содержания компонентов психологической структуры правосознания личности.

Сложность в создании таких методик, на наш взгляд, обусловлена, в первую очередь, недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований для проведения подобных прикладных исследований. В настоящее время в психологии существуют разрозненные методики, направленные на диагностику отдельных аспектов правосознания:

– *когнитивного компонента* (опросник правового развития Дж. Таппа, К. Левина в адаптации А. Н. Славской и М. И. Володиковой [39], опросник «Уровни правового развития» О. А. Гулевич [56], анкета сформированности когнитивных составляющих правосознания А. Б. Фирсова, А. И. Сорокиной, Г. Р. Фаттаховой [228], Л. А. Ясюковой [267] и др.;

– *эмоционального и поведенческого компонентов* (опросник «Отношение к праву» Д. С. Безносова [17], опросник профессионально правомерной

направленности личности Т. Г. Хащенко, М. М. Шпак [260], опросник правового поведения личности Т. Г. Хащенко, А. В. Хащенко, М. М. Шпак [259] и др.).

По мнению А. Р. Ратинова, процедуры и техника исследований правосознания должна строиться с учетом культурных особенностей (языковых, возрастных, образовательных, бытовых и др.). Методика, пригодная для исследования правосознания несовершеннолетних или жителей города может оказаться малоэффективной для взрослых и сельских жителей. В рамках теоретической модели функциональной структуры правосознания, предложенной А. Р. Ратиновым, был разработан комплекс диагностических методик.

Согласно методике Г. Х. Ефремовой, на основании концепции А. Р. Ратинова, правосознание может быть познано по результатам его функционирования, соответственно, структурные компоненты правосознания соотносятся с его функциями. Познавательная деятельность осуществляется через сумму определенных юридических знаний и умений, которую условно можно назвать правовой подготовкой. Оценочной функции соответствует система оценок и мнений по юридическим вопросам (оценочное отношение к праву, практике правоприменения). Регулятивная функция осуществляется через систему правовых установок, организуемых в систему ценностных ориентаций [212].

Правовую подготовку как интеллектуальный компонент правосознания Г. Х. Ефремова и А. Р. Ратинов предлагают диагностировать традиционными педагогическими методами. В частности, испытуемому предлагается ответить на вопросы об основах законодательства. Практическое владение имеющимися знаниями определяется с помощью сюжетов (проективных ситуаций), которым дается элементарная юридическая квалификация. Оценочный компонент правосознания генерируется с помощью оценочных суждений, для этого в качестве индикатора используются вопросы и задания, выявляющие мнения респондентов о сравнительной тяжести различных правонарушений, эффективности работы правоохранительных органов и др. Соответствие или расхождение с позицией законодателя указывает на степень солидарности с

правом и одобрения практики его применения. Основным компонентом в диагностике правосознания Г. Х. Ефремова и А. Р. Ратинов выделяют волевой, который лежит в основе принятия решения и выполнения какого-либо мотивированного действия.

Таким образом, методика диагностики правосознания включает в себя систему заданий, требующих многостадийного решения динамически развертывающейся криминальной ситуации, заимствованных из реальных уголовных дел. Последовательный выбор правомерных вариантов поведения интерпретируется как проявление готовности действовать в соответствии с правовыми требованиями и стойкой правомерной ориентацией. Наоборот, последовательный выбор противоправного варианта поведения и порицание юридически одобряемого поведения рассматриваются как показатель готовности опираться в своем поведении на противоправные нормы [212]. По мнению авторов методики, в групповых обследованиях правосознания этот метод доказал свою диагностическую ценность [78].

На наш взгляд, предложенный метод сложно назвать универсальным, так как он в большей степени нацелен на диагностику правосознания правонарушителей и преступников. Кроме того, интерпретация результатов по отдельному индикатору, выделенному Г. Х. Ефремовой и А. Р. Ратиновым, представляет сложную процедуру. В первую очередь, данные сводятся в интегральные количественные характеристики основных компонентов правосознания, используются обобщенные коэффициенты правовой осведомленности, солидарности с правом и т.д., которые исчисляются по формуле (1):

$$K = 1 - (P+q)/S*n, \quad (1)$$

где P – количество «неправильных» ответов и решений;

q – количество «уклончивых ответов» («не знаю», «затрудняюсь»);

S – общее количество вопросов и заданий, n – количество респондентов в изучаемой группе.

При идеальном положении дробь в этой формуле равна нулю и коэффициент составляет единицу.

Таким образом, несмотря на множество методик, направленных на диагностику разных компонентов структуры правосознания личности, на сегодняшний день психология не располагает универсальными, валидными и надежными методами, которые позволяют оценить уровень осведомленности субъекта о базовых правах и свободах, существующих на современном этапе культурно – исторического развития, выявить степень значимости исходных правовых ценностей, представляющих собой сущностную характеристику правосознания личности, выступающих в качестве ориентиров для поведения и деятельности субъекта в юридически значимой ситуации.

Отметим, что выбор конкретной методики, которая сегодня используются для изучения правосознания, обусловлен направлением изучения данного явления. Как отмечает О.С. Гулевич, одним из направлений изучения правосознания является фиксация наличного состояния правосознания – то есть определение уже сформированных и активно используемых людьми представлений, чувств и намерений относительно правовых объектов и явлений. Между тем, исследователи не проверяют, насколько содержание сформированных представлений соотносится с существующей системой права [57].

Большинство психологических исследований, посвященных изучению правосознания, носят практико-ориентированный характер, целью которых является прогнозирование неправомерного поведения участников правоотношений. Фактически исследование содержания правосознания правопослушной личности остается без внимания.

Отталкиваясь от того подхода, согласно которому правосознание по своему содержанию является системой социальных установок к явлениям правовой действительности, а также выбирая основным направлением исследования правосознания фиксацию существующего состояния (уровня, типа)

правосознания личности, исследователями чаще всего используются методы опроса в форме анкетирования. Например, для изучения аттитюдов по отношению к закону и суду используются специальная анкета с опросными пунктами, предполагающей варианты ответов от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен», а также пунктами, разработанными на основе тестов незаконченных предложений, техники «проективные ситуации». Особенности правосознания респондентов оцениваются по типам ответов и по степени их согласия с различными утверждениями.

По сути, каждая из активно применяемых методик исследования правосознания направлена на изучение только одного из его компонентов и не позволяет подойти к исследованию данного явления системно.

Между тем, по результатам исследования одного из компонентов правосознания (например, социальных установок к закону), исследователи порой делают выводы об общих характеристиках этого сложного явления, выделяют уровни развития правосознания, отождествляя ее с «уровнем правового развития».

На наш взгляд, уровень «правового развития» – это категория, содержание которой невозможно раскрыть только лишь через отношение личности к закону. Во-первых, необходимо осознавать, что понятия «право» и «закон» не тождественны по своему содержанию.

Право, в общефилософском значении, – это один из видов социальных регуляторов (наряду с моралью, религией, этикой), система сложившихся в социуме норм взаимодействия. Закон является одной из форм (источников) права, где эти нормы закреплены и формально выражены. Как Библия или Коран являются «формализованным» источником религиозных норм, так, в свою очередь, закон является формальным выражением правовых норм.

При этом некорректно и невежественно было бы отождествлять религию как социальное явление с текстом священного писания. Некорректно и определять уровень морального развития личности в зависимости от его

отношения к тому, в какой форме необходимо осуществлять приветствие, когда встречаешь знакомого на улице.

К сожалению, исследователи, изучающие психологические аспекты правосознания, часто искажают понятие права. Это связано с их типом правопонимания и уровнем правовой культуры. Подобная, с точки зрения философских обобщений и догм теории права, позиция негативно сказывается на адекватности выбираемых ими исследовательских методов. Нередко исследователь-психолог, отождествляя «право» и «закон», подразумевает под правосознанием исключительно знание закона. Руководствуясь таким поверхностным подходом при рассмотрении отношения личности к закону, мы получаем ошибочные выводы об общем уровне правового развития. Следует отметить, что указанные нами сложности в понимании и исследовании правосознания, обусловлены, среди прочего и тем, что исследователь изначально находится на ложном пути в определении содержания рассматриваемых понятий.

Активные попытки стандартизировать и формализовать методики исследования правосознания также существенно выхолащивают исследовательские задачи, не позволяют изучить вопрос глубоко и системно. Стоит отметить, что существующая стандартная методика интервью Дж. Тапп и К. Левина, позволяющая выявить уровень правового развития («правопослушание», «правоподдержание» и «правотворчество», заимствованные О. С. Гулевич), практически не применяется отечественными учеными в психологических исследованиях в силу трудностей, возникающих при формализации результатов. Полный вариант анкеты включает 15 открытых вопросов, касающихся функций, источника и возможности изменения правил и закона [56].

Дж. Тапп и К. Левин задавали участникам своего исследования пятнадцать вопросов, на основании которых выносили суждение об уровне их правового развития. Интервью являлось структурированным и содержало вопросы об отношении к закону, государственному строю, полиции и суду. При исследовании аттитюдов к правовым явлениям отечественные и зарубежные авторы используют

в опросниках проективные методики, где моральные нормы противопоставляются нормам закона, а испытуемому следует сделать выбор. Проективная ситуация представляет собой описание события, прочитав которое испытуемые должны придумать его окончание, оценить его участников или ответить на другие поставленные вопросы.

В практико-ориентированных исследованиях установок к полиции и иным правоохранительным органам используются незаконченные предложения, которые имеют начало, а их окончание должен дописать сам респондент. Предложения могут быть короткими или длинными и относиться непосредственно к тому объекту, который интересует исследователя.

Примером выявления социальных установок к полиции с помощью методики незаконченных предложений являются следующие утверждения: «Хороший полицейский это тот, кто...

а) верит в высокие идеалы службы в полиции и не будет колебаться, выполняя свои обязанности, даже когда для этого он должен работать сверхурочно;

б) старается исполнять свои обязанности по 8 часов в сутки, избегая неприятностей;

в) одинаково заинтересован в поддержании контактов с родными и друзьями и в выполнении своих профессиональных обязанностей» [17].

Стоит отметить, что в зарубежной практике для изучения отношения к правовым явлениям применяются ассоциативные методики. Например, спонтанные и выборочные ассоциации. Методика выборочных ассоциаций заключается в том, что каждый термин из одной группы слов нужно было соотнести с термином из другой группы. В свою очередь, методика спонтанных ассоциаций заключается в том, что испытуемому предлагается подобрать ассоциации [68].

Итак, в современной психологии активно используется набор методов и методик, позволяющих исследовать правосознание как систему социальных установок к правовым явлениям, однако отсутствует метод, позволяющий

исследовать правосознание глубоко и системно как сложное динамическое образование личности.

К сожалению, мы вынуждены признать, что, начиная с XX века, на психологию оказывает влияние естественнонаучное позитивистское устремление «измерять все, что измеряется, научиться измерять все, что не измеряется» [87].

Мы считаем, что существующие методики, используемые в современной психологии для исследования отдельных аспектов правосознания личности, не позволяют отразить личностный смысл объектов, отражающихся в правосознании носителя. До сих пор исследователи рассматривали только аттитюды (социальные установки) и не ставили перед собой задачу показать, какой смысл приобретают для человека понятия «право», «закон», «власть», «правовая система», «наказание», «юридическая ответственность» и др.

На наш взгляд, исследование смысловой сферы личности просто не способно обойтись без качественных методов исследования, одним из которых является исследовательское полуструктурированное интервью.

По мнению С. Квале, единственное необходимое условие познания сознания личности – готовность его носителя вступить в диалог и поделиться его содержанием. Наличие этого мира делает сознание человека объектом гуманитарного познания наряду с языком, культурой, искусством и другими созданными человеком артефактами. Главное в них – содержание. Задача гуманитарного познания «разговорить» их, вступить в диалог с этими мирами и правильно истолковать полученную информацию [107].

На наш взгляд, психологическая диагностика правосознания может иметь целостный характер в случае совместного использования методологий качественного и количественного подходов в исследовательской практике, релевантных природе изучаемого аспекта личности. Например, полуструктурированное интервью может являться как самостоятельным, так и вспомогательным методом комплексной диагностики правосознания личности.

С одной стороны, грамотно разработанная процедура полуструктурированного интервью способна помочь в исследовании содержания

разных компонентов правосознания личности и описании его качественных характеристик и различий, с другой стороны – результаты, полученные в ходе анализа данных полуструктурированного интервью, могут послужить основой для разработки стандартизированных методик исследования содержания компонентов правосознания личности, которые выявляются в ходе проведения качественных исследований.

Выводы по главе

1. Теоретический обзор подходов к исследованию правосознания показал, что правосознание является не только сложным социально-политическим, юридическим, нравственным, но и психологическим феноменом. Сложность исследования правосознания объясняется тем, что оно находится в постоянном развитии, его содержание и формы обогащаются, отражая изменения личности и общественных отношений. Непосредственно к предмету изучения психологии можно отнести индивидуальное правосознание или правосознание отдельной личности.

2. Междисциплинарный подход при анализе феномена правосознания раскрывает его аксиологическую основу: именно ценностно-смысловой компонент правосознания является определяющим в природе этого явления и позволяет рассматривать категорию правосознания не только с позиции юридического феномена, но и как категорию философии, культуры, социологии, психологии, имеющую непосредственное отношение к духовной жизни общества и отдельно взятой личности.

3. Присвоенная субъектом, аксиологическая система права становится элементом его самосознания. Этот процесс позволяет ввести в область психологического анализа категорию правосознания личности и провести его структурно-функциональный анализ в русле различных психологических теорий и концепций.

4. Все существующие в различных отраслях современной психологии исследования правосознания можно условно разделить на два направления. К первому направлению можно отнести определение уже сформированных и активно проявляющихся в обыденной жизни представлений, чувств и намерений относительно правовых процессов и явлений в форме социальных установок (аттитюдов). Изучение правосознания в таких исследованиях происходит в рамках описательного подхода и носит, в основном, практико-ориентированный характер, полученные результаты используются в целях прогнозирования

вариантов поведения личности при выборе юридически значимого поведения. Второе направление изучения правосознания – исследование процесса его формирования, правовой социализации. Под правовой социализацией подразумевается процесс формирования когнитивного, аффективного, поведенческого и иных компонентов правосознания, происходящий в рамках основных социальных институтов – семьи, школы, средств массовой информации, а также при общении с работниками правоохранительных органов, суда, пенитенциарной системы.

5. Поскольку нормы морали, наряду с правовыми нормами, являются регуляторами общественных отношений, право и мораль соотносятся друг с другом, в связи с чем формирование правосознания может быть сопоставимо с формированием морального сознания и моральным развитием. В российской психологии моральное развитие ребёнка трактуется как процесс усвоения им моральных социальных норм, эталонов, способов и образцов поведения (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Л. И. Божович и др.) Усвоение и присвоение принятых в обществе социальных норм осуществляется ребёнком в деятельности через переживание, осознание и сознательное принятие [127]. Мы считаем, что нормы права усваиваются аналогичным образом.

6. Развитие суждений о праве неразрывно связано с интеллектуальным развитием, а также с общими принципами развития моральных суждений. Тем не менее, в формировании суждений о праве значительную роль также играет культурно-исторический аспект развития, который необходимо учитывать при анализе психологических аспектов правосознания личности.

7. Между теоретическим и эмпирическим уровнями изучения правосознания существует разрыв, который обусловлен нескоординированностью усилий представителей различных областей знаний. В частности, в отечественной науке, где термин «правосознание» получил широкое распространение, разработкой теоретических положений долгое время занимались философы и теоретики права, а проведением эмпирических исследований – социологи и психологи, не имея общей единой теоретической концепции правосознания

личности и опираясь, в основном, на западные подходы к правосознанию, изучающие данный феномен как систему социальных установок.

8. Теоретическое осмысление феномена правосознания личности с позиции культурно-исторического и деятельностного подходов в психологии согласуется с «психологической теорией права» Л. И. Петражицкого и концепциями, принятыми в социальной философии и либертарно-юридической теории права и государства. Правосознание, подчиняясь в своем развитии закону перехода к опосредованным, социальным и культурным формам поведения, в конечном итоге, будет представлено у развитой личности системой сформированных взглядов о справедливости, равенства и возможных проявлений свободы в процессе социального взаимодействия и юридически значимых действий в рамках правового поля.

9. К процессу становления системы правосознания личности может быть приложен принцип единства аффекта и интеллекта, сформулированный Л. С. Выготским, согласно которому воля субъекта является единым основанием и опосредующим звеном в формировании сознательно управляемых процессов (формировании произвольности), где в ходе развития претерпевают изменение отношения между аффектом и интеллектом. Так, в правосознании личности постепенно складывается и изменяется отношение между знаниями о праве и правовых нормах («интеллектом» или когнитивным компонентом правосознания личности) и эмоциональной оценкой этих знаний («аффектом» или эмоциональным компонентом правосознания личности). В процессе появления зрелых форм правосознания личности, при осуществлении субъектом выбора способа действия в юридически значимых ситуациях, все в большей мере проявляется волевой компонент, выражающийся в осознанности принятого решения (реализовать норму права, внутренне согласиться с ней, либо нарушить закон). В последнем случае следует говорить о правосознании личности правонарушителя или преступника.

10. Жизнь индивида и его деятельность в обществе составляют субстанцию его сознания. Таким образом, право, имеющее свое объективно

выраженное в значениях содержание, субъективируется в правосознании личности. Правовые нормы могут толковаться и восприниматься пристрастно, субъективно оцениваться как справедливые или несправедливые, иметь определенную степень значимости для субъекта правоотношений. Если рассматривать правосознание с точки зрения теории А. Н. Леонтьева, то оно может быть представлено на всех уровнях сознания (в значениях, личностных смыслах и чувственной ткани).

11. Несмотря на множество методик, направленных на диагностику разных компонентов структуры правосознания личности, на сегодняшний день отсутствуют универсальные валидные и надежные методы, позволяющие оценить уровень осведомленности субъекта о базовых правах и свободах, существующих на современном этапе культурно-исторического развития, и выявить степень значимости исходных правовых ценностей, которые представляют собой сущностную характеристику правосознания личности и выступают в качестве ориентиров для поведения и деятельности субъекта в юридически значимой ситуации.

12. На наш взгляд, психологическая диагностика правосознания личности может иметь целостный характер в случае совместного использования методологий качественного и количественного подходов в исследовательской практике, релевантных природе изучаемого аспекта личности.

13. Методология культурно-исторического и деятельностного подходов в психологии позволяет разработать теоретическую общепсихологическую модель структуры правосознания личности и подобрать инструменты для комплексной психологической диагностики компонентов структуры правосознания личности.

Глава 2 Эмпирическое исследование правосознания методом полуструктурированного интервью: реализация методологии качественного подхода

2.1 Полуструктурированное интервью как метод психологического исследования

Полуструктурированное интервью представляет собой метод качественного исследования, основной целью которого выступает реконструкция и интерпретация «жизненного мира» респондента через описание и анализ значимых для него феноменов [107]. В отличие от формализованных опросников, данный метод сочетает заданную тематическую направленность с гибкостью ведения диалога: интервьюер руководствуется «путеводителем», но может оперативно формулировать уточняющие и глубинно-проективные вопросы. Это позволяет не только сохранить фокус на предмете исследования, но и адаптироваться к индивидуальному контексту респондента, минимизировать влияние эффекта социальной желательности и получать богатый качественный материал, отражающий многогранность и противоречивость человеческого опыта.

Метод успешно применяется в различных областях психологии и смежных дисциплинах для изучения сложных, латентных феноменов. Так, в социологии известен пример использования доверительного биографического интервью (В. Семенова, Е. Мещеркина [214]) с тематическими блоками («Детство», «Юность» и др.) в исследовании семейных биографий. В психологии развития и клинической психологии метод адаптирован для решения специфических задач, описанных в работе «Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители» (А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых [145]). Полуструктурированное интервью также применяется для диагностики аффективных расстройств (K-SADS-PL) и ПТСР у детей (Н. В. Тарабрина [241]). Кроме того, данный метод доказал свою эффективность в аксиологических и гендерных исследованиях, наряду с аксио-биографическим интервью (А. П. Вардомацкий [35]) или интервью для изучения гендерных стратегий

(С. Д. Гуриева, У. А. Удавихина [58]). Этот опыт подтверждает потенциал метода для исследования сложных психологических реальностей, связанных с идентичностью, ценностями и глубинными переживаниями.

Обоснование применения метода для исследования правосознания.

Несмотря на активное использование полуструктурированного интервью в смежных областях, данный метод не применялся при целостном психологическом исследовании структуры правосознания личности. Существующие работы, в основном, посвящены изучению его отдельных компонентов (социальные установки, правовые знания).

Для изучения смыслового строения правосознания необходим метод, позволяющий работать с объективными свойствами права как социокультурного явления, но при этом реконструировать их субъективное отражение в индивидуальном сознании. Полуструктурированное интервью, в отличие от стандартизированных опросников, предоставляет такую возможность, поскольку позволяет:

- выявлять имплицитные смыслы и личностные значения правовых понятий;
- проследить внутреннюю логику правовых рассуждений респондента;
- фиксировать эмоциональное отношение к правовым явлениям;
- идентифицировать зоны противоречий и неопределенности в правосознании.

Проведение интервью на столь сложную тему требует от исследователя глубоких знаний в области права для адекватного понимания смысловых нюансов и контекстов высказываний респондента, в то же время исследователю необходимо сознательно минимизировать субъективное воздействие, которое может сказаться на результатах интервью. Несмотря на то, что транскрибированный текст никогда не передает всего богатства живой беседы, данный метод позволяет максимально полно и глубоко зафиксировать спектр особенностей правосознания личности.

Процедура и методы анализа данных интервью.

Обработка данных проводилась системно, рефлексивно и методологически осознанно. Качественный анализ был организован как строгая процедура перевода текстовых данных в теоретические конструкты, направленная на верификацию и обогащение исходной модели правосознания, а не на произвольную интерпретацию.

Выбор конкретных методов анализа определялся фокусом исследования. Для достижения целей диссертационного исследования в качестве основного метода был избран подход обоснованной теории (Б. Глезер, А. Страусс) [36, 237], так как он напрямую нацелен на построение и проверку теоретической модели правосознания личности. Для усиления анализа точно применялись приемы из других методов:

- феноменологическая рамка – для глубинной интерпретации высказываний о личном опыте респондентов;
- количественный подсчет частотности ключевых категорий – для придания наглядности и убедительности выводам.

Процедура кодирования данных интервью включала три этапа:

1. Открытое кодирование: выделение первичных смысловых единиц (кодов).
2. Осевое кодирование: группировка кодов в категории и выявление связей между ними.
3. Селективное кодирование: интеграция категорий в общую теоретическую схему.

Для обеспечения валидности и надежности анализа были предприняты следующие меры:

1. Триангуляция методов и данных. Данные интервью соотносились с результатами анкетирования по другим методикам и существующими нормативно-правовыми актами. В исследовании применяется принцип триангуляции методов, где результаты, полученные одним методом,

верифицируются и дополняются другими методами, что позволяет обеспечить комплексность и достоверность исследования.

2. Рефлексивность исследователя. Велось документирование, критическое осмысление собственных предпосылок и их потенциального влияния на интерпретацию.

3. Детальное описание процедуры. Процесс кодирования был максимально детализирован и представлен в работе и приложениях для обеспечения возможности проверки и повторения.

4. Проверка на правдоподобие. Выводы сверялись с существующими теоретическими представлениями и данными других исследований.

Таким образом, в исследовании применяется комплексный подход, объединяющий качественные и количественные стратегии. Выбор полуструктурированного интервью в качестве ключевого метода обусловлен его способностью реконструировать целостную структуру правосознания, а результаты, полученные с его помощью, создают основу для дальнейшей разработки стандартизированного опросного инструментария.

2.2 Организация и обоснование метода полуструктурированного интервью для изучения правосознания личности

Выборка исследования и процедура сбора данных.

Выборка на этапе качественного исследования была сформирована целенаправленно и составила 60 человек в возрасте от 21 до 35 лет (средний возраст $M = 25.3$, $SD = 4.2$). В целях максимизации разнообразия получаемых данных и выявления возможных различий в содержании правосознания, выборка включала две группы:

1. 30 студентов выпускных курсов неюридических специальностей Алтайского государственного университета (18 женщин, 12 мужчин).

2. 30 респондентов, не связанных с профессиональной деятельностью в области психологии и юриспруденции (работники сферы услуг, образования, IT-специалисты, журналисты; 15 женщин, 15 мужчин).

Критериями отбора являлись: возраст (не моложе 18 лет), добровольное информированное согласие на участие и аудиозапись беседы. Объем выборки признается достаточным в качественных исследованиях для достижения точки насыщения данных.

Интервью проводились индивидуально в условиях, обеспечивающих конфиденциальность. Средняя продолжительность одной беседы составила 60-90 минут. Все интервью записывались на аудионоситель с последующей дословной транскрипцией для анализа. Проведению исследования предшествовало пилотажное интервьюирование (N=10), по результатам которого были скорректированы формулировки отдельных вопросов, интервью было дополнено проективными ситуациями, пословицами и поговорками о праве, создан бланк фиксации данных интервью (Приложение 1).

Структура и содержание полуструктурированного интервью.

В соответствии с теоретической моделью правосознания личности, представленной в первой главе, было разработано полуструктурированное интервью, состоящее из 50 вопросов, объединенных в 6 тематических блоков. Интервью направлено на комплексную диагностику когнитивного, эмоционального, ценностно-смыслового и поведенческого компонентов правосознания. Структура и схема проведения интервью представлена в Таблице 3.

Таблица 3 – Схема проведения полуструктурированного интервью для изучения компонентов структуры правосознания личности

№	Направленность вопросов / Компоненты структуры правосознания личности	
1.	Вопросы общего характера: ФИО, пол, возраст, образование	
	Количество вопросов: 10 – 12	Исследовательская цель: Составить общую характеристику личности
	Время для записи ответа: 5 – 7 минут	

Продолжение Таблицы 3

Когнитивный		
2.	Вопросы, направленные на определение типа правопонимания <i>(что респондент понимает о праве как регуляторе общественных отношений)</i>	
	Количество вопросов: 12 – 15	Исследовательская цель: выявить общие представления о праве, как регуляторе общественных отношений; соотношении права и морали; месте права в обществе в системе регуляторов общественных отношений
	Время для записи ответа: 10 – 15 минут	
3.	Вопросы, направленные на определение уровня правовой грамотности (юридической осведомленности) <i>(что опрашиваемый знает о современном праве, системе права, государственном устройстве)</i>	
	Количество вопросов: 30 – 35	Исследовательская цель: оценить знания о системе права (отрасли права, отдельные правовые нормы); государственном устройстве и основах конституционного строя Российской Федерации
	Время для записи ответа: 40 – 45 минут	
Ценностно-смысловой		
4.	Вопросы, направленные на выявление сформированности ценностных компонентов правосознания. <i>(какие категории прав и свобод значимы и важны для личности в большей (меньшей) степени)</i>	
	Количество вопросов: 8 – 10	Исследовательская цель: выявить категории прав и свобод (личные, политические, социальные, культурные, экономические), наиболее значимых для респондента; определить, в каких ситуациях респондент готов ограничить свои права и свободы, отказаться от определенной категории прав и свобод
	Время для записи ответа: 40 – 45 минут	
Эмоциональный		
5.	Вопросы, направленные на выявление эмоционального отношения опрашиваемого к праву, системе права, отдельным правовым нормам, теме интервью. <i>(Как индивид относится к действующему праву, государству, существующим правам и свободам)</i>	
	Количество вопросов: 5 – 7	Исследовательская цель: выявить общее эмоциональное отношение к праву. Выяснить, разделяет ли респондент принятое в обществе отношение к основным правовым ценностям и нормам
	Время для записи ответа: 5 – 7 минут	
Поведенческий		

Продолжение Таблицы 3

6.	Вопросы и проективные ситуации, направленные на оценку индивидом собственного поведения как правопослушного (противоправного, преступного). (как <i>опрашиваемый</i> оценивает свое поведение в рамках правового поля, в каких <i>ситуациях</i> готов нарушить закон)	
	Вопросы и проективные ситуации.	Исследовательская цель: описать поведение индивида в юридически значимых ситуациях. Выявить ситуации, в которых респондент готов проявить правопослушное, осуществить противоправные или преступные действия. Выявить отношение к юридической ответственности
	Время для записи ответа: 10 – 15 минут	

Первый блок вопросов направлен на установление доверительного контакта и получение общих сведений о респонденте. Примеры вопросов: «Расскажите о характере Вашей основной деятельности», «Принимаете ли Вы участие в общественной жизни?».

Второй блок направлен на выявление типа правопонимания через раскрытие смыслового содержания понятий «право» и «закон». Примеры вопросов: «Как соотносятся понятия права и закона?», «В чем проявляются основные функции права?».

Третий блок оценивает уровень правовой грамотности через проверку знаний об основах государственного устройства и правовой системы. Примеры вопросов: «Назовите основные отрасли права», «Что имеет большую юридическую силу – закон или постановление правительства?».

Проективные методы и дополнительные приемы.

Для преодоления социальной желательности и изучения имплицитных аспектов правосознания в интервью включены:

1. Проективные ситуации, моделирующие выбор между правомерным и противоправным поведением в различных ролевых позициях (например, ситуация нарушения ПДД в роли обычного гражданина и представителя власти).

2. Интерпретация пословиц и поговорок о праве и законе (22 единицы), позволяющая определить культурные стереотипы правосознания.

3. Оценка готовности ограничить или отказаться от определенных прав в пользу других.

Система критериев качественной оценки компонентов правосознания личности.

Для анализа данных интервью была разработана система критериев.

Оценка когнитивного компонента правосознания личности проводилась на основе комплексного подхода, учитывающего как формальные нормативные требования, так и качественные характеристики правового мышления респондентов. Основным ориентиром для оценки уровня правовой грамотности стали требования Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования [249, 250], которые позволили объективизировать анализ и установить единые критерии для всей выборки. Степень выраженности когнитивного компонента оценивалась по пятиуровневой шкале: «низкий», «ниже среднего», «средний», «выше среднего», «высокий».

Вопросы второго и третьего тематических блоков интервью были разработаны с учетом требований образовательного стандарта к уровню правовой грамотности и правосознания выпускника школы. Оценивание ответов осуществлялось на основе анализа того, насколько полно респондент демонстрировал владение общекультурными и предметными компетенциями в ходе беседы.

В соответствии с нормами образовательного стандарта, правовая грамотность предполагает не только знание основных правовых институтов, но и сформированность ценностно-нормативных ориентаций. Как отмечается в стандарте, выпускник должен быть «социально активным, уважающим закон и правопорядок, соизмеряющим свои поступки с нравственными ценностями, осознающим свои обязанности перед семьей, обществом, Отечеством» [249].

Для комплексной оценки когнитивного компонента правосознания были выделены следующие критерии:

1. *Уровень правовых знаний* – степень усвоения базовых правовых принципов и терминов, включая знание основных отраслей права и их специфики,

понимание иерархии нормативных правовых актов, знание конституционных прав и свобод, понимание видов и оснований юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой и др).

2. *Тип правопонимания* – характер осмысления права и его роли в обществе. Поверхностный типа правопонимания – этатистский (право как продукт государственной воли), нормативный тип правопонимания – естественно-правовой (право как воплощение справедливости), социологический (право как отражение общественных отношений), развитый типа правопонимания – интегративный (синтез различных подходов).

3. *Системность правовых представлений* – способность к установлению взаимосвязей между различными правовыми феноменами, то есть умение соотносить конкретные правовые нормы с общими принципами права, способность видеть взаимосвязь между различными отраслями права, понимание системного характера правового регулирования.

4. *Гибкость правового мышления* – способность применять правовые знания в различных социальных контекстах, другими словами, умение анализировать конкретные правовые ситуации, способность выявлять правовые аспекты в ситуациях повседневной жизни, готовность к пересмотру правовых представлений в свете новой информации и изменений социального контекста.

5. *Рефлексивность правосознания* – способность к критическому осмыслению правовой реальности, в частности, осознание ограниченности собственных правовых знаний, понимание противоречий в правовой системе, способность к критической оценке правоприменительной практики.

Степень овладения учебным материалом в рамках требований образовательного стандарта была условно принята за нормативный ориентир при анализе данных интервью. Однако, как показало исследование, формальное соответствие образовательным стандартам не всегда соотносится с развитостью правосознания. В связи с этим возникает необходимость использования комплексных критериев оценки, учитывающих как уровень знаний, так и особенности когнитивной сферы и правового мышления личности.

Для обеспечения валидности оценки использовался метод экспертного кодирования, при котором два независимых специалиста оценивали ответы респондентов по единой схеме. Межкодировочная надежность составила $\kappa = 0.87$, что свидетельствует о высокой согласованности экспертных оценок.

Таким образом, предложенная система критериев позволяет комплексно оценить когнитивный компонент правосознания, учитывая как формальный уровень правовых знаний, так и качественные характеристики правового мышления респондентов.

Критерии оценки ценностно-смыслового компонента правосознания личности.

В рамках разработанной методики полуструктурированного интервью и на основании теоретической модели правосознания, представленной в первой главе, для оценки ценностно-смыслового компонента были выделены и операционализированы следующие критерии.

1. *Степень (иерархия) значимости различных категорий прав и свобод.* Данный критерий направлен на выявление субъективных приоритетов респондента в системе прав человека. С его помощью можно определить, какие права воспринимаются субъектом как фундаментальные и неотчуждаемые, а какими респондент потенциально готов «пожертвовать». Оценка производилась на основе анализа ответов в рамках четвертого тематического блока интервью. В качестве показателей выступала выраженная значимость базовых категорий прав и свобод:

- личных прав (жизнь, свобода, неприкосновенность и др.);
- политических прав (участие в выборах, свобода собраний и др.);
- социальных прав (бесплатное образование, медицинская помощь);
- экономических прав (труд, возможность вести бизнес, иметь собственность и др.);
- культурных прав (свобода творчества, доступ к культурным ценностям и др.).

Ключевым индикатором выступала готовность респондента к открытому ранжированию прав и свобод по степени их субъективной важности, а также способность аргументировать свою позицию.

2. *Готовность к ограничению или отказу от определенных категорий прав и свобод.* Критерий оценивает гибкость и ригидность ценностной позиции, выявляя «красные линии» (права, отказ от которых невозможен ни при каких обстоятельствах) и зоны потенциального компромисса. Метод оценки включал анализ реакций на проективные вопросы и ситуации, представленные в четвертом и шестом тематических блоках. Показателями критерия выступили: условия, при которых респондент допускает возможность ограничения прав (ради безопасности других, общественного блага, личной выгоды или интересов близкого человека); категории прав, от которых респондент легко готов отказаться (низшие уровни иерархии значимости); категории прав, от которых респондент не готов отказаться ни при каких условиях (высшие уровни иерархии значимости, базовые ценности).

3. *Связь правовых ценностей с системой личностных ценностей.* Критерий направлен на анализ степени интеграции правовых ценностей (справедливости, законности, свободы) в общую структуру личностных ценностей (безопасности, самостоятельности, материального благополучия и др.). Как показали результаты исследования, в частности, контрастный анализ кейсов, именно этот критерий позволяет дифференцировать типы правосознания (например, рефлексивно-ценностный у респондента Дмитрия, прагматичный у «нарушителя», пассивный у «обывателя»). Метод оценки включал глубинный качественный анализ нарратива и аргументации респондента, а также сопоставление ответов из различных тематических блоков интервью. Показателями стали: ценностный фундамент правовых суждений (доминирование ценностей свободы, справедливости, прагматизма, личной выгоды или пассивности); наличие/отсутствие и характер внутренних ценностных конфликтов (например, конфликт между ценностью законности и ценностью помощи близкому человеку).

4. *Способ ценностной аргументации.* Критерий позволяет оценить уровень рефлексивности и зрелости ценностно-смысловой сферы личности через анализ особенностей обоснования своей позиции. Метод оценки заключается в анализе языка и логики рассуждений респондента. В ходе нашего исследования были выделены следующие уровневые показатели: *догматический / нерефлексивный* – аргументация содержит ссылки на внешний авторитет («так написано в законе», «так принято»), отсутствует личностное осмысление. *Эгоцентрический* – обоснование строится через личную выгоду или невыгоду («мне это невыгодно», «меня могут наказать»). *Рефлексивно-универсальный* – аргументация, основанная на абстрактных этических принципах (справедливости, баланса интересов, общественного договора), с признанием многомерности и возможной противоречивости ценностных выборов.

Итак, в нашем исследовании ценностно-смысловой компонент правосознания оценивается как динамичная система личностных смыслов, проявляющаяся через иерархическую структуру правовых предпочтений в контексте базовых категорий прав и свобод, готовность к ценностным компромиссам на определенных условиях, глубинную связь правовых и личностных ценностей, рефлексивную способность к аргументации своей ценностной позиции.

Представленный комплекс критериев позволяет выйти за рамки констатации информированности о правах и свободах и обеспечивает глубинный качественный анализ ценностно-смыслового измерения правосознания личности.

Эмоциональный компонент правосознания личности оценивался через систему взаимосвязанных критериев, позволяющих выявить особенности эмоционального отношения личности к правовой реальности.

1. *Эмоциональная реакция на конкретные правовые нормы и ситуации.* Данный критерий направлен на оценку глубины и личностной значимости эмоционального вовлечения респондента, его способности к эмоциональному отклику и сопереживанию в контексте юридически значимых тем. Метод оценки включал анализ ответов на проективные ситуации шестого тематического блока

интервью, а также вопросы, направленные на выявление готовности к правонарушению. При анализе учитывались два ключевых параметра:

- *валентность* (положительная / отрицательная эмоциональная окраска);
- *интенсивность* эмоциональных реакций.

В результате качественного анализа были выделены следующие показатели:

- *Эмоциональное осуждение нарушения норм.* Выраженные негативные эмоции (гнев, недовольство, неприятие и моральное осуждение) по отношению к нарушителям, свидетельствующие о восприятии закона как абсолютной моральной категории.
- *Эмоциональное оправдание нарушения норм.* Эмпатия, понимание, сочувствие к нарушителю в исключительных обстоятельствах, отражающее ситуативный и условный характер следования правовым нормам (например: «Если человек украл из-за голода – его жалко, я не осуждаю»).
- *Эмоциональная отстраненность.* Равнодушие, отсутствие выраженной эмоциональной реакции на правовые дилеммы, что может свидетельствовать об отчуждении от правовой системы.

2. *Удовлетворенность реализацией собственных прав и свобод.* Критерий оценивает субъективное переживание личной правовой защищенности или «ущемлённости», отражающее степень интеграции правовых гарантий в индивидуальную картину мира. Метод оценки основывался на анализе прямых и косвенных вопросов, направленных на выявление того, насколько респондент чувствует, что его права реализуются и защищаются в повседневной жизни. По результатам анализа ответов были операционализированы три уровня удовлетворённости:

- *удовлетворён* – переживание чувства защищённости, уверенности в правовых гарантиях, спокойствия;
- *частично удовлетворён* – амбивалентные переживания, сочетание элементов уверенности и неуверенности, ситуативное недоверие к правовым институтам;

- *неудовлетворён* – доминирование чувства бесправия, уязвимости, фрустрации, правовой отчуждённости, ощущения декларативности правовых норм, недоверие к органам власти и правосудия.

Методологическое обеспечение надежности оценки эмоционального компонента включало процедуру независимого кодирования двумя подготовленными экспертами, которые оценивали эмоциональный тон высказываний на основе единого руководства. Высокий уровень межкодировочной надежности, подтвержденный *коэффициентом согласия Кappa Козна* ($k = 0.87$), свидетельствует о валидности и объективности выделенных критериев и категорий анализа.

Таким образом, эмоциональный компонент правосознания в данном исследовании концептуализируется как сложная система переживаний, включающая:

- *оценочное отношение* (позитивное/негативное/амбивалентное);
- *глубину эмоциональной вовлечённости* (от полной отстранённости до интенсивного переживания);
- *объектную направленность* (право как идея, правоприменительная практика, конкретные нормы);
- *субъективное чувство правовой защищённости или депривации*.

Применение данного комплексного подхода позволило выявить доминирующее в исследованной выборке нейтрально-скептическое отношение к праву, характеризующееся признанием его ценности при одновременном недоверии к механизмам его реализации, что составляет один из ключевых результатов эмпирического исследования.

Поведенческий компонент правосознания личности представляет собой интегративное образование, отражающее готовность личности к реализации правовых знаний и ценностей в практической деятельности. В рамках исследования оценка данного компонента осуществлялась на основе системы взаимосвязанных критериев, позволяющих выявить особенности правового поведения и поведенческих интенций респондентов.

1. *Установка на правомерное поведение.* Данный критерий направлен на оценку общей направленности личности на соблюдение правовых норм в повседневной жизни. Метод оценки включал анализ ответов на прямые вопросы и проективные ситуации шестого тематического блока интервью. Выделены следующие показатели:

- *Активная правовая позиция.* Осознанное и добровольное соблюдение правовых норм, готовность к защите правопорядка.
- *Ситуативное правослушание.* Соблюдение норм в зависимости от внешних обстоятельств (риска наказания, контроля и социальной желательности).
- *Пассивное соблюдение.* Формальное следование нормам без личной вовлеченности и заинтересованности.
- *Девииантные установки.* Осознанная готовность к нарушению правовых предписаний.

2. *Готовность к правонарушению в различных ситуациях.* Критерий оценивает степень условности правопослушного поведения и наличие «границ дозволенного». Метод оценки включал анализ ответов на проективные ситуации, моделирующие морально-правовые дилеммы. Выделены три уровня готовности к противоправному поведению:

- *низкая* (неприемлемость нарушения норм даже в исключительных обстоятельствах);
- *ситуативная* (допустимость нарушений в определенных условиях (крайняя необходимость, высшие ценности);
- *высокая* (легкость принятия решения о нарушении норм при наличии минимальной выгоды).

3. *Толерантность к правонарушениям других.* Критерий отражает степень строгости морально-правовых оценок поведения других людей. Его показателями являются:

- *нетерпимость* (безусловное осуждение любых нарушений, совершенных третьими лицами);

- *обусловленная толерантность* (понимание и оправдание нарушений правовых норм в определенных обстоятельствах);

- *высокая толерантность* (легкость оправдания противоправных действий третьих лиц).

4. *Готовность к защите своих прав.* Критерий оценивает активность личности в отстаивании своих законных интересов и характеризуется следующими показателями:

- *активная защита* (готовность использовать все законные средства защиты;

- *избирательная активность* (готовность действовать только в лично - значимых ситуациях);

- *пассивность* (нежелание защищать свои права даже при их грубом нарушении).

5. *Восприятие эффективности правовых механизмов.* Критерий отражает веру в действенность правовых средств защиты. Показателями данного критерия являются *доверие* (уверенность в эффективности правовых институтов); *скептицизм* (сомнение в действенности правовых механизмов); *недоверие* (убежденность в бесполезности правовых средств и механизмов защиты / реализации прав).

Для обеспечения надежности оценки использовался метод экспертного кодирования с расчетом коэффициента межкодировочной согласованности ($\kappa = 0,85$), что свидетельствует о высокой надежности процедуры оценки.

Данная система критериев позволяет комплексно оценить поведенческий компонент правосознания, выявив не только внешние поведенческие проявления, но и глубинные поведенческие интенции и установки личности в правовой сфере.

Таким образом, разработанная в исследовании система критериев оценки компонентов правосознания личности представляет собой комплексный методологический инструмент, обеспечивающий многоуровневое изучение данного феномена. Система критериев была разработана в соответствии с

теоретической моделью правосознания, представленной в первой главе, и прошла успешную апробацию в эмпирическом исследовании.

Для каждого структурного компонента правосознания были определены специфические критерии оценки, позволяющие выявить как количественные, так и качественные характеристики.

Когнитивный компонент оценивается через систему критериев, включающих уровень правовых знаний, тип правопонимания, системность правовых представлений, гибкость правового мышления и рефлексивность правосознания. Данный подход позволяет дифференцировать респондентов не только по степени освоения нормативного образовательного минимума, но и по характеру осмысления правовой реальности.

Ценностно-смысловой компонент анализируется через критерии иерархии значимости прав, готовности к их ограничению, связи правовых ценностей с личностными ценностями и способа ценностной аргументации. Это позволяет раскрыть глубинные основания правосознания личности и выявить индивидуальные особенности ценностно-смысловой сферы.

Эмоциональный компонент исследуется через критерии эмоциональной реакции на правовые нормы и юридически значимые ситуации, а также степени удовлетворенности реализацией прав и свобод. Данный подход выявляет аффективное отношение к праву в различных его проявлениях – от абстрактных идеалов до конкретных правоприменительных практик.

Поведенческий компонент оценивается через критерии установки на правомерное поведение, готовности к правонарушению, толерантности к нарушениям, готовности к защите прав и восприятия эффективности правовых механизмов. Это позволяет выявить как реальные поведенческие практики, так и поведенческие интенции в правовой сфере.

Представленная система критериев обладает высокой степенью надежности, что подтверждается коэффициентами межкодировочной согласованности на уровне 0,85-0,89. Комплексный характер предложенного подхода позволяет

преодолеть ограничения формализованных методов и обеспечить глубину изучения правосознания как многомерного психологического феномена.

Разработанная система критериев представляет собой комплексный инструментарий для изучения правосознания личности, позволяющий выявить объективные показатели правовой компетентности и субъективные особенности правосознания личности. Предложенный подход обеспечивает возможность многоуровневого анализа правосознания и выявления взаимосвязей между его структурными компонентами, что составляет методологическую основу для дальнейшего исследования данного феномена.

2.3 Результаты исследования

Качественный анализ данных полуструктурированного интервью позволил выявить и содержательно описать ключевые компоненты правосознания личности, подтверждающие теоретическую модель, представленную в первой главе. Исследование продемонстрировало, что отражение права в индивидуальном сознании характеризуется значительным разнообразием, вариативностью глубины понимания и специфичностью содержательного наполнения.

Методы обработки и анализа эмпирических данных.

Обработка и анализ данных, полученных методом полуструктурированного интервью, осуществлялись в соответствии с принципами качественной методологии и включали несколько последовательных этапов, обеспечивающих движение от анализа единичных случаев к генерализации выводов.

Первый этап заключался в проведении первичного кодирования и разработке категориальной системы анализа данных интервью. Все 60 транскриптов интервью подверглись тщательному изучению с целью идентификации ключевых тем и релевантных высказываний. На основе теоретической модели правосознания личности, представленной в первой главе, а также с учетом эмпирического материала, была сформирована предварительная

система кодов и категорий. В число базовых категорий вошли: «уровень правовой грамотности», «тип правопонимания», «готовность к правонарушению», «значимость прав и свобод», «отношение к праву» и другие.

На втором этапе был проведен углубленный анализ единичного случая (кейс – стади). В качестве репрезентативного примера было выбрано интервью респондента Дмитрия. Анализ данного случая осуществлялся с применением развернутой процедуры обоснованной теории, включающей открытое, осевое и селективное кодирование, а также методы феноменологического анализа. Это позволило не только осуществить категоризацию эмпирического материала, но и выявить внутреннюю логику и системные взаимосвязи между компонентами правосознания на индивидуальном уровне. Результатом данного этапа стала окончательная доработка и уточнение системы категорий.

Третий этап предусматривал применение разработанной и апробированной системы категорий ко всей выборочной совокупности (N=60). Каждый ответ респондентов оценивался в рамках заданных категориальных рубрик. Например, тип правопонимания каждого участника исследования классифицировался как «поверхностный», «нормативный» или «развитый».

На четвертом этапе было осуществлено качественное и количественное обобщение полученных данных, которое включало:

- количественный анализ, направленный на подсчет частотности каждой категории (в абсолютных и процентных значениях) для выявления общих тенденций в выборке;
- качественный анализ, нацеленный на идентификацию устойчивых взаимосвязей между категориями (например, между типом правопонимания и поведенческими установками), а также на выявление и интерпретацию контрастных случаев, репрезентирующих различные типы правосознания (такие как «пассивный обыватель» или «активный защитник»).

Таким образом, в исследовании был реализован комплексный методологический подход, сочетающий идиографический (углубленный анализ единичного случая) и номотетический (выявление общих закономерностей)

методы. Данные, представленные в разделе 2.3.1, иллюстрируют применение методики и сложность исследуемого феномена, а результаты, изложенные в разделе 2.3.2, отражают обобщенные выводы исследования.

2.3.1 Анализ единичного случая (интервью с Дмитрием)

В рамках настоящего исследования, нацеленного на выявление структурно-содержательных особенностей и типов индивидуального правосознания, особый интерес представляет углублённый анализ единичного случая (кейса), позволяющий раскрыть качественное своеобразие и внутреннюю логику формирования правосознания конкретной личности. В качестве репрезентативного примера для такого анализа было избрано полуструктурированное интервью с респондентом Дмитрием, которое демонстрирует сложный, многогранный и внутренне противоречивый характер современного правосознания.

Дмитрий (имя изменено в целях соблюдения конфиденциальности) – мужчина 25 лет, студент выпускного курса заочного отделения факультета журналистики Алтайского государственного университета, не обладает профессиональным правосознанием, работает в сфере услуг (официант). Данный случай был выбран в связи с тем, что он демонстрирует наиболее полное и структурно-сложное сочетание всех исследуемых компонентов правосознания, что позволяет детально проиллюстрировать работу аналитической модели и выявить комплексные внутренние взаимосвязи между когнитивными, ценностными, эмоциональными и поведенческими аспектами. Его правосознание не укладывается в простые дихотомии (высокое/низкое, активное/пассивное), а представляет собой яркий пример *рефлексивно-ценностного типа*, для которого характерно органичное сочетание глубоких системных знаний о праве с их постоянной критической переоценкой через призму личных моральных установок и анализа социальной реальности. Это правосознание, находящееся в постоянном диалоге с самим собой и внешним миром, где когнитивные структуры служат не

догмой, а инструментом для моральной и прагматической навигации, что делает его особо интересным для анализа. Полный транскрипт интервью респондента Дмитрия представлен в Приложении 2 к настоящему исследованию.

Целью данного раздела является всесторонний анализ кейса Дмитрия через призму теоретической модели, представленной в первой главе работы. В задачи входит:

1. Выявить и описать специфику каждого структурного компонента правосознания (когнитивного, эмоционально-оценочного, поведенческого, ценностного) в их взаимосвязи.
2. Определить доминирующий тип правопонимания, иерархию значимости прав и свобод и установить связь этих компонентов с личностными ценностями респондента.
3. Проанализировать механизмы развития его правосознания через общение, рефлекссию и предметную деятельность
4. На контрасте с другими, более распространёнными типами правосознания, показать уникальность и потенциальную ресурсность выявленного рефлексивно-ценностного типа для формирования зрелой правовой культуры.

Проведённый анализ не только углубляет понимание структурных компонентов и закономерностей развития правосознания, но и служит эмпирическим основанием для одного из ключевых выводов исследования: высокий уровень правовой грамотности является необходимым, но недостаточным условием для формирования развитой правовой культуры и активной гражданской позиции. Решающую роль играет ценностно-смысловая интеграция правовых знаний в личностную структуру, что ярко продемонстрировано в интервью с Дмитрием.

Таким образом, для иллюстрации процедуры анализа и комплексной природы правосознания был избран показательный случай Дмитрия, наиболее полно отражающий выявленные в исследовании категории.

Процедура анализа включала этапы:

1. Иммерсия – многократное прочтение текста интервью.
2. Открытое кодирование – выделение элементарных единиц анализа.
3. Осевое кодирование – объединение кодов в категории и подкатегории.
4. Селективное кодирование – интеграция категорий вокруг стержневых тем.
5. Интерпретация – соотнесение с теоретической моделью.

Ниже подробно представлена процедура открытого, осевого и селективного кодирования на примере респондента Димы.

1. Открытое кодирование. На этапе открытого кодирования нами были выделены основные концепции (коды) из транскрибированного текста интервью с Димой (транскрибированный текст представлен в Приложении 2).

Коды (с указанием цитат или сути высказывания):

- 3-1: Знание формального определения права: «Право – это система общеобязательных норм поведения...».
- 3-2: Знание источников права: упоминание законов, обычаев, практики, доктрины.
- 3-3: Знание иерархии нормативных правовых актов: Конституция, федеральные законы, подзаконные акты, акты субъектов РФ.
- 3-4: Знание основ конституционного строя: республика, федерация, светское, социальное, правовое государство.
- 3-5: Знание ветвей власти: законодательная, исполнительная, судебная, особая роль президента.
- 3-6: Знание прав и свобод: перечисление прав (на жизнь, свободу, неприкосновенность, труд, образование и т.д.).
- 3-7: Знание видов юридической ответственности: уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная.
- 3-8: Знание отраслей права: конституционное, гражданское, уголовное, трудовое, семейное и др.

- П-1: Понимание права как идеала: «устанавливает такие отношения, к которым обществу следовало бы стремиться».
- П-2: Понимание динамичности права: зависит от состояния общества, исторических формаций, политического режима.
- П-3: Понимание принципа уместности/целесообразности закона: анализ пользы, затрат, моральных аспектов, соответствия госполитике.
- П-4: Понимание права как баланса интересов: учет интересов всех групп, недопущение раскола, приоритет прав человека.
- П-5: Понимание связи права и культуры: отсылки к шариату, Спарте, Японии («право на геройскую смерть»).
- Ц-1: Ценность баланса и стабильности: нельзя «отнять и поделить», чтобы не создать повод для конфликта.
- Ц-2: Ценность прагматизма: оценка эффективности и затрат закона.
- Ц-3: Ценность морали в праве: закон не должен быть провокационным, должен учитывать моральные аспекты.
- Ц-4: Ценность прав человека как высшей ценности: признание и понимание ст. 2 Конституции РФ.
- Ц-5: Ценность свободы (личной): «свобода – воздух», «птичка в золотой клетке чахнет».
- Ц-6: Ценность справедливости: «каждому свое».
- Ц-7: Ценность ответственности: понимание последствий действий.
- Ц-8: Ценность частной собственности: «привык», но не абсолютна.
- Ц-9: Ценность светскости государства: отделение религии от государства.
- Ц-10: Ценность социальных гарантий: образование, медицина, поддержка уязвимых групп.
- О-1: Оценка Конституции как идеала: «Мы в нормах закрепляем не только то, как мы живем, но и как мы хотим жить».
- О-2: Оценка соблюдения Конституции: «в целом, соблюдаются конституционные положения», но есть нюансы.

- О-3: Оценка перекоса власти в сторону исполнительной: обусловлен партийным сращиванием и авторитетом лидера.
- О-4: Оценка закона как «зеркала жизни»: отношение к закону отражает отношение к культуре.
- О-5: Оценка несправедливости отдельных норм: пример с наездом на пешехода.
- О-6: Оценка правоприменения: фактическое неравенство («муха и шмель»).
- Д-1: Пассивно-активная гражданская позиция: уборка мусора, субботники, но отсутствие обращений в органы власти.
- Д-2: Готовность нарушить закон в крайних случаях: «найти сумку денег и не отнести в полицию», «купить лекарство матери украденным».
- Д-3: Условие соблюдения закона: осознанный выбор на основе внутренних «весов» (выгода против последствия).
- Д-4: Восприятие своего влияния на городскую среду: через личный пример и малые дела, но не через взаимодействие с МСУ.
- Д-5: Готовность привлечь к ответственности друга/не привлечь любимую девушку: демонстрирует субъективность и зависимость от личных отношений.
- ОТН-1: Отношение к праву как к необходимому регулятору: основной регулятор общественных отношений.
- ОТН-2: Отношение к закону как к формальному правилу: «закон – правило поведения».
- ОТН-3: Отношение к праву как к истине: «право соотносится с истиной».
- ОТН-4: Скептическое отношение к реализации закона: «закон что дышло...», «закон что паутина...».
- ОТН-5: Уважение к Конституции: «Прям произношу когда слово Конституция, порывает встать и выпрямиться».

- И-1: Источники правовых знаний: школа («человек и общество»), самостоятельное чтение Конституции.
- И-2: Опыт правового общения: отсутствие опыта обращений в госорганы, жалоб.
- И-3: Опыт рефлексии правовых ситуаций: анализ случая с отцом, обдумывание гипотетических ситуаций (находка денег, нарушение ПДД).

На этапе осевого кодирования нами были сгруппированы открытые коды в более абстрактные категории, между которыми выявляются связи. Пример из журнала осевого кодирования данных интервью приведен в Приложении 3 к настоящему исследованию.

На этапе селективного кодирования мы сформулировали центральную категорию, которая интегрирует все остальные, и построили вокруг нее теоретическую модель.

Центральная категория в случае с примером Дмитрия – это сформированное рефлексивное правосознание с выраженными ценностями и критическим отношением к правовой реальности.

В результате применения процедур открытого, осевого и селективного кодирования нами была выявлена комплексная структура правосознания респондента, представленная пятью основными компонентами, которые согласуются с теоретической моделью правосознания личности, описанной в первой главе настоящего исследования.

Когнитивный компонент правосознания характеризуется высоким уровнем развития и включает два основных аспекта. Уровень правовой грамотности (коды с 3-1 по 3-8) демонстрирует системные знания, полученные в процессе формального образования и самообразования. Это создает прочную основу для формирования сложного типа правопонимания. Тип правопонимания (коды с П-1 по П-5) представляет собой синтез естественно-правового и социологического подходов, где право воспринимается не только как система норм, но и как социальный идеал, продукт культурно-исторического развития, инструмент баланса интересов и установления границ дозволенного.

Эмоциональный компонент правосознания отличается выраженной амбивалентностью и критической рефлексивностью. Оценка действующего права (коды О-1, О-2, О-3, О-5) носит критически-реалистический характер. Конституция РФ воспринимается как желаемый идеал, в целом, соблюдаемый, но с существенными перекосами в реализации, особенно в сфере распределения властных полномочий. Оценка правоприменительной практики (коды О-4, О-6, ОН-4) характеризуется критическим отношением к существующему неравенству перед законом («муха и шмель»), при этом закон понимается как «зеркало» общества, а не как инструмент его преобразования. Общее эмоциональное отношение к праву и закону (коды ОН-1, ОН-2, ОН-3, ОН-5) может быть охарактеризовано как уважительно-скептическое, отмечается глубокое уважение к праву как социальному институту при выраженном скепсисе относительно его повседневной реализации.

Поведенческий компонент проявляется в двух основных аспектах. Готовность к правомерному поведению (коды Д-1, Д-4) характеризуется как пассивно-активная: наблюдается выраженная готовность соблюдать правовые нормы и улучшать среду через личный пример при отсутствии стремления к активному взаимодействию с институтами власти. Готовность к правонарушению (коды Д-2, Д-3, Д-5) является обусловленной и зависит от внутренней оценки справедливости, личных обстоятельств и отношений с субъектом нарушения; возможность правонарушения рассматривается через призму субъективного соотношения выгоды и риска.

Ценностно-смысловой компонент правосознания Дмитрия отличается высокой степенью развития. Значимость прав и свобод (коды Ц-1, Ц-4, Ц-5, Ц-6, Ц-8, Ц-10) проявляется в признании ключевой ценности как личных (жизнь, свобода, собственность), так и социальных (образование, медицинская помощь) прав. Правовые принципы и идеалы (коды Ц-2, Ц-3, Ц-7, Ц-9, П-3, П-4) отражают ценность сбалансированности, прагматизма, морали, ответственности и светскости в праве.

Факторы развития правосознания Дмитрия включают два основных аспекта. Источники формирования (код И-1) представлены преимущественно формальным образованием как ключевым источником базовых правовых знаний. Опыт и рефлексия (коды И-2, И-3, О-5) играют ключевую роль в формировании оценочных суждений, при этом особое значение имеет опосредованный опыт наблюдения и анализа чужих ситуаций.

Данная структурно-содержательная характеристика демонстрирует сложный, рефлексивный и внутренне противоречивый характер правосознания, сочетающий высокий когнитивный потенциал с критическим отношением к правовой реальности и обусловленностью поведенческих проявлений.

Интервьюируемый демонстрирует высокоразвитое, сложное правосознание. Его когнитивный компонент отличается глубокими и системными знаниями о праве, что позволяет ему выйти за рамки поверхностного и этатистского правопонимания и оперировать категориями естественно-правовой и социологической школ (развитый тип правопонимания).

Это знание служит основой для критического эмоционально-оценочного компонента. Респондент уважает право как институт и идеал (особенно Конституцию), но трезво оценивает реалии правоприменительной практики, находя в ней дисбалансы и изъяны. Его оценка носит не нигилистический, а рефлексивный характер, он понимает, что право – это и отражение общества, и инструмент его изменения.

Поведенческий компонент является прямым следствием этой сложной оценки. Дмитрий законопослушен в повседневности, но его готовность к правонарушению не нулевая. Это обстоятельство обусловлено внутренними морально-этическими «весами», на которых он взвешивает необходимость, справедливость и последствия поступка. Его гражданская позиция является «пассивно-активной», Дмитрий действует в рамках своего непосредственного окружения, но не доверяет или не видит смысла в активном взаимодействии с формальными институтами власти для изменений.

Ключевым интегрирующим фактором является ценностно-мотивационная основа правосознания Дмитрия. Ценности свободы, справедливости, баланса, прагматизма и ответственности пронизывают все его суждения – от понимания принципов законодательства до готовности нарушить правило в исключительной ситуации. Его правосознание – не набор заученных догм, а живая, динамичная система, находящаяся в постоянном развитии через рефлекссию и осмысление личного и общественного опыта. Это подтверждает гипотезу о тесной связи значимости прав и свобод с системой личностных ценностей.

Анализ данных интервью с Дмитрием показывает, что стандартизированная методика должна оценивать не только знание прав, но также охватывать:

- иерархию значимости различных групп прав (личные, политические, социальные и др.) для респондента;
- связь этой иерархии с базовыми ценностями (безопасность, самостоятельность, материальные блага и др.);
- тип правопонимания (связь права и этики, религии морали и других социальных регуляторов, гибкость правовых норм, право в культурно-историческом контексте);
- уровень критичности/лояльности к правовой системе;
- сценарии условной готовности к противоправному поведению в зависимости от контекста и конфликта личностных и правовых ценностей.

Данное интервью является эталонным примером зрелого правосознания, где когнитивная оснащенность, ценностная нагруженность и критическая рефлексия находятся в сложном и динамичном равновесии.

Феноменологический анализ интервью с Дмитрием.

Далее интервью Димы было подвергнуто феноменологическому анализу. Целью анализа стало выявление субъективного жизненного мира Дмитрия в контексте его правосознания – то, как он лично переживает, осмысливает и конструирует для себя реальность права, закона и своего места в правовом поле. Основной феномен – право как морально-прагматический конструкт, постоянно взвешиваемый на внутренних весах справедливости.

Для Дмитрия право – не абстрактная догма, а живой, диалектический процесс, в котором сталкиваются идеальные нормы и неидеальная реальность. Его переживание права глубоко лично и рефлексивно. В Таблице 4 отображены результаты феноменологического анализа интервью.

Таблица 4 – Феноменологический анализ интервью с респондентом Дмитрием

Аспект анализа (Гусерль/Шюц)	Проявление в интервью (Цитаты / Интерпретация)	Сущностная интуиция (Вывод о смысле)
1. Феноменологическая редукция (эпохе): отказ от предпосылок, описание чистого переживания.	Дмитрий не принимает право как данность. Он постоянно оценивает формальные определения, ищет в них скрытые смыслы. Респондент «выносит за скобки» официальные трактовки термина, чтобы добраться до сути. <i>Пример:</i> «Уместность – это категория не только прагматичная, но и морально – необходимая». Он не просто повторяет термин, а наполняет его собственным, более глубоким содержанием.	Право – это не система норм, а поле для интерпретации. Сущность права для Дмитрия раскрывается не в его текстах, а в процессе их осмысления, применения и личной оценки на предмет соответствия морали и целесообразности.
2. Интенциональность: направленность сознания на объект (право).	Сознание Дмитрия направлено на выявление связей и противоречий: между правом и моралью, законом и реальностью, интересами личности и общества. Его вопросы не «что это?», а «как это работает?» и «почему это так?». <i>Пример:</i> Обсуждение «перекоса» власти, пример с наездом на пешехода – в каждой ситуации он видит не статичные нормы, а динамичные, часто конфликтующие отношения.	Сознание Дмитрия интенционально настроено на выявление смысла и дисбаланса. Его интересуют механизмы работы общества и критерии справедливости, скрытые за юридическими формулировками.
3. Жизненный мир: непосредственно переживаемый мир опыта.	Правовой опыт респондента – это опыт наблюдателя и аналитика, а не активного участника судебных или властных процессов («мне на ум не приходят ситуации... не было таких ситуаций»). Его мир – это мир размышлений над гипотетическими и чужими ситуациями (отец, губернатор, найденные деньги). Он осмысливает право через призму СМИ, истории и личных наблюдений.	Его правовая реальность конструируется через рефлекссию, а не через действие. Он живет в мире правовых идей и их столкновения с практикой, которую он наблюдает со стороны.
4. Интерсубъективность: разделение смыслов с другими в соц. мире.	Дима четко осознает, что правосознание у всех разное и зависит от ценностей («Надо понимать, что это же зависит от ценностей человека»). Он приводит примеры других культур (Спарта, шариат), показывая понимание относительности правовых норм. Его «весы» – это попытка найти общий критерий в морали и прагматизме, а не в букве закона.	Общезначимость права для него проблематична. Он признает, что право – продукт договоренностей и культурного контекста, а не абсолютная истина. Его поиск – это поиск интерсубъективности разделяемых оснований для права (справедливость, польза).

Продолжение Таблицы 4

5. Типизации и релевантности: использование шаблонов для понимания и выделение значимого.	Респондент активно использует типизации («чиновник», «губернатор», «депутат», «коррупционер»), чтобы прогнозировать их поведение в правовом поле. Релевантность (значимость) для него определяют два ключевых фактора: 1. Моральная приемлемость («мне претит формулировка «грабь награбленное»») 2. Личная вовлеченность (ситуация с отцом коренным образом изменила его восприятие конкретной нормы).	Его правовое суждение основано на преодолении типичных схем через личностно-значимые моральные критерии. Он не довольствуется типизацией «все чиновники воруют», а пытается понять причины и последствия.
6. Биографическая ситуация: уникальный опыт, определяющий перспективы развития правосознания.	Ключевые биографические моменты, формирующие его правосознание: 1. Школьное образование – дало системную базу. 2. Самостоятельное чтение Конституции – сформировало уважение к идеалу. 3. Случай с отцом – стал «нарушением привычного порядка», показавшим несовершенство и несправедливость правоприменения. 4. Опыт вождения/сдачи на права – делает гипотетические ситуации с ПДД личностно близкими.	Его правосознание – не статичный набор знаний, а история, находящаяся в развитии. Прошлый опыт (образование) и недавние события (случай с отцом) постоянно корректируют его восприятие права.
7. Проекты действия: планы и мотивы будущего поведения.	Его проекты действия в правовом поле оборонительные и ситуативные. У него нет проекта активно отстаивать свои права через институты. Его проект – внутренний моральный выбор в каждой конкретной ситуации: нарушить или соблюсти, основываясь на своих «весах». Мотив – не столько законность, сколько сохранение внутреннего ощущения справедливости.	Его правовая активность направлена внутрь себя, а не вовне. Главный проект – не изменить правовую систему, а сохранить моральную аутентичность в рамках существующей системы, иногда идя с ней на компромисс.

Феноменологический анализ позволяет нам сделать вывод о том, что для респондента право – это внутренний диалог между идеалом и реальностью, чувством долга, личным интересом и общественным благом. Он переживает право не как внешний принудительный порядок, а как личную моральную дилемму, которая требует постоянного осмысления и выбора. Его правосознание – это не набор ответов, а живой, рефлексивный процесс поиска оснований для собственных решений в мире, где формальные законы часто расходятся с

представлениями о справедливости. Это глубоко персонализированное, ценностно-нагруженное переживание права, где когнитивные знания служат инструментом для моральной навигации, а не самоцелью.

Проведенный феноменологический анализ интервью позволил нам выявить глубинные структуры правосознания респондента Дмитрия через призму ключевых понятий феноменологической психологии.

Феноменологическая редукция (эпохе) проявляется в том, что респондент не воспринимает право как данность, а постоянно подвергает критическому анализу формальные определения, раскрывая их имплицитные смыслы. Как отмечается в интервью: «Уместность – это категория не только прагматичная, но и морально-необходимая». Данная позиция говорит о том, что право для респондента представляет собой не систему норм, а поле для интерпретации, где сущность правовых явлений раскрывается в процессе их осмысления и личной оценки на предмет соответствия моральным принципам и целесообразности.

Интенциональность сознания проявляется в направленности на выявление системных связей и противоречий между правом и моралью, законом и социальной реальностью, индивидуальными и общественными интересами. Обсуждение «перекоса» власти и пример с наездом на пешехода показывают, что респондент воспринимает правовые нормы не как статичные предписания, а как динамичные, часто конфликтующие отношения. Это свидетельствует о том, что его интерес к праву обусловлен поиском механизмов социального функционирования и критериев справедливости, скрытых за юридическими формулировками.

Жизненный мир респондента характеризуется преобладанием опыта наблюдения и анализа над непосредственным участием в правовых процессах. Его правовая реальность конструируется через рефлекссию над гипотетическими и чужими ситуациями (опыт отца, случаи из СМИ), что формирует особый тип правового сознания – сознания наблюдателя, существующего в мире правовых идей и их столкновения с практикой.

Интерсубъективность проявляется в осознании относительности правосознания и его зависимости от ценностных систем. Респондент аргументирует: «Надо понимать, что это же зависит от ценностей человека», приводя примеры из различных культурных контекстов (Спарта, шариат). Это демонстрирует его понимание права как продукта социальных договоренностей и культурного контекста, а не абсолютной истины и ориентирует на поиск интерсубъективных оснований в морали и прагматизме.

Типизации и релевантность проявляются в использовании социальных типов («чиновник», «депутат») для прогнозирования поведения, однако его правовые суждения основаны на преодолении стереотипов через личностно-значимые моральные критерии. Значимость определяют два фактора: моральная приемлемость («мне претит формулировка «грабь награбленное») и личная вовлеченность, что особенно ярко проявилось в ситуации с отцом, главным образом изменившей восприятие конкретной правовой нормы.

Биографическая ситуация включает ключевые моменты, формирующие правосознание: системное школьное образование, самостоятельное изучение Конституции, личный опыт столкновения с несправедливостью правоприменения (случай с отцом). Следовательно, правосознание респондента Дмитрия является не статичным набором знаний, а развивающейся историей, которая дополняется новым опытом.

Проекты действия носят оборонительный и ситуативный характер. Основной проект заключается не в активном преобразовании правовой системы, а в сохранении моральной аутентичности через внутренний моральный выбор в каждой конкретной ситуации. Мотивом выступает не столько законность, сколько сохранение внутреннего ощущения справедливости, что определяет направленность правовой активности внутрь себя, а не вовне.

Таким образом, проведенный феноменологический анализ демонстрирует сложный, рефлексивный характер правосознания, сочетающий глубокое понимание социальной природы права с ярко выраженной индивидуальной системой моральных координат.

В ходе анализа интервью мы нашли подтверждение гипотезе развития правосознания общение, предметную деятельность и рефлексия, сформулированную в теоретической главе исследования. На примере кейса интервью с Дмитрием можно четко проследить, как эти три процесса взаимосвязано формируют его сложное и зрелое правовое сознание через общение, рефлексия и предметную деятельность.

Развитие правосознания через общение.

Общение с интервьюером послужило катализатором для актуализации, структуризации и углубления уже имеющихся у Дмитрия знаний. Это не было пассивное усвоение информации, а активный диалог, в котором респондент:

- Уточнял и систематизировал терминологию. Дмитрий изначально владел общей базой (З-1, З-4, З-6). Беседа позволила ему перейти от воспроизведения заученных определений к их смысловому наполнению и разграничению.

Пример: Вопрос о соотношении «права» и «закона» (П: «Право и закон это одно и то же?»). Дмитрий не просто дал определение, а привел яркую аналогию: «Ну как, человек и гражданин – это одно и то же? Гражданин – это человек, но не каждый человек – это гражданин». Значит, в процессе общения он интеллектуально перерабатывал понятия, находя им место в своей концептуальной сети.

- Переходил от знаний к пониманию. Интервьюер провоцировал его на выход за рамки формальных знаний. Вопрос о принципе «уместности» заставил Дмитрия не просто вспомнить термин, а раскрыть его ценностное и прагматическое содержание (П-3, Ц-2, Ц-3), он добавил моральный аспект («не должен являться провокационным») и целесообразность («сочетание затрат»).

- Получал обратную связь и корректировал представления. В диалоге об иерархии нормативно-правовых актов (З-3) интервьюер мягко поправил респондента по поводу статуса ФКЗ и ФЗ («ты все-таки заблуждаешься»). Это момент обучающего общения, где Дмитрий не защищался, а принял новую

информацию («Да, может быть»), демонстрируя открытость к развитию своей когнитивной модели.

На наш взгляд, общение с интервьюером стало для респондента зоной ближайшего развития и позволило ему перевести потенциальные, разрозненные знания в актуальные, систематизированные и наполненные личностным смыслом.

Развитие правосознания через рефлекссию.

Рефлексия – сильнейшая сторона Дмитрия. На протяжении всего интервью он не просто отвечает на вопросы, а анализирует, оценивает и соотносит правовые нормы с жизнью, моралью и своими ценностями.

- Рефлексия на основе гипотетического опыта. У Дмитрия мало личного опыта взаимодействия с властью (И-2: «не было таких ситуаций»). Поэтому его рефлексия запускается через мысленное моделирование ситуаций.

Пример: Его рассуждения о том, как бы он поступил с найденной суммой денег (Д-2) – это глубокая рефлексия о границах законного и морально-приемлемого. Респондент взвешивает норму («ее надо в полицию отнести») против своей системы ценностей («подумаю – судьба распорядилась мне помочь»). Это не оправдание, а осознанный анализ внутреннего конфликта.

- Рефлексия как основа для критической оценки. Способность респондента критически оценивать правоприменительную практику (О-4, О-6) проистекает из рефлексивного сравнения идеала (нормы Конституции) с реальностью («закон что паутина...»). *Пример:* Обсуждение «перекоса» власти в сторону исполнительной (О-3) – это не просто констатация факта, а рефлексивный вывод о причинах явления: «партийное сращивание, приоритет одной политической силе... авторитет лидера».

- Рефлексия о собственном правосознании. Кульминацией становится собственное определение правосознания, данное респондентом в конце интервью. Дмитрий описывает правосознание как «субъективное... отношение личности», «динамичную структуру», которая меняется под влиянием обстоятельств (приводя в пример случай с отцом). Это мета-рефлексия о том, как работает его собственное правовое сознание.

Таким образом, рефлексия является для Дмитрия ключевым механизмом развития правосознания. Через нее абстрактные правовые нормы превращаются в личностно-осмысленные феномены, а его правосознание становится гибким и способным к саморазвитию.

Развитие правосознания через предметную деятельность.

С учетом того, что у респондента отсутствует яркий опыт активной правозащитной деятельности (Д-1, И-2), его предметная деятельность лежит в плоскости повседневного, часто пассивного соблюдения норм.

- Деятельность как соблюдение и наблюдение. Основной правовой опыт Дмитрия – это опыт наблюдателя и исполнителя правил в быту и повседневной жизни: не мусорить, соблюдать ПДД (Д-1, Д-4). Это пассивная, но постоянная предметная деятельность, которая через многократное повторение превращает соблюдение закона в привычку («исполнение нормы права происходит неосознанно»).

- Опосредованный опыт через значимых других индивидов. Важнейшую роль в формировании правосознания Дмитрия сыграла предметная деятельность его отца, который стал жертвой правонарушения. Хотя респондент не сам подавал в суд, он глубоко прорефлексировал этот опыт (И-3), что привело к переоценке конкретной правовой нормы и работы системы в целом. Это пример того, как деятельность близкого человека способствует развитию правосознания через рефлексии, общение и предметную деятельность.

- Деятельность как мысленный эксперимент. Подробные, почти юридические протоколы действий в гипотетических ситуациях (что сделал бы как губернатор, как депутат, как сотрудник ДПС) – это своеобразная предметная деятельность в уме. Он проигрывает модели поведения, что является формой интериоризации правовых ролей и сценариев.

Несмотря на отсутствие опыта активных правовых действий, предметная деятельность Димы представлена в виде:

1. Повседневного рутинного соблюдения норм, ведущего к их интериоризации.

2. Глубокой рефлексии опыта значимых других, компенсирующей недостаток личного опыта.

3. Мысленного моделирования правового поведения, что готовит его к потенциальным реальным ситуациям.

Таким образом, у Димы прослеживается доминирующая роль рефлексии и общения при опосредующей роли предметной деятельности.

1. Общение (интервью) предоставило материал и стимул для рефлексии.

2. Рефлексия стала главным двигателем, перерабатывая знания из общения и опыт (в т.ч. опосредованный) из предметной деятельности в сложную, ценностно-нагруженную систему правосознания.

3. Предметная деятельность выступила как источник материала для рефлексии (наблюдение за отцом, повседневное поведение), а не как поле для активных действий.

Правосознание Дмитрия развивалось не столько через столкновение с системой (как у других испытуемых), сколько через внутреннюю интеллектуальную и ценностную работу над смыслами права. Это высокоразвитое, но несколько «теоретическое» правосознание наблюдателя и теоретика, чья сила заключается в анализе, а не в действии. Для дальнейшего развития ему мог бы быть полезен переход от рефлексии к более активной предметной деятельности (например, обращение в органы власти по значимому вопросу), которая обогатила бы его рефлексия новым практическим опытом.

Таким образом, анализ интервью респондента Димы позволяет выявить взаимосвязь трех ключевых процессов – общения, рефлексии и предметной деятельности – в формировании сложного и зрелого правового сознания.

Развитие правосознания через общение проявилось в том, что коммуникация с интервьюером выступила катализатором актуализации, структуризации и углубления имеющихся правовых знаний. Процесс общения носил характер активного диалога, в ходе которого респондент:

- уточнял и систематизировал терминологический аппарат, переходя от репродуктивного воспроизведения определений к их смысловому наполнению и

дифференциации (например, при сопоставлении понятий «право» и «закон» через аналогию с соотношением «человека» и «гражданина»);

- осуществлял переход от формальных знаний к их ценностно-смысловому пониманию, наполняя правовые категории личностными смыслами (как в случае с раскрытием морального и прагматического содержания принципа «уместности»);
- демонстрировал открытость и гибкость когнитивных моделей под влиянием обратной связи (например, при уточнении иерархии нормативных правовых актов).

Следовательно, общение выступило в роли «зоны ближайшего развития», обеспечивая трансформацию потенциальных, фрагментарных знаний в актуальные, систематизированные и личностно осмысленные когнитивные структуры.

Развитие через рефлекссию представляет собой ключевой механизм становления правосознания респондента. Рефлексивная деятельность проявлялась на трех уровнях:

- рефлексия на основе гипотетического опыта, компенсирующая недостаток непосредственного взаимодействия с правовыми институтами через мысленное моделирование ситуаций и анализ внутренних ценностно-нормативных конфликтов;
- критическая оценка правоприменительной практики через рефлексивное сопоставление правовых идеалов (норм Конституции) с социальной реальностью;
- мета-рефлексия – осмысление собственного правосознания как динамической системы, подверженной изменениям под влиянием жизненных обстоятельств.

В результате рефлексии абстрактные правовые нормы становятся личностно-осмысленными феноменами, обеспечивая гибкость и способность к саморазвитию правового сознания.

Развитие через предметную деятельность характеризуется специфическими особенностями. При отсутствии опыта активной правозащитной деятельности предметная активность респондента реализуется в трех основных формах:

- повседневное рутинное соблюдение норм, приводящее к их интериоризации и превращению в привычные действия;
- опосредованный опыт через рефлексию деятельности значимых других (в частности, отца), что компенсирует недостаток личного практического опыта;
- мысленное (абстрактное) моделирование правового поведения в гипотетических ситуациях, выступающее формой интериоризации правовых ролей и сценариев.

Проведенный анализ позволяет констатировать у Дмитрия доминирующую роль рефлексии и общения при опосредующем значении предметной деятельности в развитии правосознания респондента. Общение предоставляет материал и стимулы для рефлексии, которая, в свою очередь, перерабатывает знания и опыт в сложную ценностно-нагруженную систему правосознания. Предметная деятельность выступает, преимущественно, как источник материала для рефлексии.

Данная конфигурация процессов развития обуславливает формирование высокоразвитого, но преимущественно «теоретического» типа правосознания, характеризующегося аналитической силой при относительной слабости практической составляющей. Для дальнейшего развития представляется перспективным переход от рефлексии к более активным формам предметной деятельности, что могло бы обогатить правосознание новым практическим опытом.

Далее интервью с Дмитрием было подвергнуто феноменологическому анализу в русле экзистенциально-аналитической теории Альфрида Лэнгле [121], однако результаты не были представлены в рамках настоящего исследования. Тем не менее, это определило перспективы дальнейшего исследования, которые будут отражены нами в публикациях. Методологический синтез культурно-

исторической психологии и экзистенциального анализа соединяются как взаимодополняющие онтологии, которые способны объяснить разные, но в то же время неразрывно связанные стороны феномена правосознания личности: социально-историческую (КИП) и личностно-смысловую (ЭА). Культурно-историческая теория Л. С. Выготского объясняет генезис и структуру правосознания, а экзистенциальный анализ раскрывает его личностный, экзистенциальный фундамент. Вместе они представляют уникальную герменевтическую рамку для понимания правосознания не как набора знаний, а как способа бытия человека в правовом поле. В этом и заключается главная методологическая общность и перспектива синтеза.

2.3.2 Обобщенные тенденции по выборке: процедура квантификации и основные результаты

На основании системы категорий и кодов, выработанной и апробированной в ходе глубинного анализа отдельных репрезентативных кейсов, все 60 интервью были подвергнуты процедуре квалификации и квантификации. Целью данного этапа было выявление общих закономерностей и частотных распределений ключевых категорий в исследованной выборке.

Основным методом обобщения выступил качественно-количественный (квантитативный) контент-анализ с применением процедуры частотного анализа выделенных категорий. Каждый транскрипт интервью был повторно проанализирован на предмет соотнесения ответов респондента с заранее определенными категориями (например, «поверхностный тип правопонимания», «нейтрально-скептическое отношение к праву», «готовность к ситуативному правонарушению»).

Для каждого респондента фиксировалась его позиция напротив каждой категориальной шкалы. Итоговые данные были сведены в общую таблицу (сводную матрицу) и подвергнуты подсчету частоты встречаемости каждой

категории в абсолютных значениях и процентах от общего объема выборки (N=60).

Отметим, что выбранный нами метод качественного подсчета или квантификацией качественных данных, не ставит своей целью проведение сложной статистики, а служит для:

- 1) систематизации обширного качественного материала;
- 2) выявления основных тенденций и доминирующих паттернов в выборке;
- 3) придания наглядности и убедительности качественным выводам за счет их подкрепления объективными количественными показателями;
- 4) сравнения контрастных групп.

В результате проведенного частотного анализа были получены следующие обобщенные данные, характеризующие структуру правосознания в исследованной выборке.

Для подсчета категорий мы использовали частотный анализ в рамках качественного контент-анализа. На первом этапе (качественный этап) мы провели смысловую и интерпретационную работу и создали категории на основании нашей теории и первичного анализа данных, включая кейс Дмитрия.

Затем, на втором этапе (квантификационный этап) мы провели кодирование и отнесли каждый единичный случай интервью к определенной категории (коду). Например, для респондента Иванова характерен «нормативный» тип правопонимания, эмоциональное отношение – «скептическое» и т.д. После того как все интервью были проанализированы с точки зрения нашей системы категорий, мы произвели подсчет частоты всех закодированных категорий (например, «нормативный» тип правопонимания выявлен у 34 респондентов – 57% выборки).

Для обеспечения надежности (надежности кодирования) процедуру категоризации и кодирования части транскриптов (например, 20%) независимо проводил второй кодировщик, после чего была подсчитана межкодировочная

надежность с использованием коэффициента Каппа Коэна, который составил 0,83, что свидетельствует о высоком уровне согласия между экспертами.

Далее мы провели сравнительный анализ компонентов правосознания респондентов (на примере Дмитрия и других участников исследования). Данные сравнительного анализа представлены в Таблице 5.

Таблица 5 – Результаты анализа интервью с Дмитрием и обобщённых примеров, описывающих иных респондентов

Компонент правосознания / Критерий	Дмитрий «Рефлексивно-ценностный тип» (Высокий уровень правовой грамотности, развитое правопонимание)	Василий «Пассивный обыватель» (Низкий уровень правовой грамотности)	Иван «Прагматик-нарушитель» (Ситуативная правовая активность)	Алина «Активный защитник» (Высокий уровень правовой активности)
1. Когнитивный компонент				
<i>Уровень правовой грамотности</i>	Высокий. Системные знания, понимание иерархии НПА, основ КС, отраслей права.	Низкий. Смутные, фрагментарные представления. «Право» и «закон» не различаются.	Избирательно-прикладной. Знает нормы, нарушение которых ведёт к непосредственным санкциям (ПДД, налоги).	Высокий, прикладной. Глубокое знание процедур защиты прав в той области, где был негативный опыт.
<i>Тип правопонимания</i>	Синтез естественно-правового и социологического. Право как идеал и продукт баланса интересов.	Этатистский (пассивный). Право как набор чужих, навязанных правил, которые надо соблюдать из-за страха наказания.	Прагматичный. Право как набор препятствий или инструментов для достижения личных целей.	Естественно-правовой, активный. Право — инструмент защиты и гарантия справедливости.
2. Эмоционально-оценочный компонент				
<i>Оценка действующего права</i>	Реалистично-критичная. Уважение к идеалу Конституции, критика практики и «перекосов».	Безразличная или негативная. «Начальству виднее», «все законы только для простых людей».	Цинично-негативная. «Закон — что дышло», «все равно все решают связи и деньги».	Критично-заинтересованная. Вера в потенциал закона, активное недовольство случаями его несоблюдения.
<i>Отношение к праву и закону</i>	Уважительно-скептическое. Уважение к сути, скепсис к реализации.	Отчужденное. Закон воспринимается как внешняя, не относящаяся к человеку сила.	Инструментальное. Закон — это то, что можно обойти или использовать в свою пользу.	Уважительно-требовательное. Закон — это защитник, но за его соблюдением нужно следить самому.

Продолжение Таблицы 5

3. Поведенческий компонент				
<i>Готовность к правомерному поведению</i>	Пассивно-активная. Соблюдение норм в быту, личный пример. Нет активного взаимодействия с институтами.	Пассивная. Соблюдение норм из страха или привычки. Полное нежелание «лезть куда-либо».	Ситуативная. Соблюдение норм только при высоком риске быть пойманным.	Активная. Постоянная готовность отстаивать свои права, обращаться в инстанции, участвовать в правовых процессах.
<i>Готовность к правонарушению</i>	Обусловленная моральным выбором. Нарушение возможно в крайних случаях после внутреннего взвешивания на «весах» справедливости.	Низкая, из-за страха. Боится последствий, поэтому не нарушает.	Высокая, из соображения выгоды. Нарушает осознанно, если выгода превышает вероятные риски.	Крайне низкая. Нарушение закона противоречит базовой ценностной установке.
4. Ценностно-мотивационная основа				
<i>Ключевые ценности</i>	Свобода, справедливость, баланс, прагматизм, ответственность.	Безопасность, стабильность, покой («Лишь бы не трогали»).	Личная выгода, материальное благополучие, удобство.	Справедливость, порядок, защищённость, активная гражданская позиция.
<i>Значимость прав и свобод</i>	Высокая абстрактная и личная. Осознаёт ценность всего спектра прав.	Низкая. Не задумывается о правах, пока они грубо не нарушены.	Избирательная. Ценит только те права, что непосредственно связаны с его благополучием (собственность).	Высокая практическая. Знает права как инструмент и активно ими пользуется.
5. Факторы развития				
<i>Источники</i>	Формальное образование, самообразование, рефлексия, анализ чужого опыта.	Бытовой опыт, разговоры «на кухне», СМИ (поверхностно).	Личный негативный опыт взаимодействия с системой, окружение.	Личный опыт борьбы за права, общение с юристами, самообразование.
<i>Роль деятельности</i>	Опосредованная (наблюдение, рефлексия).	Пассивное соблюдение.	Нарушение как деятельность.	Активная защита как деятельность.
<i>Уровень рефлексии</i>	Высокий. Мета-рефлексия.	Низкий. Отсутствует.	Ситуативная. Рефлексия о том, «как избежать наказания» или «как извлечь выгоду».	Высокая практическая. Рефлексия над стратегиями защиты и эффективностью механизмов.

Выводы по контрастному анализу:

1. Многообразие типов правосознания. Анализ показывает, что правосознание – не линейная шкала (низкое/высокое), а многомерная структура. Дмитрий демонстрирует высокий уровень по когнитивному и рефлексивному критериям, но средний – по поведенческому (активность). «Активный защитник»

может уступать респонденту в теоретической подготовке, но превосходить в готовности к действию.

2. Ключевая роль ценностного компонента. Именно ценностные установки (Ц-1, Ц-2, Ц-3 и др.) определяют направленность правосознания. У Дмитрия ценности носят общественно-личностный характер (справедливость, баланс), что порождает рефлексивную модель. У «прагматика» ценности сугубо личные (выгода), что порождает инструментальное отношение к праву. У «обывателя» ценности пассивны (покой), что ведёт к отчуждению.

3. Взаимосвязь компонентов. Таблица 5 наглядно иллюстрирует пример связи между компонентами правосознания личности:

а) Слабость когнитивного компонента («обыватель») напрямую ведёт к примитивности эмоциональных оценок и пассивности поведения.

б) Изменение ценностного компонента (например, после личного столкновения с несправедливостью у «активного защитника») вызывает лавинообразную динамику всех остальных компонентов: человек начинает активно узнавать права, негативно оценивать нарушения и активно действовать.

в) Поведенческий компонент является результирующим. Его содержание (пассивное/активное/девиантное) определяется совокупным состоянием когнитивного, эмоционального и ценностного компонентов.

4. На фоне других типов правосознания становится ясно, что правосознание Дмитрия – это высокоразвитый, но в некоторой степени оторванный от реальной жизни вариант. Его сила – в анализе и рефлексии, а не в преобразующей деятельности. Его потенциальная слабость – в возможности остаться на уровне «созерцания» без перехода к активной гражданской позиции, которой обладает «активный защитник».

Данный контрастный анализ подтверждает сложность и многокомпонентность структуры правосознания и показывает, что разработка методик его диагностики должна учитывать вариативность сочетаний этих компонентов, а не просто фиксировать «уровень знаний».

Таким образом, на основе анализа данных полуструктурированного интервью, проведенного в рамках диссертационного исследования, можно составить следующую обобщающую таблицу, отражающую структуру и содержание правосознания личности по компонентам (Таблица 6).

Таблица 6 – Сводные результаты анализа данных методом полуструктурированного интервью (N = 60)

Компонент правосознания	Категория / Критерий	Уровень/Тип	Доля респондентов	Примеры высказываний (иллюстрация содержания)
Когнитивный	Тип правопонимания	Поверхностный	33%	«Право — это законы, которые все обязаны соблюдать. За нарушение — наказание».
		Нормативный	57%	«Право — система норм, установленных государством. Закон — одна из его форм».
		Развитый	10%	«Право — это мера свободы, отражение культуры и идеалов общества».
	Уровень правовой грамотности	Низкий	37%	«Не знаю, что такое отрасли права... Может, уголовное?»
		Средний	43%	«Знаю, есть уголовное, гражданское, семейное право... Но подробности не помню».
		Высокий	20%	«Право делится на публичное и частное. Есть конституционное, административное, трудовое право...».
Ценностно-смысловой	Значимость прав и свобод	Личные (высокая)	85%	«Самое важное — право на жизнь и безопасность».
		Социальные (высокая)	70%	«Право на медицину и образование — это основа».
		Экономические (средняя)	50%	«Право на труд важно, но не все могут его реализовать».
		Политические (низкая)	25%	«Выборы — это формальность, от моего голоса ничего не зависит».
		Культурные (низкая)	20%	«Свобода творчества? Это для избранных, не для всех».
Эмоциональный	Отношение к праву	Позитивное	15%	«Право — это справедливость, порядок, защита».
		Нейтрально-скептическое	60%	«Законы есть, но работают плохо. Отношусь нормально, но без восторга».
		Негативное	25%	«Право — это инструмент власти против простых людей».

Продолжение Таблицы 6

	Удовлетворённость правами	Удовлетворён	20%	«В целом права соблюдаются, жалоб нет».
		Частично удовлетворён	50%	«Есть права, но не все реализуются на практике».
		Неудовлетворён	30%	«Права есть только на бумаге, в жизни их нет».
Поведенческий	Тип поведения	Правопослушный	40%	«Всегда соблюдаю закон, даже если это невыгодно».
		Ситуативно-правопослушный	45%	«Если нарушу — то только по мелочи и если не поймают».
		Противоправный / Нигилистический	15%	«Законы созданы, чтобы их нарушать. Все так живут».
	Готовность к правонарушению	Низкая (к тяжким)	70%	«Никогда не украду, не применю насилие».
		Высокая (к мелким)	60%	«Могу проехать на красный, если спешу».
	Толерантность к нарушителям	Низкая	30%	«Нарушителей надо строго наказывать».
		Высокая	70%	«Если человек украл из-за голода — его жалко, а не осуждаю».

2.4 Обсуждение результатов

Когнитивный компонент. У большинства респондентов преобладает нормативный тип правопонимания (57%), что свидетельствует о восприятии права как системы норм, но без глубокого осмысления его культурно-исторической природы. Низкий и средний уровень правовой грамотности у 80% респондентов указывает на недостаточность правовых знаний даже среди образованных групп.

Ценностно-смысловой компонент. Наибольшую значимость имеют личные и социальные права, что отражает ориентацию на базовые потребности и безопасность. Политические и культурные права малозначимы, следовательно, респонденты придерживаются пассивной гражданской позиции и недооценки роли культуры, творчества, познания в развитии общества.

Эмоциональный компонент. У большинства респондентов (60%) преобладает нейтрально-скептическое отношение к праву, что сочетается с критическим восприятием его реализации. Низкая удовлетворённость правами

(30%) указывает на разрыв между декларируемыми правами и реальными возможностями в их реализации и защите.

Поведенческий компонент. У респондентов отмечается ситуативная готовность к нарушению закона (45%) и высокая толерантность к нарушителям (70%), что свидетельствует о гибкости моральных регуляторов поведения и рационально-оппортунистическом подходе к праву. Низкая готовность к уголовным преступлениям против личности, жизни и здоровья, собственности (70%) говорит о сохранении базовых моральных и ценностных ориентиров.

Таким образом, исследование с помощью плуоструктурированного интервью показало, что правосознание испытуемых характеризуется фрагментарностью, рационально-скептическим отношением к праву и ситуативной моралью. Выявленные закономерности подтверждают теоретическую модель правосознания как сложного, многокомпонентного образования, находящегося под влиянием как личного опыта, так и социокультурных факторов. Правосознание большинства респондентов носит реактивный, а не проактивный характер. Оно активизируется лишь в ответ на грубое нарушение прав, но не используется для планомерного улучшения качества жизни и отстаивания своих интересов. Разрыв между знанием прав и готовностью их защищать одна из ключевых проблем, выявленных в исследовании.

Взаимосвязи между компонентами структуры правосознания личности.

Анализ данных интервью позволил нам выявить устойчивые взаимосвязи между компонентами правосознания. Респонденты с поверхностным пониманием права демонстрировали наивные представления: *«Право просто в каждом государстве есть, его не быть не может. Общество на право не влияет»*. В то время как развитое правопонимание коррелировало с критическим отношением к праву: *«Какие-то уже отдельные вещи – это уже исторический срез. Нужно быть очень наивным, чтобы ожидать...»*. В Таблице 7 показана взаимосвязь компонентов правосознания.

Таблица 7 – Взаимосвязи компонентов правосознания

Компонент	Взаимосвязь	Пример из интервью
Когнитивный ↔ Ценностный	Незнание → Отрицание значимости	«Политические права? Да не особо, лучше б нормальная зарплата была»
Когнитивный ↔ Эмоциональный	Знание → Критичность	«Все граждане РФ равны перед законом. Формально... Но фактически, конечно так оно и есть»
Ценностный ↔ Поведенческий	Ценность безопасности → Правопослушание	«Украсть? Нет, это уже преступление. А вот проехать на красный, если опаздываешь на важную встречу — да, возможно»

Характерные сочетания различных компонентов правосознания, которые мы наблюдали у испытуемых, приведены на Рисунке 2.

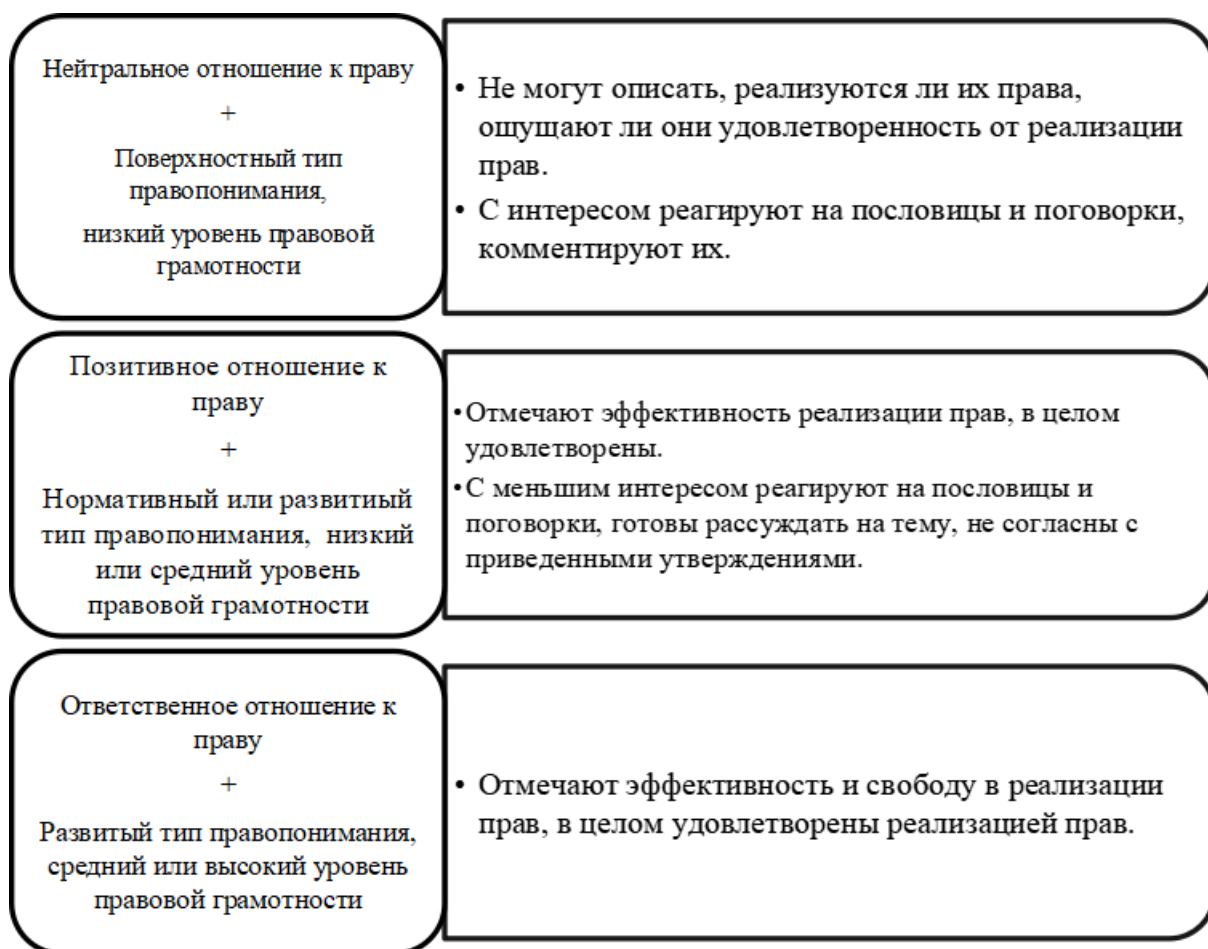

Рисунок 2 – Характерные сочетания компонентов структуры правосознания личности

Таким образом, в результате проведенного анализа данных интервью была успешно подтверждена гипотетическая теоретическая модель компонентов правосознания. Кроме того, на основании категоризации данных и обобщений результатов была уточнена и дополнена теоретическая модель структуры правосознания личности, которая представлена на Рисунке 3.

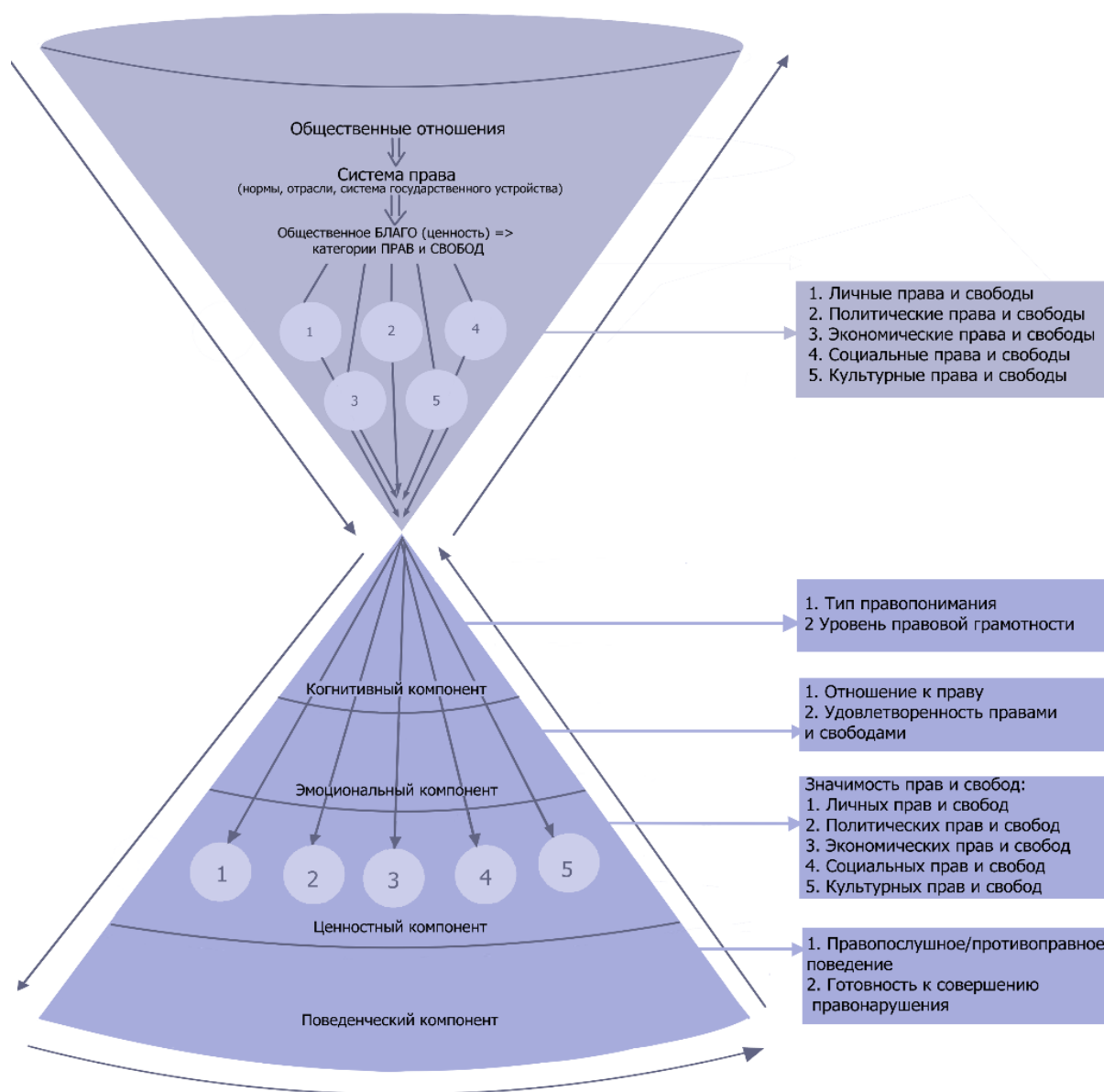

Рисунок 3 – Теоретическая модель психологической структуры правосознания личности, отражающая результаты анализа данных интервью

Стоит отметить, что при разном типе правопонимания и уровне правовой грамотности, а также разном эмоциональном отношении к праву у каждого из испытуемых в разной степени был представлен ценностно-смысловой компонент

правосознания – значимость определённых категорий прав и свобод. С учетом того, что ценностно-смысловой компонент правосознания личности был обнаружен у всех опрошенных нами респондентов интервью, полученные данные стали основанием для разработки стандартизированного личностного опросника значимости прав и свобод, работа над теоретическим моделированием которого начала проводиться после проведения исследования интервью на первой волне выборки (N=30) и продолжалась параллельно с работой над сбором и анализом данных интервью.

Роль качественной методологии. По результатам качественного исследования правосознания личности подтверждена комплексная структура правосознания, включающая четыре взаимосвязанных компонента: когнитивный, эмоциональный, ценностно-смысловой, поведенческий. Выявлены три качественно различных типа правопонимания, правовой грамотности. Обнаружена устойчивая иерархия правовых ценностей с приоритетом базовых потребностей безопасности. Установлены значимые взаимосвязи между уровнем знаний и критичностью отношения к правовой системе. Эмпирически подтверждена и дополнена теоретическая модель правосознания личности. Полученные результаты свидетельствуют о сложном, многомерном характере правосознания, которое требует дальнейшего исследования.

Данные показывают, что стандартизированные опросники, фиксирующие только уровень знаний, не отражают реальной картины. Один и тот же средний уровень знаний может сочетаться с принципиально разными типами правосознания (пассивным, активным, девиантным). Качественное интервью, как показано на примере респондента Дмитрия, позволяет раскрыть ценностные основания и реальные поведенческие сценарии, что необходимо для разработки эффективных мер по развитию правовой культуры.

Выводы по главе

На основе проведенного эмпирического исследования правосознания методом полуструктурированного интервью сформулированы следующие выводы по второй главе.

1. Метод полуструктурированного интервью доказал свою эвристическую ценность как инструмент качественного исследования, позволяющий исследовать разные компоненты структуры правосознания личности, что невозможно в рамках стандартизированных опросников.

2. Исследуя образ правовой действительности, представленный в сознании конкретной личности, следует опираться на те объективные черты, свойства, характеристики, которые присущи праву как социокультурному явлению с точки зрения его философского осмысления, а также сложившейся системы отраслей права, институтов юридической ответственности, принципов права и его норм, существующих на конкретном этапе культурно-исторического развития общества.

3. Исследование показало, что право как социокультурное явление отражается в сознании личности специфично, обладает своими качественными характеристиками и отличается по глубине отражения объективной сущности права в сознании личности.

4. В результате анализа данных разработана и апробирована комплексная система критериев для качественной оценки компонентов правосознания личности (когнитивного, ценностно-смыслового, эмоционального, поведенческого), обеспечивающая высокую надежность ($k = 0,83-0,87$) и валидность анализа благодаря процедуре экспертного кодирования и триангуляции данных.

5. Эмпирически подтверждена теоретическая модель правосознания как многокомпонентного, структурно-сложного образования. Выявлено, что право отражается в индивидуальном сознании специфично, с различной глубиной и

содержательным наполнением, что обусловлено как уровнем знаний, так и системой личностных ценностей.

6. Системное строение правосознания представляет собой структурно-функциональное единство четырех взаимосвязанных компонентов: *когнитивный компонент* (тип правопонимания и уровень правовой грамотности) выполняет ориентировочно-регулятивную функцию; *ценностно-смысловой компонент* (иерархия значимости прав и свобод) осуществляет аксиологическую селекцию и смыслообразование; *эмоциональный компонент* (оценочное отношение и удовлетворенность правами и свободами) обеспечивает аффективную окраску правовых представлений; *поведенческий компонент* (установки и готовность к действию) реализует регулятивно-поведенческую функцию в правовом поле.

7. Смысловое строение правосознания характеризуется динамической организацией личностных смыслов, возникающих в процессе интерпретации правовой реальности. Анализ данных интервью позволил выявить, что смысловое наполнение права осуществляется посредством *интериоризации* объективных правовых норм через призму индивидуального опыта; *рефлексивного осмысления* противоречий между правовыми идеалами и практикой; *ценностной артикуляции*, в результате которой правовые понятия наполняются личностно значимым содержанием; *ситуативного конструирования* смыслов в контексте морально-правовых и этических дилемм.

8. Эмпирически установлено, что системная организация правосознания детерминирована его смысловым строением: ценностно-смысловые образования выступают системообразующим фактором, определяющим характер взаимосвязей между когнитивными, эмоциональными и поведенческими компонентами. Выявленный рефлексивно-ценностный тип правосознания демонстрирует наиболее сложную и интегрированную организацию системы, где смысловые структуры выполняют интегративную функцию.

9. Анализ интервью позволил произвести обобщения ответов на вопросы респондентов и произвести категоризацию, в результате которой удалось конкретизировать содержание когнитивного, эмоционального, ценностно-

смыслового и поведенческого компонентов правосознания личности. К когнитивному компоненту относится «тип правопонимания», «уровень правовой грамотности (юридической осведомленности)», к ценностно-смысловому – «степень значимости прав и свобод», к эмоциональному – «эмоциональная оценка права» и удовлетворенность правами и свободами, к поведенческому – «тип юридически значимого поведения», «готовность к совершению правонарушения».

10. Установлено доминирование нормативного типа правопонимания (57% респондентов), при котором право воспринимается как система формальных норм, без глубокого осмысления его культурно-исторической и ценностной природы. Высокий уровень правовой грамотности выявлен лишь у 20% испытуемых, что свидетельствует о недостаточности правовых знаний даже в образованной среде.

11. Обнаружена устойчивая иерархия правовых ценностей: наибольшую значимость имеют личные и социальные права (85% и 70%), тогда как политические и культурные права занимают периферийное положение (25% и 20%), что отражает ориентацию на базовые потребности и пассивную гражданскую позицию.

12. Преобладает нейтрально-скептическое отношение к праву (60% респондентов), сочетающееся с низкой удовлетворенностью реализацией прав (30% неудовлетворенных). Это указывает на разрыв между декларируемыми правовыми идеалами и реальной практикой, что способствует формированию правового отчуждения и недоверия к правовым институтам и органам власти.

13. Выявлена ситуативная обусловленность правового поведения: 45% респондентов демонстрируют ситуативную готовность к правомерному поведению, а 60% допускают возможность мелких правонарушений. Высокая толерантность к нарушениям (70%) подчеркивает роль морально-ценностных, а не строго нормативных регуляторов поведения.

14. На примере углубленного кейс-анализа (респондент Дмитрий) выявлен рефлексивно-ценностный тип правосознания, характеризующийся синтезом высокого уровня знаний, критического отношения к правовой

реальности и ценностной интеграции права в личностную структуру. Это подтверждает гипотезу о том, что высокий уровень знаний является необходимым, но недостаточным условием формирования зрелого правосознания.

15. Установлены устойчивые взаимосвязи между компонентами правосознания: слабость когнитивного компонента ведет к упрощению ценностных ориентаций и пассивности поведения; развитое правопонимание коррелирует с критическим отношением к праву; ценностные установки определяют направленность и характер правового поведения.

16. Для поверхностного типа правопонимания характерен низкий уровень правовой грамотности. Нормативный тип правопонимания сочетается как с низким, так и со средним уровнем правовой грамотности. Для развитого правопонимания характерен средний и высокий уровень правовой грамотности. Примечательно, что развитый тип правопонимания способствует более положительному отношению к праву, по сравнению с поверхностным и нормативным, и общему ощущению удовлетворенности от реализации своих прав и свобод. Независимо от типа правопонимания и уровня правовой грамотности у каждого из испытуемых в разной степени представлен ценностно-смысловой компонент правосознания – значимость определённых прав и свобод. Кроме того, независимо от типа правопонимания и уровня правовой грамотности испытуемые выражали готовность совершить правонарушение в различных юридически значимых ситуациях.

17. Подтверждена роль общения, рефлексии и предметной деятельности в развитии правосознания. Доминирование рефлексии и общения при слабой включенности в активную правозащитную деятельность обуславливает формирование «теоретического» типа правосознания, нуждающегося в практическом подкреплении.

18. Обоснована необходимость разработки стандартизированного опросника, учитывающего не только уровень правовых знаний, но и ценностно-смысловые, эмоциональные и поведенческие аспекты правосознания. Данный

опросник позволит проводить более точечную диагностику и разрабатывать адресные программы правового просвещения.

Итак, качественное исследование подтвердило комплексный характер правосознания, его связь с ценностно-смысловой сферой личности и культурно-историческим контекстом, а также необходимость использования качественных методов для его глубокого и многомерного изучения.

Глава 3 Разработка и апробация психометрического опросника: количественный подход к оценке правосознания личности

3.1 Теоретическое обоснование и этапы конструирования опросника значимости прав и свобод личности

Психологический подход к пониманию и диагностике правосознания личности, на наш взгляд, должен опираться на следующие положения:

1) правосознание личности в большей степени связано с сущностью права, нежели с отдельными правовыми нормами и законами;

2) при анализе структуры правосознания личности и оценке его качественных характеристик необходимо отталкиваться, прежде всего, от его субъективной (оценочной) стороны, которая выражается в личном отношении субъекта к базовым правовым принципам;

3) различные сферы правосознания личности напрямую соотносятся с объективной системой права – отраслями права и конкретными видами правоотношений, которые находят отражение в международных актах и национальных Конституциях. По сути, данные правовые акты представляют собой официально закрепленные законодателем общечеловеческие ценности, а степень согласия субъекта с этими ценностями отражает содержание его правосознания.

Цель нашего исследования на данном этапе заключалась в построении теоретической модели и предварительной оценке психометрических свойств опросника, направленного на исследование:

1) уровня осведомленности субъекта о базовых конституционных правах и свободах человека, который отражает содержание когнитивного компонента правосознания личности;

2) значимости для субъекта конституционных прав и свобод, т.е. его ценностное отношение к принятой в современном обществе системе права и правового регулирования.

Создаваемый опросник позволяет подойти к исследованию когнитивного (осведомленность о правах и свободах, закрепленных законом) и ценностно-смыслового (значимость для субъекта прав и свобод) компонентов правосознания личности.

Работа по созданию опросника правосознания личности являлась трудоемким и многогранным процессом, который включал в себя:

- теоретический анализ юридической литературы по проблеме исследования и опыта разработки диагностических методик по данной теме;
- анализ Всеобщей декларации прав человека и Конституции Российской Федерации;
- проведение и анализ полуструктурированного интервью;
- последующие теоретические обобщения на основании анализа литературы, нормативных актов и данных интервью;
- разработку структуры нового опросника и экспертную оценку вошедших в него пунктов;
- проведение пилотажного исследования;
- эмпирическую валидизацию теста – анализ структуры и внутренней консистентности субшкал опросника на выборке $N=100$, оценку конвергентной валидности на выборке $N=120$;
- формулирование окончательного варианта теста и ключа к нему;
- исследование правосознания с помощью опросника значимости прав и свобод на выборке $N=270$;
- качественный анализ полученных результатов.

В основу опросника положена правовая аксиоматика, ядро которой составляют ценности и нормы, объективно закрепленные мировым сообществом во Всеобщей декларации прав человека [14] и отраженные в виде конституционных прав и свобод граждан в Конституции РФ [112]. Поскольку данные правовые акты являются реальным выражением прав и свобод граждан на определенном этапе культурно-исторического развития общества, своеобразной

«идеальной формой» (Л. С. Выготский) для формирования правосознания личности, они являются важным объективным критерием для изучения структуры правосознания личности как результата интериоризации принятых в обществе прав и свобод. Поэтому первый этап нашей работы заключался в теоретическом анализе Всеобщей декларации прав человека и Конституции РФ с целью реконструкции базовых сфер правового регулирования, регламентирующих правовые отношения людей в современном российском обществе.

На следующем этапе работы мы вновь вернулись к анализу данных полуструктурированного интервью (N=60), которое было направлено на выявление качественных характеристик правосознания личности. Один из тематических блоков интервью был посвящен диагностике ценностно-смыслового компонента правосознания личности, данные прошли категоризацию и были обозначены в качестве «значимости прав и свобод». Все респонденты, отвечавшие на вопросы интервью в ходе проведения пилотажного исследования на выборке N=10, а также респонденты, проходившие интервью в последующем N=60, демонстрировали разный уровень осведомленности о базовых категориях прав и свобод, а также разную степень значимости, что подробно изложено во второй главе настоящего исследования. Таким образом, когнитивный и ценностно-смысловой компоненты правосознания личности отмечались у всех респондентов (N=60), прошедших интервью. Право в данном случае выступило в качестве эмпирического феномена, существующего на уровне сознания и психологии личности. На предварительной стадии исследования, посвященной конструированию стандартизированного опросника, для нас было важно провести сопоставление двух «языков описания» конституционных прав и свобод. Первый из которых существует на уровне законодательных актов, а второй – в сознании конкретного человека. Результаты этой работы привели к созданию пула вопросов для составления первой версии теста.

На следующей стадии исследования мы обратились за помощью к профессиональным юристам – специалистам по конституционному и международному праву – для того, чтобы они дали компетентную оценку

высказываниям, составившим пул вопросов будущего опросника. Перед экспертами была поставлена задача ответить на вопрос: отражает ли тот или иной пункт теста базовые права и свободы граждан, отраженные в Конституции РФ. В результате был разработан оригинальный опросник правосознания личности, состоящий из 56 пунктов, после чего была произведена процедура его эмпирической валидации. Проверка конструктивной валидности теста осуществлялась с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа на выборке студентов вузов младших курсов (N=100) в возрасте от 18 до 20 лет, обладающих высоким уровнем правовой грамотности в рамках образовательного стандарта среднего образования. Внутренняя консистентность шкал опросника оценивались с помощью коэффициента α -Кронбаха.

Анализ Всеобщей декларации прав человека [14] и действующей Конституции РФ [112], а также работ ведущих специалистов в области теории конституционного права [17, 18] позволил нам выделить пять базовых сфер правового регулирования:

1) личные права (право на жизнь и здоровье, свободу слова и мысли, свободу вероисповедания, свободу совести, право на тайну частной жизни, право на свободу передвижения);

2) экономические права (право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, право свободно распоряжаться своей способностью к труду, право вести предпринимательскую деятельность);

3) политические права (право избирать и быть избранным в органы власти, право на участие в митингах, шествиях, право на вступление в профсоюзы, свободу мирных собраний и ассоциаций, право на доступ к государственной службе);

4) социальные права (право на социальное обеспечение, а именно – бесплатную медицинскую помощь и образование, пенсионное обеспечение, гарантии и льготы малоимущим, инвалидам, сиротам, малолетним);

5) культурные права (право на свободу творчества, свободу преподавательской деятельности, доступ к культурному наследию).

Данные сферы правового регулирования вошли в состав модели разрабатываемого опросника, вопросы которого были сформулированы так, чтобы узнать, насколько закрепленные в Конституции права и свободы человека и гражданина являются значимыми для субъекта, насколько он разделяет ценности (общественные блага), которые в этих правах и свободах закреплены законодательно. Таким образом, в основу теста были положены теоретико-правовые представления о принципах и механизмах правового регулирования в базовых сферах жизнедеятельности и общественного взаимодействия. Поэтому выделенная на этой основе структура опросника дает исследователю возможность целостной оценки правосознания личности. При этом шкалы опросника, диагностирующие значимость для субъекта базовых прав и свобод, могут быть отнесены к когнитивному и ценностно-смысловому компоненту правосознания личности, согласно нашей теоретической модели, изложенной в первой главе и уточненной во второй главе исследования. Для оценки когнитивного компонента правосознания личности в структуру опросника была введена шкала осведомленности о конституционных правах и свободах, позволяющая оценить содержание правовой грамотности испытуемых. Соотношение результатов исследования по данной шкале с другими шкалами опросника представляет собой сопоставление знаний субъекта о тех или иных правах и свободах с их значимостью для субъекта. Данные сопоставления крайне важны для понимания системного строения правосознания личности.

На следующем этапе работы было проведено полуструктурированное интервью со студентами (N=60), которое позволило выявить качественное своеобразие правосознания личности, проявляющегося в правовой грамотности (осведомленности), правопонимании, степени значимости конституционных прав и свобод и др. Интервью позволило не только продиагностировать когнитивный и ценностно-смысловой компонент правосознания, но и «адаптировать» в процессе исследования положения Декларации прав человека и Конституции РФ для их лучшего восприятия и понимания испытуемыми с разным уровнем правовой грамотности. Для этого участникам исследования было предложено выразить свое

отношение к действующим конституционным нормам, отметить, как они их понимают, и указать, насколько эти нормы, права и свободы, по их мнению, необходимы и значимы в общественном взаимодействии. В ходе интервью выяснилось, какие именно общечеловеческие ценности, по мнению испытуемых, лежат за каждой из категорий правовых норм, считают ли испытуемые допустимой и возможной для себя отмену или ограничение установленных законом категорий прав и свобод. Анализ результатов полуструктурированного интервью позволил нам сформировать предварительное и на данном этапе исследования общее представление о праве как эмпирическом феномене, т.е. о субъективной реальности правосознания личности. Полученные результаты в дальнейшем были учтены при составлении текста опросника, в который вошли откорректированные и адаптированные для обычного среднестатистического человека формулировки вопросов, а не те, которые представлены в перечисленных выше законодательных актах.

На следующем этапе исследования для каждой категории прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и являющихся ядром прав и гарантий, закрепленных в Конституции РФ, были составлены утверждения, раскрывающие содержание этих прав, изложенные в доступной для обывденного восприятия форме и отражающие их объективную важность и значимость. Между тем, данные формулировки могли исказить законодательно закрепленные права и свободы человека и гражданина, поэтому для оценки адекватности вопросов теста были приглашены эксперты – специалисты в области конституционного права – которые помогли сформулировать утверждения, отражающие содержание основных категорий прав. В результате этой работы был составлен опросник, содержащий 56 пунктов (Приложение 5), который в дальнейшем был подвергнут процедуре эмпирической валидации.

Опишем более подробно структуру опросника. Методика содержит шесть шкал:

- 1) осведомленность о конституционных правах и свободах;
- 2) значимость личных прав и свобод;

- 3) значимость экономических прав и свобод;
- 4) значимость политических прав и свобод;
- 5) значимость социальных прав и свобод;
- 6) значимость культурных прав и свобод.

Согласно инструкции испытуемому предлагается ознакомиться с предложенными высказываниями и выразить степень своего согласия или несогласия с ними по 7-балльной шкале Лайкерта:

- 1 – полностью не согласен;
- 2 – не согласен;
- 3 – скорее не согласен, чем согласен;
- 4 – нейтральный ответ (мне все равно, либо затрудняюсь дать ответ);
- 5 – скорее, согласен, чем не согласен;
- 6 – согласен;
- 7 – полностью согласен.

Шкала предлагает сбалансированный диапазон вариантов ответов, охватывающий более широкий спектр отношений, мнений и моделей поведения, по сравнению с трех- и пятибалльной шкалами. В контексте исследования значимости прав и свобод оценка по семибалльной шкале Лайкерта позволяет точнее описать выраженность исследуемого признака при качественной интерпретации полученных данных.

Представим примеры вопросов, относящихся к шкалам опросника.

Шкала 1 «Осведомленность о правах и свободах» (10 пунктов) оценивает, известно ли респонденту о существовании прав и свобод (слышит ли он о них впервые или, наоборот, сталкивался с этими формулировками и имеет о них достаточно полное представление).

Утверждения, относящиеся к данной шкале, были разделены на два типа (по два утверждения на каждую из пяти сфер правового регулирования). Первый тип утверждений был сформулирован предельно обобщенно и не раскрывает содержания сферы правового регулирования, предложенной для оценки, но дает возможность судить об общем уровне владения испытуемым юридически

значимыми категориями. Например, «мне хорошо известны мои личные права» (п. 1, сфера регулирования личных прав), «мне хорошо известны мои экономические права» (п. 17, сфера регулирования экономических прав) и т.д.

Второй тип утверждений непосредственно соотносится с текстом Всеобщей декларации прав человека и Конституции РФ, конкретизирует содержание каждой из пяти сфер правового регулирования. Например, «мне хорошо известно, что каждый человек имеет право на жизнь и здоровье, свободу слова и мысли, свободу вероисповедания, свободу совести, право на тайну частной жизни, право на свободу передвижения» (п. 2, сфера регулирования личных прав), «мне хорошо известно, что каждый человек имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, право свободно распоряжаться своей способностью к труду, право вести предпринимательскую деятельность» (п. 18, сфера регулирования экономических прав) и т.д.

Следующие пять шкал опросника оценивают позицию испытуемого к содержанию конкретных прав, относящихся к различным сферам правового регулирования и общественного взаимодействия. Каждая из этих шкал содержала пять типов высказываний:

1) значимость для испытуемого той или иной группы прав и свобод (например, «для меня важно, что никто не может вмешиваться в мою частную и семейную жизнь, нарушать тайну переписки, телефонных переговоров»);

2) готовность ограничить права ради общественного блага (например, пойти на ограничение личного права на свободу мысли и слова, и дать согласие на введение цензуры в Интернете ради того, чтобы ограничить детей от воздействия вредной информации);

3) готовность ограничить права за материальное вознаграждение или социальные гарантии (например, отказаться от права избирать представителей в органы государственной власти за материальное вознаграждение или отказаться от права собственности на недвижимое имущество в пользу договора социального найма недвижимости, достойной заработной платы, бесплатного медицинского обслуживания и гарантий трудоустройства);

4) готовность отказаться от прав или ограничить права в пользу более значимой категории прав (например, отказаться от права на бесплатное медицинское обслуживание или от права на получение пенсии ради гарантий беспрепятственного ведения предпринимательской деятельности);

5) недопустимость ограничения прав и свобод или отказа от тех или иных прав и свобод (испытываемый ни при каких условиях не рассматривает вариант ограничения собственного права или отказ от него).

Шкала 2 «Значимость личных прав и свобод» (14 пунктов) оценивает отношение испытуемого к содержанию личных прав и свобод. Например, «для меня важно, что люди от рождения наделены равными правами и свободами, независимо от того, в какой семье и в каких условиях они родились» (п. 3), «я готов не выезжать за границу и жить на территории России, если государство обеспечит меня всем необходимым и создаст хорошие условия для моей жизни» (п. 7) и др.

Шкала 3 «Значимость экономических прав и свобод» (4 пункта) оценивает отношение испытуемого к содержанию экономических прав и свобод. Например, «я готов отказаться от права собственности на объекты недвижимости, если государство создаст мне достойный уровень жизни и даст социальные гарантии (бесплатное образование и медицина, достойное жилье, высокооплачиваемая работа, достойная пенсия и др.)» (п. 20), «я ни при каких условиях не готов отказаться от права собственности или ограничить свое право собственности» (п. 21) и др.

Шкала 4 «Значимость политических прав и свобод» (8 пунктов) оценивает отношение испытуемого к содержанию политических прав и свобод. Например, «для меня важно, что я могу избирать представителей в органы государственной власти и сам быть избранным во власть» (п. 28), «я готов отказаться от права избирать органы власти за вознаграждение» (п. 29) и др.

Шкала 5 «Значимость культурных прав и свобод» (6 пунктов) оценивает отношение испытуемого к содержанию культурных прав и свобод. Например, «я готов отказаться от права на свободу творчества и готов писать стихи, песни,

книги, картины в рамках того направления и идеологии, которые установлены государством, если это положительно повлияет на мое материальное благосостояние и предоставит мне значимые социальные гарантии» (п. 40), «я ни при каких условиях не готов отказаться от своих культурных прав» (п. 43) и др.

Шкала 6 «Значимость социальных прав и свобод» (11 пунктов) оценивает отношение испытуемого к содержанию социальных прав и свобод. Например, «для меня очень важно, что я имею право на бесплатное образование и медицинское страхование» (п. 46), «я готов отказаться от права получать пенсию, если смогу зарабатывать столько, чтобы в будущем мне хватало на достойную старость» (п. 50) и др.

3.2 Результаты оценки психометрических свойств опросника значимости прав и свобод личности

Разработка и апробация опросника значимости прав и свобод осуществлялись в соответствии с современными стандартами психометрического обоснования диагностических методик. Стратегия валидизации носила поэтапный характер и была направлена на последовательное установление различных аспектов валидности, что соответствует классическим представлениям о валидизации как непрерывном процессе накопления доказательств обоснованности интерпретаций результатов тестирования.

Методологическое обоснование выбора стратегии валидизации.

Процедура валидизации была построена по принципу восхождения от внутренних к внешним аспектам валидности. Такой подход методологически оправдан, поскольку установление конструктивной валидности является необходимым условием для последующей проверки других видов валидности. Как справедливо отмечает А. Анастаси, «валидизация теста по существу является процессом выяснения того, что именно измеряет тест» [10], что предполагает первостепенное значение верификации внутренней структуры методики.

Для различных этапов валидации были сформированы специализированные выборки, оптимально подходящие для решения конкретных методических задач.

Для проверки *конструктивной валидности* была сформирована выборка курсантов младших курсов юридического института (N=100). Методологическое обоснование выбора данной группы включает несколько аспектов.

1. Контроль уровня правовой компетентности. Курсанты обладали формализованным уровнем правовых знаний, соответствующим требованиям школьной программы по обществознанию и подтвержденным недавними вступительными испытаниями. Это позволило минимизировать вариативность, связанную с различиями в понимании правовой терминологии. При этом стоит отметить, что курсанты первого курса еще не обладают достаточными знаниями и навыками для формирования профессионального правосознания. Таким образом, для проверки *конвергентной валидности* мы ориентировались на группу респондентов, которые потенциально обладают нормальным уровнем правовой грамотности и способны понимать формулировки, которые были включены в тест, но не обладают при этом профессиональным правосознанием.

2. Оптимизация условий проверки. Однородность группы по уровню правовой грамотности создавала идеальные условия для «чистой» проверки структурных характеристик методики, свободной от влияния артефактов, связанных с некорректным пониманием формулировок пунктов.

3. Обеспечение методологической чистоты. Использование данной выборки позволило проверить гипотезу о структурной организации опросника в условиях, максимально приближенных к контролируемым экспериментальным условиям.

Для проверки *конвергентной валидности* была сформирована независимая выборка (N=120), репрезентирующая различные социально-демографические характеристики. Теоретическим основанием для выбора опросника личностных ценностей Д. В. Каширского (KVS-2) в качестве внешнего критерия послужила концепция ценностных оснований правосознания, согласно которой

интериоризация правовых норм и формирование субъективного отношения к правам и свободам опосредованы системой личностных ценностей, что подтверждается данными полуструктурированного интервью, представленными во второй главе нашего исследования.

Дальнейшая работа по валидации опросника должна быть направлена на установление дополнительных аспектов валидности и решение следующих исследовательских задач:

1. Углубленная проверка дискриминантной валидности предполагает доказательство отсутствия значимых связей с заведомо несвязанными конструктами, такими как показатели социальной желательности, когнитивные способности, личностные черты, теоретически не связанные с правосознанием и др.

2. Установление предиктивной валидности является ключевой задачей для подтверждения практической значимости опросника. Перспективные направления исследований включают:

- изучение связи показателей опросника с реальными формами правового поведения;
- исследование прогностической силы методики относительно правозащитной активности;
- анализ взаимосвязей с решениями в смоделированных правовых дилеммах.

3. Проверка инвариантности измерения необходима для обоснования возможности сравнительных межгрупповых исследований и должна включать:

- проверку конфигуральной инвариантности (единство факторной структуры);
- установление метрической инвариантности (равенство факторных нагрузок);
- доказательство скалярной инвариантности (равенство пунктов по уровню сложности).

4. Стандартизация методики предполагает:

- сбор репрезентативных нормативных данных для основных социальных групп;
- создание нормативных таблиц для различных возрастных и профессиональных групп;
- разработку дифференциальных норм для различных сфер применения.

Таким образом, проведенная нами работа представляет собой первый комплексный этап валидации, создающий прочный теоретико-методологический и эмпирический фундамент для дальнейшего углубленного изучения психометрических свойств опросника. Использование специализированных выборок на каждом этапе валидации обеспечило методологическую чистоту исследования и позволило получить валидные и надежные результаты. Дальнейшие исследования должны быть направлены на установление дополнительных аспектов валидности и расширение сфер применения опросника в исследовательской и практической деятельности.

Разработанный опросник значимости прав и свобод обладает значительным потенциалом для использования в различных областях психолого-правовых исследований, включая изучение правовой социализации, исследование ценностных оснований правового поведения и разработку программ правового просвещения.

Показатели конструктивной валидности опросника значимости прав и свобод.

Опросник значимости прав и свобод был подвергнут процедуре факторизации, а его субшкалы – оценке внутренней консистенции. В исследовании приняли участие 100 студентов (60 мужчин, 40 женщин). Возраст варьировался от 18 до 20 лет ($M = 18.2$, $SD = .57$). Участникам было предложено заполнить опросник, предупредив, что они могут в любой момент отказаться от участия. После окончания тестирования и обработки результатов участники были ознакомлены с характером исследования и в индивидуальном порядке с полученными результатами.

Для эмпирического подтверждения структуры опросника был проведен эксплораторный факторный анализ (EFA) (вращение осей Varimax). Критерий

Кайзера-Мейера-Олкина и критерий сферичности Бартлетта показали адекватность его применения на используемой выборке ($KMO=.705$, $\chi^2 = 5639.672$, $df = 1540$, $p \leq .0001$). В Таблице 9 указаны факторные нагрузки после вращения методом Varimax с нормализацией Кайзера (метод главных компонент).

Эксплораторный факторный анализ в целом подтвердил шестифакторную структуру теста, однако показал, что не все из 56 пунктов опросника имеют достаточные нагрузки по выделенным факторам. Результаты повторной факторизации представлены в Таблице 8 (собственные значения компонент, процент объясненной дисперсии каждым фактором). Представленная модель объясняет 61.761% общей дисперсии.

Таблица 8 – Результаты факторизации (полная объясненная дисперсия)

Компонента (фактор)	Собственные значения	Объясняемый фактором процент общей дисперсии	Кумулятивный процент общей дисперсии для каждого фактора
1	14,560	25,999	25,999
2	5,842	10,433	36,432
3	4,894	8,739	45,171
4	3,707	6,619	51,790
5	2,848	5,085	56,875
6	2,736	4,886	61,761

Таблица 9 – Факторные нагрузки после вращения методом Varimax с нормализацией Кайзера (метод главных компонент)

Номер вопроса в первоначальной версии теста	Номер вопроса в итоговой версии теста	Шкала опросника (номер шкалы)	Компонента (фактор)					
			1	2	3	4	5	6
1	1	Осведомленность о правах и свободах (1)	.794	.167	.109	-.042	-.05	.209
2	2		.707	.321	-.002	.106	.065	-.021
3	-	Значимость личных прав и свобод (2)	Вопрос исключен					
4	3		-.119	-.093	.054	-.146	-.078	.713
5	-		Вопрос исключен					
6	4		.013	.07	.19	-.095	.195	.726
7	5		.105	.019	.076	-.149	.092	.753
8, 9	-		Вопросы исключены					
10	6		-.023	.049	-.138	.035	.093	.673
11	7		-.012	-.002	-.036	.218	.128	.597
12, 13, 14, 15, 16	-		Вопросы исключены					
17	8	Осведомленность о правах и свободах (1)	.766	-.142	.054	-.178	.15	-.051
18	9		.815	.02	.223	-.084	.093	-.074
19	-	Значимость экономических прав и свобод (3)	Вопрос исключен					
20	10		.136	-.146	.071	.136	.805	.052
21	11		.069	-.003	.051	.079	.709	.181
22	-		Вопрос исключен					
23	12		-.055	.216	.245	-.034	.759	-.044
24	13		-.006	.104	.155	-.110	.732	.187
25	14		.049	.291	.109	.111	.777	.089
26	15		.761	.095	.342	.051	-.08	-.083
27	16	Осведомленность о правах и свободах (1)	.672	.253	.40	.050	-.008	-.074
28	-	Значимость политических прав и свобод (4)	Вопрос исключен					
29	17		.228	.269	.817	.106	.119	-.124
30	18		.167	.227	.821	.077	.221	-.057
31	19		.145	.053	.857	.082	.133	.097
32	20		.118	.092	.771	-.078	.191	.155
33	21		.24	.326	.678	-.005	.037	.045
34, 35	-		Вопросы исключены					

Продолжение Таблицы 9

36	22	Осведомленность о правах и свободах (1)	.661	.510	.086	.015	.082	.039
37	23		.536	.580	.219	.17	.179	-.041
38, 39	-	Значимость культурных прав и свобод (5)	Вопросы исключены					
40	24		.228	.828	.139	.088	.217	.020
41	25		.175	.860	.250	-.020	.126	-.038
42	26		.265	.848	.213	.112	.080	.044
43	27		.129	.799	.194	.176	-.06	.040
44	28	Осведомленность о правах и свободах (1)	.792	.207	.078	.254	-.065	.017
45	29		.672	.299	.004	.370	.110	-.009
46	-	Значимость социальных прав и свобод (6)	Вопрос исключен					
47	30		.010	-.085	-.002	.801	.057	-.069
48	31		-.037	.058	.089	.714	.254	-.159
49, 50, 51, 52	-		Вопросы исключены					
53	32		.092	.105	.056	.875	.039	.001
54	33		.066	.104	.088	.849	-.108	.047
55	34		.076	.190	-.069	.795	-.032	.021
56	-		Вопрос исключен					

В результате получен опросник, содержащий 34 вопроса (Приложение 6), в котором первая шкала содержит 10 пунктов (1, 2, 17, 18, 26, 27, 36, 37, 44, 45), вторая – 5 пунктов (4R, 6R, 7R, 10R, 11), третья – 5 пунктов (20R, 21, 23R, 24R, 25), четвертая – 5 пунктов (11, 12, 13, 24), пятая – 4 пункта (28, 29, 32, 39), шестая – 5 пунктов (47R, 48R, 53, 54, 55). Номера вопросов указаны так, как они значатся в первоначальной версии теста (итоговая версия опросника представлена в Приложении 2).

Далее была проведена оценка факторной структуры опросника (34 пункта) с помощью конфирматорного факторного анализа (CFA) (N=100).

В результате были получены следующие статистические показатели соответствия теоретической модели эмпирическим данным: $\chi^2=748.89$, $df=455$, $p\leq.0001$; $\chi^2/df=1.646<2$, CFI=.90, RMSEA=.08, LO 90=.07, HI 90=.09, TLI=.87. Большинство показателей указывают на приемлемое соответствие тестируемой модели эмпирическим данным.

Следовательно, результаты EFA и CFA подтверждают конструктивную валидность опросника.

Для оценки внутренней консистентности шкал опросника был вычислен коэффициент α -Кронбаха. В результате были получены следующие значения:

1) Осведомленность о правах и свободах ($\alpha=.92$); 2) Значимость личных прав и свобод ($\alpha=.75$); 3) Значимость экономических прав и свобод ($\alpha=.84$); 4) Значимость политических прав и свобод ($\alpha=.91$); 5) Значимость культурных прав и свобод ($\alpha=.93$); 6) Значимость социальных прав и свобод ($\alpha=.88$). Полученные коэффициенты указывают на высокую консистентность всех шкал разрабатываемой нами методики.

Особое значение для обеспечения чистоты проверки конструктивной валидности опросника имело включение в исследование группы курсантов первого курса Барнаульского юридического института ($N=100$). Критерием отбора данной группы выступил не этап профессионального становления, а формализованный уровень правовой грамотности, соответствующий объему школьной программы по обществознанию и подтвержденный недавними вступительными испытаниями. Данная группа респондентов рассматривалась нами как модель, обеспечивающая контроль уровня понимания правовых категорий. Поскольку курсанты на момент исследования обладали актуальными и систематизированными знаниями в области права на базовом, но четко определенном уровне, это позволило минимизировать «помехи», связанные с вариативностью и фрагментарностью обыденных правовых представлений респондентов с низким уровнем правовой грамотности.

Таким образом, в условиях, когда когнитивная сложность заданий была максимально нивелирована за счет гарантированного понимания респондентами базовой правовой терминологии, мы получили возможность провести более «чистую» проверку конструктивной валидности. Высокие факторные нагрузки и хорошие показатели соответствия модели, полученные при данной выборке, свидетельствуют о том, что структура опросника устойчива и адекватно воспринимается респондентами, чей уровень правовой компетентности можно

считать нормативным образцом для целевой популяции (молодежь 18 – 35 лет с неюридическим образованием). Иными словами, если методика демонстрирует валидность у респондентов, чьи знания формальны, системны и не отягощены профессиональными деформациями, это является веским аргументом в пользу того, что она измеряет именно заявленные конструкты – осведомленность и значимость прав и свобод, а не иные, сопутствующие факторы.

Полученные в результате эксплораторного и конфирматорного факторного анализа данные не только подтвердили теоретически заложенную шестифакторную структуру опросника, но и продемонстрировали его концептуальную понятность и структурную устойчивость для респондентов с контролируемым уровнем правовой грамотности. В связи с этим мы можем утверждать, что последующее применение опросника на более разнородных выборках будет отражать реальную вариативность правосознания, а не различия в способности респондентов понимать содержание вопросов.

Показатели конвергентной валидности опросника значимости прав и свобод.

Конвергентная валидность опросника оценивалась на выборке ($N = 120$) и проводилась в два этапа. На первом этапе нами проверялись корреляции пунктов опросника с двумя другими методиками исследования правосознания (опросник правосознания Л. А. Ясюковой и анкета уровня правового развития О. А. Гулевич. На втором этапе оценка конвергентной валидности оценивалась по соотношению шкал опросника значимости прав и свобод и опросника личностных ценностей Д. В. Каширского.

Баллы испытуемых по субшкалам опросника коррелировали с их оценками по двум методикам, направленным на диагностику правосознания Л. А. Ясюковой и анкеты уровня правового развития О. А. Гулевич.

Опросник Л. А. Ясюковой состоит из 13 пунктов. Респондент должен выбрать один из трех возможных ответов. Инструмент содержит интегральную шкалу, измеряющую общий уровень правосознания, а также уровень правосознания в трех конкретных сферах: образ жизни, бизнес и гражданская сфера. Кроме того, анкета, по мнению ее составителя, дает возможность оценить

уровень юридических знаний участников. Стоит отметить, что уровень правосознания в сферах «образ жизни», «бизнес» и «гражданская сфера» не соотносится с объективно существующей в культуре системой права, вероятно, автор анкеты не опирался на действующие нормы и принципы права при составлении анкеты правосознания и не соотносил инструмент с правовой системой.

Анкета правового развития О. А. Гулевич состоит из четырех неоконченных предложений и предлагает на выбор четыре варианта завершения, один из которых открыт: можно написать свою идею. В результате оценки, по мнению автора, может быть обозначен один из трех возможных уровней развития правосознания личности – законопослушание, правоприменение, законотворчество.

Мы считаем, что правосознание личности является многомерным и сложным явлением, а инструменты психологической диагностики правосознания часто направлены на выявление его разных компонентов. Поэтому мы ожидали, что шкалы опросника значимости прав и свобод, которые направлены на диагностику осведомленности субъекта о личных, экономических, политических, социальных и культурных правах и выявление степени значимости указанных прав, могут положительно и отрицательно коррелировать с общим показателем правосознания по опроснику Л. А. Ясюковой и с уровнем развития правового развития, измеренным с помощью инструмента О. А. Гулевич, так как опросник Л. А. Ясюковой и О. А. Гулевич не отражают объективной правовой аксиоматики и не соотносятся с действующей системой правового регулирования. Более того, принимая во внимание тот факт, что в основе этих инструментов лежат теоретические конструкции, по-разному (в обратном порядке) оценивающие уровни правосознания (субъективная мораль и объективное правовое регулирование общества), мы предполагали, что шкалы опросника значимости прав и свобод будут отрицательно коррелировать с первым и положительно – со вторым. Мы также ожидали корреляции между баллами шкал, направленных на диагностику значимости личных, экономических, политических, социальных и

культурных прав и свобод, измеряемых опросником значимости прав и свобод, с баллами по самосознанию в образе жизни, бизнесе и гражданской шкале опросника Л. А. Ясюковой.

Данные, полученные с помощью шкал опросника Л. А. Ясюковой, показали, что баллы респондентов по правосознанию ($M = 15,57$, $SD = 2,63$) относятся ко второму (среднему) уровню (Рисунок 4).

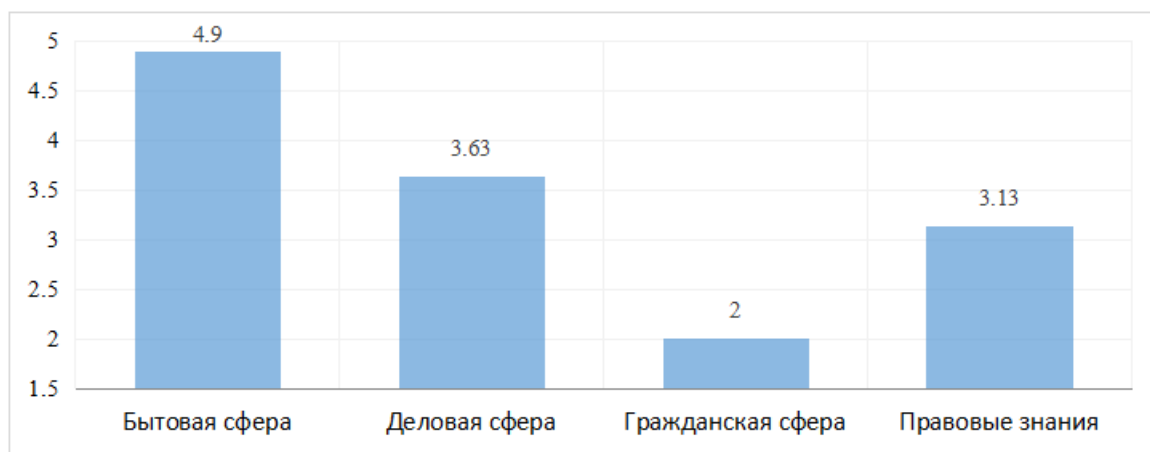

Рисунок 4 – Баллы студентов по отдельным областям правосознания (шкала Л. А. Ясюковой)

Из Рисунка 4 видно, что в основном, испытуемые имеют средний уровень правовой грамотности в сфере быта и бизнеса, низкий уровень развития правовой грамотности в гражданской сфере и низкий уровень правовых знаний участников исследования.

Результаты корреляционного анализа, представленные в Таблицах 10 и 11, указали на отрицательную корреляционную связь между баллами по интегральной шкале анкеты Л. А. Ясюковой и баллами значимости социальных прав и свобод, измеренными с помощью LCQ ($r = -0,236$, $p \leq 0,06$).

Таблица 10 – Результаты корреляционного анализа анкеты Л. А. Ясюковой и осознанности прав и свобод (LCQ)

Шкалы анкеты Ясюковой	Осознанность прав и свобод (LCQ)					
	Личные	Экономические	Политические	Культурные	Социальные	Общий балл
Правосознание	0.050	0.001	0.008	0.176	-0.115	0.028
Бытовая сфера	-0.044	0.040	-0.113	-0.052	-0.074	-0.057
Деловая сфера	0.045	0.158	0.145	0.147	0.026	0.118
Гражданская сфера	0.205	0.082	0.085	0.049	-0.100	0.058
Правовые знания	0.091	0.032	0.121	0.012	-0.101	0.024

Таблица 11 – Результаты корреляционного анализа анкеты Л. А. Ясюковой и значимости прав и свобод (LCQ)

Шкалы анкеты Ясюковой	Значимость прав и свобод (LCQ)					
	Личные	Экономические	Политические	Культурные	Социальные	Общий балл
Правосознание	-0.111	-0.078	0.132	0.161	-0.236*	-0.037
Бытовая сфера	0.013	0.102	0.148	0.154	-0.171	0.076
Деловая сфера	-0.045	-0.079	0.135	-0.081	-0.017	-0.017
Гражданская сфера	0.164	0.147	0.063	0.144	-0.060	0.135
Правовые знания	-0.210	-0.037	-0.015	0.092	-0.207	-0.118

Средние баллы по шкалам анкеты уровня правового развития О. А. Гулевич показывают, что участники продемонстрировали низкий уровень правового развития (Рисунок 5).

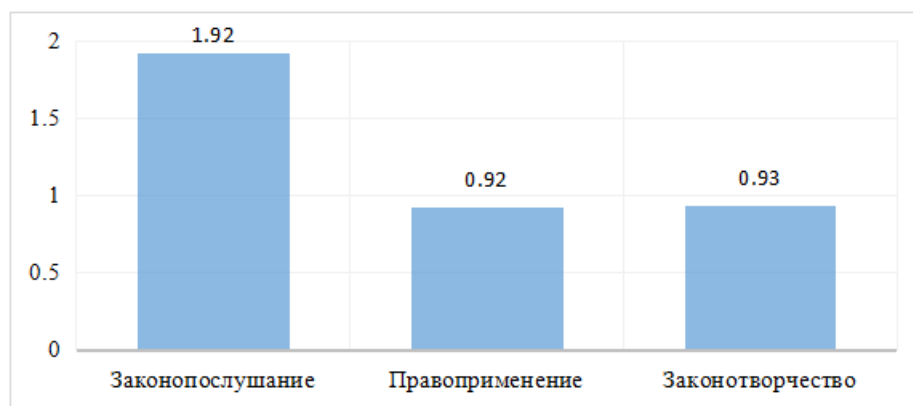

Рисунок 5 – Баллы студентов по анкете О. А. Гулевич LCQ ($r = -0,288$, $p \leq 0,026$).

Таблица 12 – Результаты корреляционного анализа шкал опросника О. А. Гулевич и осознанности прав и свобод (LCQ)

Шкалы опросника Гулевич	Осознанность прав и свобод (LCQ)					
	Личные	Экономические	Политические	Культурные	Социальные	Общий балл
Законопослушание	-0.138	-0.007	0.039	-0.082	0.012	-0.037
Правоприменение	0.071	0.046	0.074	0.049	-0.072	0.032
Законотворчество	0.081	-0.050	-0.215	0.010	0.071	-0.018

Таблица 13 – Результаты корреляционного анализа шкал опросника О. А. Гулевич и значимости прав и свобод (LCQ)

Шкалы опросника Гулевич	Значимость прав и свобод (LCQ)					
	Личные	Экономические	Политические	Культурные	Социальные	Общий балл
Законопослушание	-0.141	-0.083	-0.031	-0.288*	0.038	-0.152
Правоприменение	0.049	0.205	-0.109	0.152	-0.047	0.065
Законотворчество	0.047	-0.096	0.083	0.169	0.067	0.093

Таблица 14 – Результаты корреляционного анализа шкал опросника О. А. Гулевич и шкал анкеты Л. А. Ясюковой

Шкалы анкеты Ясюковой	Шкалы опросника Гулевича		
	Законопослушание	Правоприменение	Правоприменение
Правосознание	-0.089	0.026	0.048
Бытовая сфера	0.100	-0.025	-0.033
Деловая сфера	0.001	-0.076	-0.038
Гражданская сфера	-0.088	-0.028	0.000
Правовые знания	0.202	0.014	-0.294*

Таким образом, первый этап оценки конвергентной валидности разработанного нами опросника значимости прав и свобод показал, что некоторые его шкалы отрицательно коррелировали со шкалами двух других инструментов, также направленных на исследование правосознания: инструмента Л. А. Ясюковой и анкеты О. А. Гулевич.

Полученные результаты объясняются тем, что сознание человека представляет собой сложное системное образование, и, вероятно, методы, представленные в нашем исследовании, отражают его разные грани. Очевидно, что мы имели дело с двумя разными конструктами: один, отраженный в концепциях Л. А. Ясюковой и О. А. Гулевич, относился к пониманию закона или доступности юридических знаний, а другой касался осведомленности о юридических вопросах и субъективной оценки различных категорий прав человека. Оба они могут быть включены в структуру правового сознания личности. Тем не менее, связь между этими двумя компонентами сложная, возможно, нелинейная, и требует дальнейшего всестороннего исследования, прежде всего теоретического. Поэтому отсутствие статистически значимых корреляций между нашим и этими опросниками подтверждает дискриминантную валидность опросника «Значимость прав и свобод».

Анализ содержания опросников Л. А. Ясюковой и О. А. Гулевич показал, что в их основе лежат очень разные концепции правосознания, определяющие разные, даже обратные способы оценки уровней правового развития. Л. А. Ясюкова определяет правовое сознание как систему представлений, основанных на понимании роли закона и осмыслении правовых норм в регулировании отношений между членами общества, а также между индивидом и государством, влияющих на его личность, отношение к этим нормам. В ее концепции ориентация на моральные принципы рассматривается как низкий уровень развития правового сознания, именуемый правовым нигилизмом. Напротив, концепция О. А. Гулевич основана на моральной теории Л. Кольберга и Дж. Тэппа. Согласно этой концепции, наивысший уровень развития правового сознания характеризуется ориентацией на собственные моральные и этические нормы в ситуациях, когда правовое регулирование субъективно считается несправедливым. Этим объясняется отрицательная корреляция между правовыми знаниями (по опроснику Л. А. Ясюковой) и правосознанием (по опроснику О. А. Гулевич).

Вместе с тем следует отметить, что несмотря на обычное использование обоих этих инструментов во многих российских исследованиях и их содержательную валидность, они не прошли полную процедуру валидации. С другой стороны, отсутствие ожидаемых взаимосвязей между опросником значимости и двумя другими вопросниками, использованными в исследовании, также можно объяснить следующей причиной. Полученные результаты по опросникам Л. А. Ясюковой и О. А. Гулевич показали низкий уровень правовой грамотности участников исследования. Поэтому возможно, что такая категория респондентов может попросту не справиться с «когнитивной сложностью» опросника значимости прав и свобод, требующего определенного уровня развития общей правовой культуры и юридических знаний из-за их низкого уровня правовой грамотности.

Для оценки конвергентной валидности на втором этапе нами был произведен расчет коэффициентов ранговой корреляции Спирмена на выборке (N=100) между показателями опросника значимости прав и методики KVS-2 – «Диагностика личностных ценностей» Д. В. Каширского). Опросник «Диагностика личностных ценностей» Д. В. Каширского хорошо соотносится по своей теоретической модели с опросником значимости прав и свобод личности, в основе оценки утверждений опросника также лежит 7-балльная шкала Лайкерта, утверждения направлены на выявление у испытуемых значимости жизненных сфер (здоровье, самореализация, гражданская активность и др.). Содержание пунктов опросника значимости прав и свобод также отражает отношение испытуемого к разным жизненным сферам, урегулированным правом. В результате проведения корреляционного анализа, нами были получены значимые корреляции. В ходе проведенного исследования нам удалось установить, что содержание шкал опросника значимости прав и свобод (каждой из пяти существующих категорий прав и свобод) совпадает с содержанием пунктов опросника личностных ценностей Д. В. Каширского. Ниже представлены статистически значимые корреляции и корреляционные плеяды, отражающие

взаимосвязи между шкалами опросников и подтверждающие конструктивную валидность опросника значимости прав и свобод.

Шкала «Значимость личных прав». Установлено, что пункт опросника значимости прав и свобод «Для меня важно, что люди от рождения наделены равными правами и свободами, независимо от того, в какой семье и в каких условиях они родились» положительно коррелирует со значимостью следующих ценностей из опросника KVS-2: «Активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($r=0,360$; $p \leq 0,01$), «Полная самореализация» ($r=0,265$, $p \leq 0,01$), «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,298$, $p \leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,412$, $p \leq 0,01$).

Пункт «Для меня важно, что я могу выбирать свое место жительства самостоятельно, а также передвигаться без всяких ограничений, в том числе, свободно выезжать за пределы своей страны» связан с пунктами «Полная самореализация» ($r=0,323$, $p \leq 0,01$), «Свобода» ($r=0,402$, $p \leq 0,01$).

Пункт «Для меня важно, что никто не может вмешиваться в мою частную и семейную жизнь, нарушать тайну переписки, телефонных переговоров» связан с пунктами «Высокий социальный статус» ($r=-0,207$, $p \leq 0,037$), «Справедливость» ($r=0,370$, $p \leq 0,01$).

Пункт «Для меня важно, что я имею свободу мысли и слова, свободу совести и вероисповедания, что я могу не бояться выражать свое мнение и свободно искать интересующую меня информацию без всякой цензуры» связан с пунктами «Полная самореализация» ($r=0,431$, $p \leq 0,01$), «Интересная работа» ($r=0,278$, $p \leq 0,01$), «Свобода» ($r=0,376$, $p \leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,312$, $p \leq 0,01$).

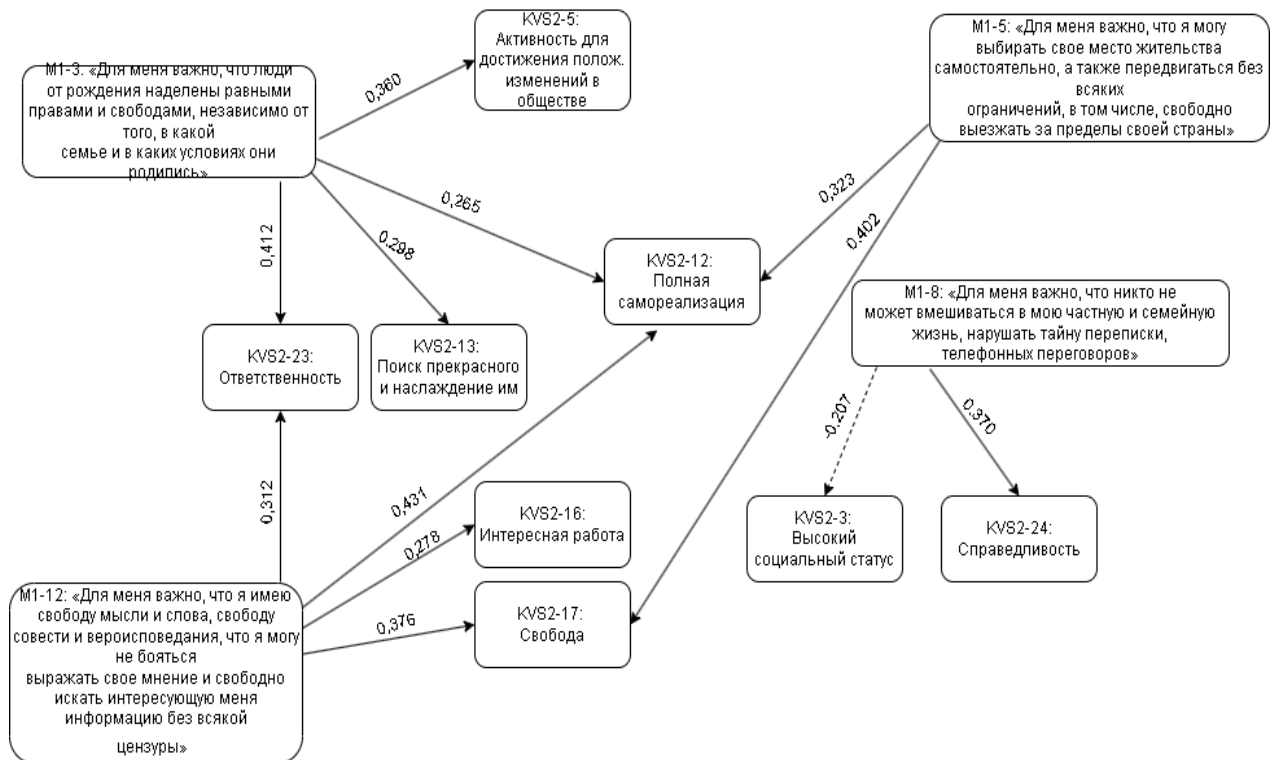

Рисунок 6 – Корреляционная плеяда связи личных прав и свобод с личностными ценностями.

Шкала «Значимость экономических прав». Пункт «Для меня важно, что я имею право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, свободно приобретать в собственность имущество, а также получать наследство и передавать в наследство то, что мной получено на законных основаниях» связан с пунктами «Семья» ($r=0,274$, $p \leq 0,01$), «Высокое материальное благосостояние» ($r=0,361$, $p \leq 0,01$), «Свобода» ($r=0,242$, $p \leq 0,015$)

Пункт «Для меня важно, что я могу свободно распоряжаться своей способностью к труду (самостоятельно выбирать род своей деятельности, вести предпринимательскую деятельность, либо вообще не работать)» связан с пунктами «Активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($r=0,260$, $p \leq 0,01$), «Познание нового в мире, природе, человеке» ($r=0,328$, $p \leq 0,01$), «Высокое материальное благосостояние» ($r=0,256$, $p \leq 0,01$), «Полная самореализация» ($r=0,359$, $p \leq 0,01$), «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,297$, $p \leq 0,01$), «Любовь» ($r=0,274$, $p \leq 0,01$), «Интересная работа» ($r=0,325$,

$p \leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,322$, $p \leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,285$, $p \leq 0,01$), «Справедливость» ($r=0,318$, $p \leq 0,01$).

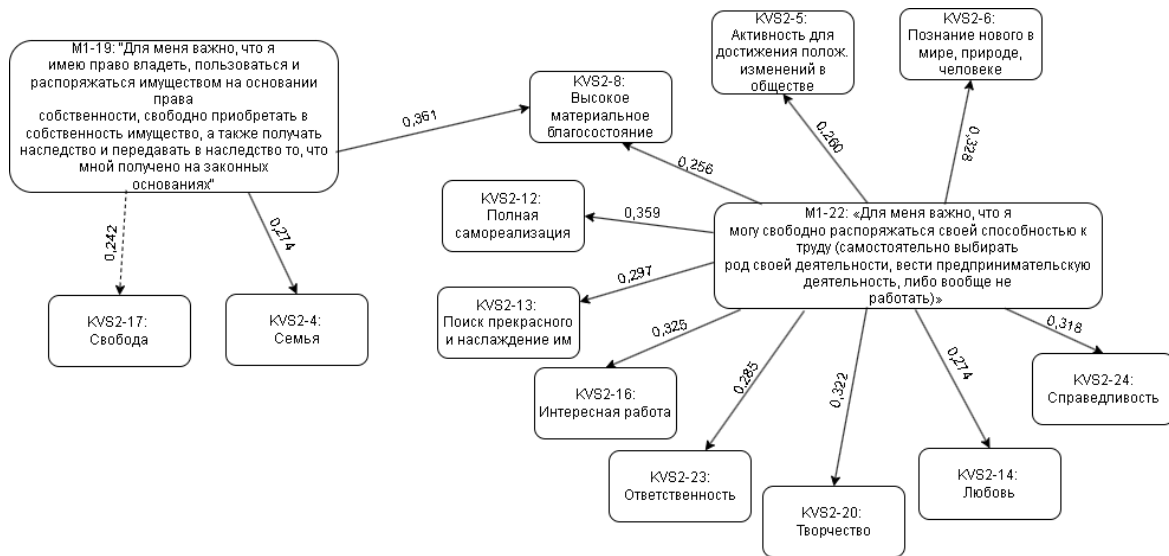

Рисунок 7 – Корреляционная плеяда связи экономических прав и свобод с личностными ценностями

Шкала «Значимость политических прав». Пункт «Для меня важно, что я могу избирать представителей в органы государственной власти и сам быть избранным во власть, что я могу влиять на принятие управленческих решений как непосредственно, так и через выборные органы» связан с пунктами «Активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($r=0,483$, $p \leq 0,01$), «Познание нового в мире, природе, человеке» ($r=0,465$, $p \leq 0,01$), «Полная самореализация» ($r=0,317$, $p \leq 0,01$), «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,307$, $p \leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,337$, $p \leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,317$, $p \leq 0,01$), «Справедливость» ($r=0,312$, $p \leq 0,01$), «Патриотизм и любовь к Родине» ($r=0,404$, $p \leq 0,01$), «Высокий социальный статус, управление людьми» ($r=0,198$, $p \leq 0,048$).

Пункт «Для меня важно, что никто не может обязать меня вступить в профсоюз, какую-либо ассоциацию или политическую партию» связан с пунктами «Активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($r=0,444$, $p \leq 0,01$), «Познание нового в мире, природе, человеке» ($r=0,460$, $p \leq 0,01$), «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,394$, $p \leq 0,01$), «Интересная работа»

($r=0,268$, $p\leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,372$, $p\leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,344$, $p\leq 0,01$), «Справедливость» ($r=0,342$, $p\leq 0,01$), «Патриотизм и любовь к Родине» ($r=0,411$, $p\leq 0,01$).

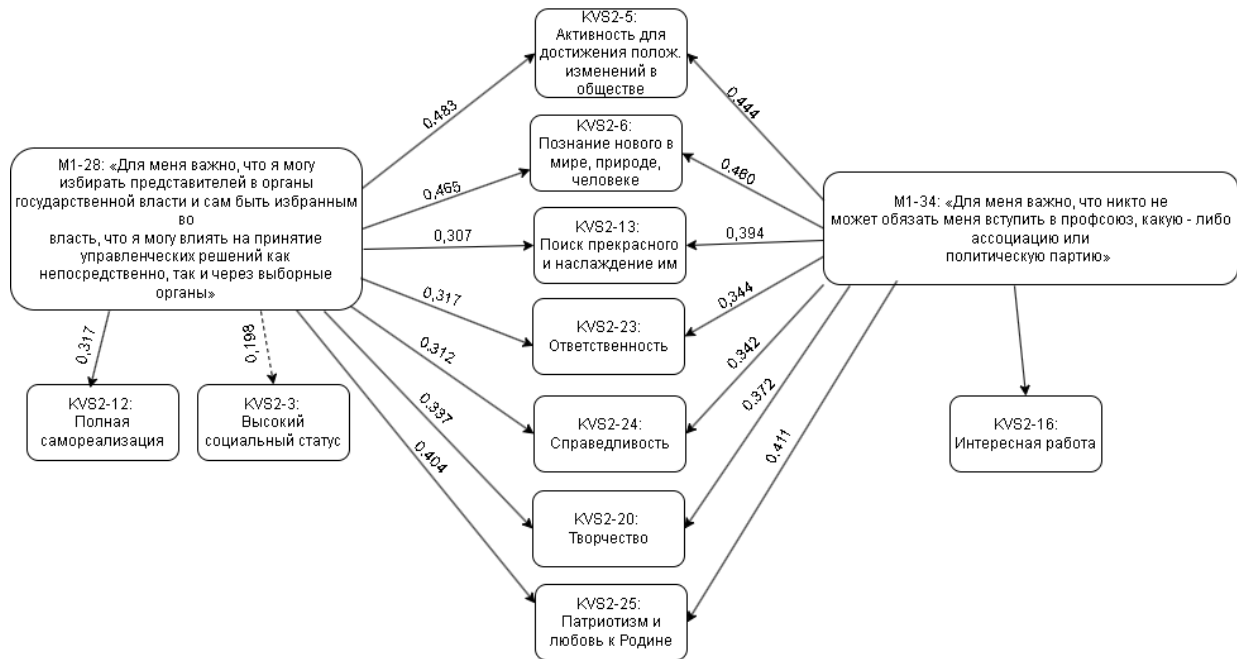

Рисунок 8 – Корреляционная плеяда связи экономических прав и свобод и личностных ценностей

Шкала «Значимость культурных прав». Пункт «Для меня важно, что я имею право на свободу творчества и преподавательской деятельности, могу выбирать направление творчества без всяких ограничений» связан с пунктами «Активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($r=0,426$, $p\leq 0,01$), «Познание нового в мире, природе, человеке» ($r=0,589$, $p\leq 0,01$), «Полная самореализация» ($r=0,404$, $p\leq 0,01$), «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,699$, $p\leq 0,01$), «Интересная работа» ($r=0,299$, $p\leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,625$, $p\leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,489$, $p\leq 0,01$), «Справедливость» ($r=0,398$, $p\leq 0,01$), «Патриотизм и любовь к Родине» ($r=0,608$, $p\leq 0,01$).

Пункт «Для меня важно, что я имею доступ к культурному наследию, могу соприкоснуться с мировой историей и культурой, а также историей и культурой своей страны, региона, города» связан с пунктами «Активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($r=0,397$, $p\leq 0,01$), «Познание нового в мире,

природе, человеку» ($r=0,591$, $p\leq 0,01$), «Полная самореализация» ($r=0,320$, $p\leq 0,01$), «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,659$, $p\leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,617$, $p\leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,385$, $p\leq 0,01$), «Справедливость» ($r=0,305$, $p\leq 0,01$), «Патриотизм и любовь к Родине» ($r=0,548$, $p\leq 0,01$).

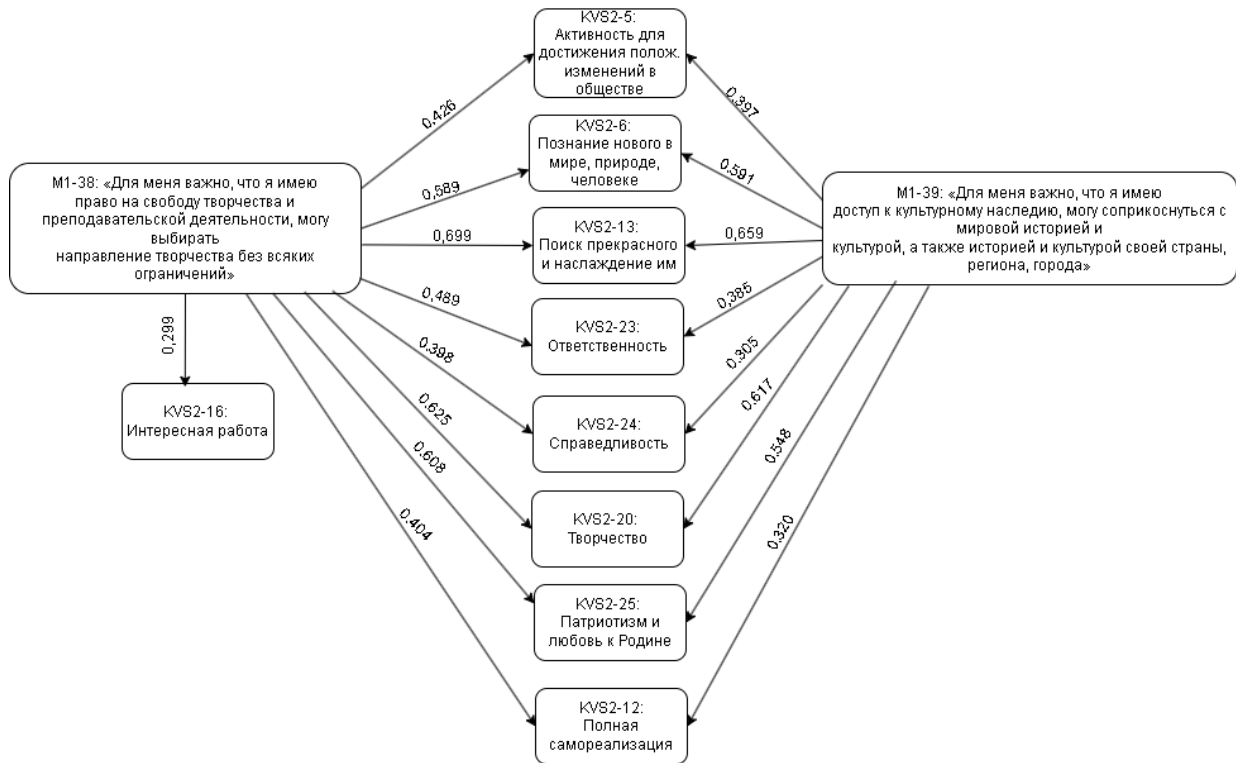

Рисунок 9 – Корреляционная плеяда связи культурных прав и свобод с личностными ценностями

Шкала «Значимость социальных прав». Пункт «Для меня очень важно, что я имею право на бесплатное образование и медицинское обслуживание» связан с пунктами «Здоровье» ($r=0,266$, $p\leq 0,01$), «Полная самореализация» ($r=0,330$, $p\leq 0,01$), «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,351$, $p\leq 0,01$), «Интересная работа» ($r=0,326$, $p\leq 0,01$), «Стабильность и порядок» ($r=0,282$, $p\leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,295$, $p\leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,323$, $p\leq 0,01$).

Пункт «Для меня очень важно, что я имею право на пенсионное обеспечение» связан с пунктами «Активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($r=0,308$, $p\leq 0,01$), «Познание нового в мире, природе, человеке» ($r=0,268$, $p\leq 0,01$), «Полная самореализация» ($r=0,371$, $p\leq 0,01$), «Поиск

прекрасного и наслаждение им» ($r=0,346$, $p\leq 0,01$), «Стабильность и порядок» ($r=0,343$, $p\leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,372$, $p\leq 0,01$).

Пункт «Для меня очень важно, что государство поддерживает материнство и дает право на декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком» связан с пунктами «Помощь другим людям и милосердие к ним» ($r=0,209$, $p\leq 0,036$), «Вера в Бога» ($r=0,261$, $p\leq 0,01$), «Интересная работа» ($r=0,258$, $p\leq 0,01$), «Ответственность» ($r=0,301$, $p\leq 0,01$), «Справедливость» ($r=0,259$, $p\leq 0,01$).

Пункт «Я считаю очень важным, что у меня есть право на бесплатную экстренную медицинскую помощь» связан с пунктами «Поиск прекрасного и наслаждение им» ($r=0,290$, $p\leq 0,01$), «Творчество» ($r=0,268$, $p\leq 0,01$).

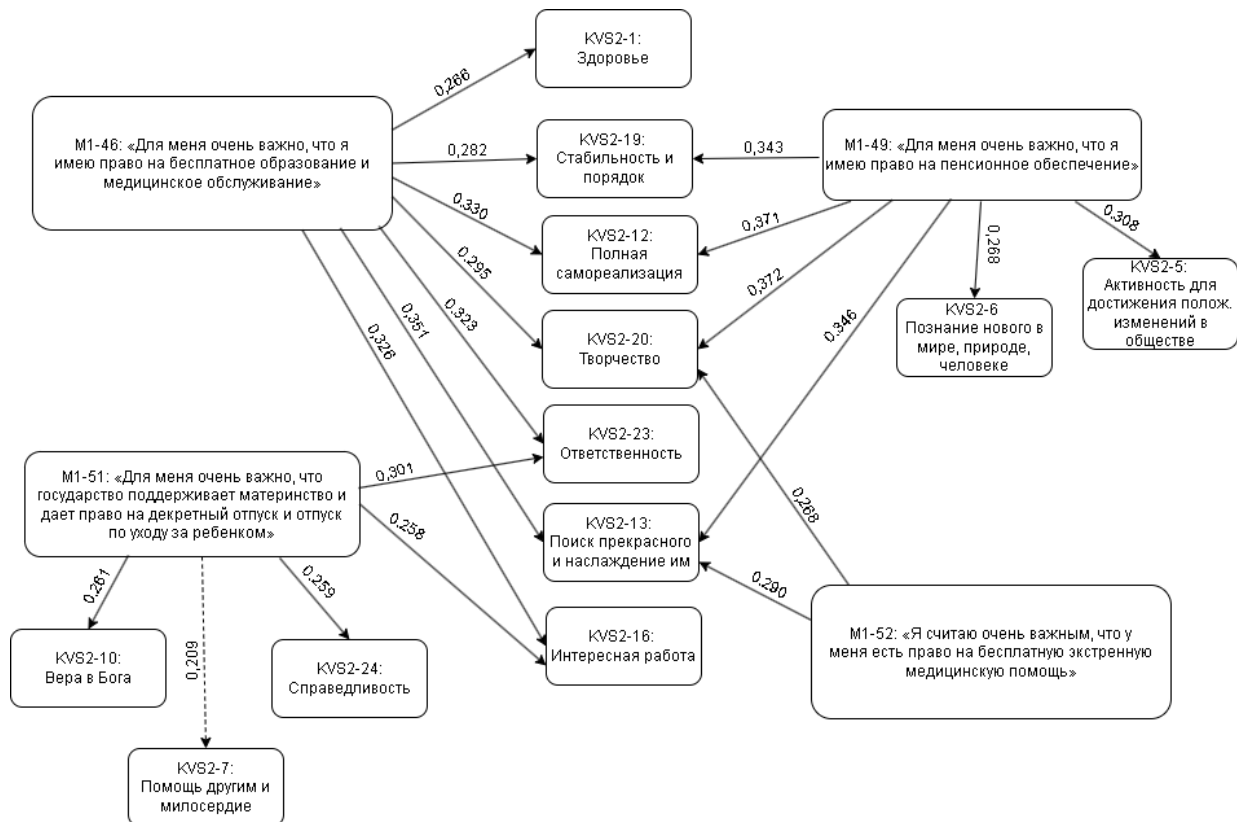

Рисунок 10 – Корреляционная плеяда связи социальных прав и свобод с личностными ценностями

Таким образом, мы получили данные, эмпирически подтверждающие конвергентную валидность опросника. Кроме того, качественный анализ полученных данных указывает на наличие связи компонента структуры правосознания «значимость прав и свобод» с личностными ценностями субъекта.

Это свидетельствует о том, что содержание основных норм и принципов права, существующих на современном этапе развития общества, не противоречит ценностям личности, кроме того, личностные ценности могут влиять на содержание и развитие правосознания личности.

Например, для респондентов с высоким показателем значимости экономических прав и свобод важна личная свобода и материальное благосостояние. Мы наблюдаем статистически значимые положительные коэффициенты корреляции между значимостью права владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, свободно приобретать в собственность имущество, а также получать наследство и передавать в наследство то, что получено на законных основаниях и личностной ценностью высокого материального достатка, умением зарабатывать деньги и тратить их на полезные для себя и близких вещи; важностью быть материально обеспеченным человеком, а также ценностью быть свободным и независимым человеком в своих чувствах, мыслях и поступках; важностью осуществлять в жизни свободные и личностно значимые выборы – основанные на собственных интересах и ценностях.

В исследовании установлены статические значимые положительные коэффициенты корреляции между категорией социальных прав и свобод и личностными ценностями здоровья, стабильности и порядка, ответственности и справедливости. Например, респонденты с высоким уровнем значимости права на бесплатное образование и медицинское обслуживание в качестве главной личностной ценности выделяют – хорошее здоровье и постоянную заботу о нем.

Значимость культурных прав соотносится с ценностью познания нового в мире и природе. Например, высокая значимость права на свободу творчества и преподавательской деятельности, а также возможность выбирать направление творчества без всяких ограничений связано с ценностью открывать новое и интересное, стремлением к познанию истины в мире, природе, человеке, исследовательской деятельностью.

Личные права положительно коррелируют с ценностями свободы, полной самореализации, справедливости, активностью для достижения позитивных изменений в обществе. Так, для респондентов, для которых главным в жизни является проявление прекрасного в мире и получение эстетического удовольствия от жизни, особенно значимым является право на свободу мысли и слова, совести и вероисповедания, возможность выражать свое мнение и иметь доступ к информации без всякой цензуры.

Политические права соотносятся с активностью для достижения позитивных изменений в обществе, ценностью высокого социального статуса и управления людьми. Например, высокая значимость права избирать представителей в органы государственной власти и самому быть избранным во власть, возможность влиять на принятие управленческих решений как непосредственно, так и через выборные органы имеет высокий коэффициент корреляции с ценностью и желанием завоевать такое положение в обществе, которое обеспечит высокий социальный статус и роль в обществе, а также позволит управлять другими людьми.

По мнению теоретика права С. С. Алексеева, правосознание, как субъективное свойство человека, представляет собой отношение конкретного субъекта права к самому феномену права и его ценностям, оно фиксирует реакцию на систему права и ее отдельные компоненты, конкретные правовые нормы, порой интуитивную и подсознательную [5].

3.3 Сравнительный анализ результатов исследования правосознания личности с помощью опросника и полуструктурированного интервью

В настоящем параграфе представлены результаты апробации опросника значимости прав и свобод на объединенной выборке респондентов (N=270), стратифицированной по критериям возраста, образовательного и профессионального статуса. Основными задачами выступили: установление уровней нормативов для интерпретации индивидуальных результатов, анализ

структуры правосознания современной молодежи и выявление соотношения между когнитивным и ценностным компонентами правосознания.

Методологическое обоснование подходов к интерпретации.

Опросник значимости прав и свобод как инструмент самоотчета базируется на принципах гуманистической психологии, признающей субъективную реальность и самооценку респондента валидным источником данных. В отличие от психоаналитического подхода, акцентирующего роль бессознательных процессов, методика исходит из способности личности к рефлексивному осмыслению своих ценностных ориентаций. Результаты интерпретируются через призму субъективной правды респондента как отражения его ценностно-смысловой позиции.

Система нормативных показателей. Для количественной интерпретации данных установлены три уровня выраженности для каждой шкалы:

Высокий уровень (6 – 7 баллов по шкале Лайкерта) – осознанное принятие и аксиологическая значимость;

Средний уровень (3 – 5 баллов) – ситуативное или частичное принятие;

Низкий уровень (1 – 2 балла) – непринятие или низкая значимость.

Качественная интерпретация данных предусматривает два взаимодополняющих подхода:

1. Анализ ответов на отдельные пункты для оценки конкретных аспектов правосознания.

2. Сравнительный анализ профиля значений различных шкал.

Результаты исследования осведомленности о правах и свободах.

Данные Таблицы 15 свидетельствуют о высоком уровне общей информированности респондентов о конституционных правах. Наивысшие показатели продемонстрированы в отношении:

- личных прав (91% – высокий уровень осведомленности);
- политических прав (84,1%);
- социальных прав (82,9%).

При этом выявлен существенный разрыв между узнаванием конкретных правовых положений и пониманием обобщающих правовых категорий. Так, только 64,02% респондентов корректно идентифицируют категорию «экономические права», в то время как 84,01% правильно определяют конкретные экономические права. Этот паттерн проявляется во всех категориях прав и свобод, подчеркивая формальный характер правовых знаний и недостаточную сформированность правовых концептов.

Иерархия значимости прав и свобод. Результаты демонстрируют выраженную прагматическую ориентацию правосознания:

- 1) экономические права – 59,7% респондентов присвоили высший приоритет;
- 2) социальные права – 58,8%;
- 3) личные права – 54,4%;
- 4) культурные права – 56,0%;
- 5) политические права – 27,12%.

Особого внимания заслуживает феномен «ценностного компромисса» — готовности к ограничению определенных прав в обмен на социальные гарантии. Например, 61% респондентов выразили готовность ограничить свои политические права при обеспечении достойного уровня жизни.

Практические импликации и перспективы применения. Полученные данные позволяют рекомендовать следующие направления использования опросника:

- 1) диагностическое – выявление индивидуального профиля правосознания;
- 2) исследовательское – анализ групповых особенностей правосознания.

Таблица 15 – Результаты исследования осведомленности о правах и свободах

Категория прав	Уровень осведомленности (%)	Уровень значимости (%)	Комментарии
Личные права	Высокий: 91.0 (M2)	—	Наибольшая осведомленность о конкретных правах (жизнь, свобода), но меньшее понимание обобщающей категории (75.13% для M1)
Политические права	Высокий: 84.1 (M16)	—	Высокое знание конкретных прав при более низком понимании категории (64.02% для M15)
Социальные права	Высокий: 82.9 (M29)	—	Стабильно высокие показатели осведомленности
Экономические права	Высокий: 79.8 (M9)	—	Наибольший разрыв между знанием категории (64.02%) и знанием конкретных прав (84.01%)
Культурные права	Высокий: 70.3 (M23)	—	Наименее узнаваемая категория прав
Экономические права	—	Высокая: 59.7 (M11)	Наивысший приоритет. Право собственности и свобода труда как база благополучия
		Средняя: 35.4	
		Низкая: 4.7	
Социальные права	—	Высокая: 58.8 (M34)	Высокая ценность гарантий от государства (медицина, образование, пенсии)
		Средняя: 33.6	
		Низкая: 7.48	
Личные права	—	Высокая: 54.4 (M7)	Высокая ценность приватности и свободы, но готовность к ограничениям
		Средняя: 39.6	
		Низкая: 5.8	
Культурные права	—	Высокая: 56.0 (M27)	Высокая значимость свободы творчества и доступа к наследию
		Средняя: 32.8	
		Низкая: 11.0	
Политические права	—	Высокая: 27.12 (M20)	Наименьшая значимость. Готовность к ограничению за социальные гарантии
		Средняя: 53.7	
		Низкая: 19.1	

Пояснения к таблице 15.

1. Выявлена иерархия значимости прав: экономические > социальные > личные / культурные > политические.

2. Обнаружен разрыв между знанием и ценностью: высокая осведомленность не всегда означает высокую значимость (например, культурные и политические права).

3. Преобладает прагматическая ориентация: права, напрямую влияющие на качество жизни (экономические, социальные), ценятся выше абстрактных политических прав.

4. Выражена готовность к компромиссу: большинство респондентов готовы ограничить некоторые права (особенно политические) в обмен на социальные гарантии и безопасность.

Таким образом, проведенное исследование с использованием опросника значимости прав и свобод позволило сформулировать следующие выводы.

1. Сформирована иерархия субъективной значимости конституционных прав. Выявлен устойчивый ценностный профиль правосознания, в котором права ранжируются в порядке убывания значимости:

экономические (59.7%) → социальные (58.8%) → культурные (56.0%)
→ личные (54.4%) → политические (27.12%).

Данная иерархия свидетельствует о выраженной прагматической и инструментальной ориентации правосознания респондентов, где права, напрямую обеспечивающие материальное благополучие и социальные гарантии, объективно признаются более важными, чем права, связанные с личной свободой и участием в управлении государством.

2. Установлен разрыв между знанием права и его личностной ценностью. Продемонстрировано, что высокий уровень формальной осведомленности о правах (в среднем 70 – 91% по разным категориям) не гарантирует их высокой субъективной значимости. Наиболее ярко этот диссонанс проявляется в сфере политических прав, которые, несмотря на хорошее знание (84.1%), занимают последнее место в личной иерархии ценностей. Это указывает на формальный, неинтериоризированный характер правовых знаний у части респондентов.

3. Обнаружен феномен «ценностного компромисса» – готовности к ограничению прав в обмен на социальные блага. Большинство респондентов (61%) продемонстрировали готовность ограничить свои политические права и свободы в случае обеспечения государством достойного уровня жизни. Это отражает патерналистские установки и приоритет ценностей материальной безопасности и стабильности над ценностями гражданской свободы и политического участия.

4. Экономические права признаны фундаментальной основой правового статуса личности. Право собственности и свобода труда (59.7% высокой значимости) были оценены респондентами как более значимые, чем право на жизнь и здоровье. Это подчеркивает ключевую роль экономической самостоятельности и имущественных отношений в системе правовых представлений современной молодежи.

5. Выявлена недостаточная сформированность обобщенных правовых категорий. Обнаружен существенный разрыв между узнаванием конкретных правовых положений (например, право на жизнь, право на медицинскую помощь) и пониманием обобщающих юридических конструкций («личные права», «экономические права»). Это свидетельствует о фрагментарном и казуально-ориентированном характере обыденного правосознания, что важно учитывать в правовом просвещении.

Таким образом, ядро правосознания изученной выборки характеризуется прагматизмом, инструментальным отношением к праву как гаранту материального благополучия и социальной защищенности, а также выраженной готовностью к ограничению публичных прав и свобод в пользу частных интересов и социальных гарантий. Полученные результаты эмпирически подтверждают теоретический тезис о том, что правосознание является не системой знаний, а системой ценностно-окрашенных отношений, формирующихся на стыке личного опыта, социальных условий и культурного контекста.

Проанализировав и сопоставив результаты исследования правосознания личности с помощью опросника значимости прав и свобод с данными, полученными с помощью полуструктурированного интервью (Глава 2), можно выявить как общие тенденции, так и важные нюансы специфики когнитивного и ценностно-смыслового компонента правосознания (иерархии значимости прав и свобод), выявленные разными методами.

Анализ когнитивного компонента правосознания, проведенный с помощью полуструктурированного интервью и опросника значимости прав и свобод, определяет как взаимодополняющие, так и дифференцирующие аспекты этого феномена.

В Таблице 16 представлены результаты анализа когнитивного компонента правосознания личности.

Таблица 16 – Результаты сравнительного анализа когнитивного компонента правосознания личности.

Аспект анализа	Метод полуструктурированного интервью (Качественный)	Опросник значимости прав и свобод (Количественный)	Сравнительный вывод
1. Сущность измерения	Глубинная, содержательная оценка типа правопонимания и качества знаний.	Поверхностная оценка уровня осведомленности о факте существования прав.	Интервью раскрывает качество и глубину понимания права (его природу, функции, связи). Опросник фиксирует факт знакомства с правовыми категориями, но не глубину их осмысления.
2. Оцениваемые параметры	Тип правопонимания (поверхностный, нормативный, развитый). Системность знаний (взаимосвязь отраслей, иерархия НПА). Гибкость и рефлексивность правового мышления.	Фактологическая осведомленность о существовании конкретных прав и свобод. Узнаваемость формулировок, закрепленных в законе.	Интервью диагностирует когнитивные процессы (мышление, понимание). Опросник диагностирует когнитивный результат (наличие / отсутствие знаний в памяти).

Продолжение Таблицы 16

3. Главное открытие	Разрыв между знанием и пониманием. Высокий уровень формальных знаний не гарантирует развитого правовопонимания. Преобладает нормативный тип (57%) – право как набор норм, а не ценностный феномен.	Разрыв между осведомленностью и значимостью. Высокая осведомленность (70-91%) не коррелирует с высокой субъективной значимостью этих прав (особенно для политических и культурных).	Оба метода выявили ключевой когнитивно-ценностный диссонанс. Интервью показало его качественную природу (знаю, но не понимаю сути), опросник – количественную (знаю, но не ценю).
4. Выявленные дефициты	Несформированность обобщенных правовых категорий. Респонденты знают конкретные права, но не оперируют категориями «личные», «политические» права. Фрагментарность и казуальность правовых представлений. Неспособность к рефлексии и критическому анализу права.	Формальный, неинтериоризированный характер знаний. Права известны на уровне заученных формулировок, но не стали частью личной ценностной системы. Низкая осведомленность именно о категориях прав (64% для экономических) при высокой осведомленности о конкретных правах (84%).	Оба метода подтверждают, что правовые знания носят формальный, отчужденный характер. Интервью углубляет этот вывод, показывая мыслительные механизмы этого отчуждения.
5. Сильные стороны метода	Позволяет проникнуть в глубинные структуры правового сознания, оценить логику рассуждений, выявить противоречия и зоны неопределенности.	Позволяет масштабировать выводы на большую выборку, количественно оценить распространенность тех или иных знаний.	Методы взаимодополняют друг друга: интервью дает глубину и понимание механизмов, опросник – широту и статистическую достоверность.
6. Интегративный вывод	Когнитивный компонент – это процессуальная, мыслительная деятельность по осмыслению права. Его ядро – тип правовопонимания.	Когнитивный компонент – это статичный запас знаний о правовых нормах. Его ядро – объем и точность этих знаний.	Полная диагностика когнитивного компонента невозможна одним методом. Недостаточно знать, что человек слышал о праве (опросник), важно понять, как он его осмысляет (интервью). Данные опросника показывают «верхушку айсберга» – формальную осведомленность. Данные интервью показывают «подводную часть» – качество и структуру правового мышления, которые и определяют, как эти знания будут использоваться.

Итак, сравнительный анализ демонстрирует, что когнитивный компонент правосознания является многоуровневым.

1. Поверхностный уровень (фактологический). Фиксируется опросником. Это знание о существовании конкретных прав и свобод. Данные третьей главы показывают, что этот уровень в достаточной степени развит формально.

2. Глубинный уровень (процессуально-смысловой). Раскрывается интервью. Это тип правопонимания, способность к системному и критическому мышлению о праве. Данные второй главы показывают, что на этом уровне наблюдается системный дефицит – нормативное, ригидное правопонимание, при котором право не осмысляется как живая, ценностно нагруженная система.

Таким образом, высокие показатели осведомленности по опроснику маскируют низкое качество правового мышления, выявленное в интервью. Человек может хорошо знать все права, но воспринимать их как внешний, навязанный набор догм, не связанный с его жизнью и ценностями. Это объясняет ключевой парадокс, выявленный в исследовании: почему высокая осведомленность не приводит ни к высокой значимости этих прав, ни к активной правовой позиции. Ответ кроется в несформированности глубинного, рефлексивного уровня когнитивного компонента, который и обеспечивает интериоризацию правовых знаний, превращая их в личностные убеждения.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что сопоставление результатов данных интервью и стандартизированной методики значимости прав и свобод эмпирически подтверждают гипотезу о системном и смысловом строении правосознания личности.

Сопоставление иерархий значимости прав и свобод.

По результатам полуструктурированного интервью (N=60) анализ качественных данных выявил следующую устойчивую иерархию субъективной значимости конституционных прав:

1. Личные права (85%) – наибольшая значимость (жизнь, безопасность, неприкосновенность).

2. Социальные права (70%) – высокий приоритет (медицина, образование).
3. Экономические права (50%) – средняя значимость (труд, собственность).
4. Политические права (25%) – низкая значимость (выборы, участие во власти).
5. Культурные права (20%) – наименьшая значимость (творчество, доступ к культуре).

По результатам опросника значимости прав и свобод (N=270) количественная оценка на расширенной выборке показала иную иерархию:

1. Экономические права (59.7%) – наивысший приоритет.
2. Социальные права (58.8%) – высокий приоритет.
3. Культурные права (56.0%) – средняя значимость.
4. Личные права (54.4%) – средняя значимость.
5. Политические права (27.12%) – наименьшая значимость.

Соотношение полученных результатов позволяет нам сделать следующие ключевые выводы.

1. Общая тенденция выражается в низкой степени значимости политических прав. Оба метода фиксируют, что политические права (участие в выборах, влияние на власть) имеют наименьшую субъективную значимость для респондентов. Это указывает на глубоко укорененную пассивную гражданскую позицию и ощущение декларативности этих прав в современном российском обществе.

2. Главное расхождение в результатах заключается в разной степени значимости экономических и личных прав.

- В интервью личные права (безопасность, жизнь и здоровье) возглавляют иерархию как базовая, неоспариваемая ценность.
- В опроснике значимости прав и свобод экономические права (собственность, предпринимательство) выходят на первое место.

Расхождения в данных объясняются спецификой используемых методов и теоретическими положениями о правах и свободах. В теории конституционного права собственность является одним из базовых категорий естественных прав, наряду с правом на жизнь и здоровье. Фактически, полученные результаты исследования подтверждают теоретические положения, сформулированные теоретиками права и юристами в XVIII веке.

Кроме того, полученные результаты объясняются разноплановостью исследовательских инструментов. Качественное интервью выявляет глубинные, декларируемые ценности и общие принципы («жизнь важнее всего»). Стандартизированный опросник, особенно с вопросами о готовности к компромиссу (например, отказаться от собственности за социальные гарантии), смещает фокус на прагматические, инструментальные ценности и повседневные жизненные стратегии. Опрошенные на практике демонстрируют готовность поступиться абстрактной свободой ради материальной стабильности.

При оценке и сравнении результатов стоит также иметь в виду контекст и формулировки. В интервью вопросы о правах носят общий характер, в опроснике – конкретный и ситуативный, что может провоцировать более прагматичные ответы.

Подтверждение феномена «ценностного компромисса». Данные опросника эмпирически подтвердили гипотезу, выдвинутую на основе интерпретации данных интервью. У респондентов действительно существует выраженная готовность ограничить одни права (особенно политические) в обмен на гарантии других (экономических и социальных). Это указывает на прагматическую и инструментальную ориентацию правосознания, где право ценится не как абстрактная ценность, а как инструмент обеспечения благополучия и безопасности.

3. Валидизация опросника данными интервью. Тот факт, что опросник зафиксировал именно прагматический крен в иерархии прав (экономические на первом месте), а не декларативный (личные на первом месте), говорит о его конструктивной валидности. Он измеряет не то, что люди считают правильным

говорить, а их реальные ценностные ориентации, проявляющиеся в ситуациях гипотетического выбора, что полностью согласуется с качественным анализом установок и поведенческих интенций, выявленных в интервью.

4. Методологическое дополнение. Сочетание методов показывает, что правосознание – многослойный феномен:

- интервью раскрывает глубинный, ценностно-смысловой слой (идеалы, декларируемые принципы);
- опросник диагностирует актуальный, прагматически-поведенческий слой (реальные предпочтения и готовность к действию в смоделированных ситуациях).

Таким образом, результаты, полученные разными методами, не противоречат, а дополняют и обогащают друг друга. Они рисуют картину прагматически ориентированного правосознания, обладающего следующими признаками:

- приоритет материального благополучия и социальных гарантий над абстрактными гражданскими свободами (данные опросника);
- глубокая потребность в личной безопасности как базовый ценностный фундамент (данные интервью);
- инструментальное отношение к праву как к механизму, который должен обеспечивать стабильность и благополучие, а не как к сакральной ценности;
- готовность к социальному договору, предполагающему ограничение политических прав в обмен на экономическую и социальную защищенность (данные обеих методик).

Таким образом, комплексное использование качественного и количественного методов позволило определить структуру правосознания, его внутреннюю динамику и противоречия между декларируемыми идеалами и реальными жизненными стратегиями.

3.4 Обсуждение результатов

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило теоретически выдвинутое во второй главе положение о ценностной природе правосознания личности. Установлено, что компоненты психологической структуры правосознания, в частности категория «значимость прав и свобод», отражают объективные общественные ценности, закрепленные в нормативно-правовых актах (Конституции РФ, Всеобщей декларации прав человека), которые соответствуют по содержанию с системой личностных ценностей индивида.

Полученные данные позволяют утверждать, что личностные ценности выполняют функцию психологического механизма опосредования правового сознания, выступая в качестве:

- селективного фильтра в процессе интериоризации правовых норм;
- мотивационного бустера юридически значимого поведения;
- ценностного основания для экстериоризации правовых представлений в процессе нормотворчества.

Настоящие выводы полностью согласуются с теоретической моделью, представленной во второй главе, где правосознание рассматривалось как система опосредованных ценностными ориентациями представлений о праве, выполняющая регулятивную функцию в правовом поведении личности.

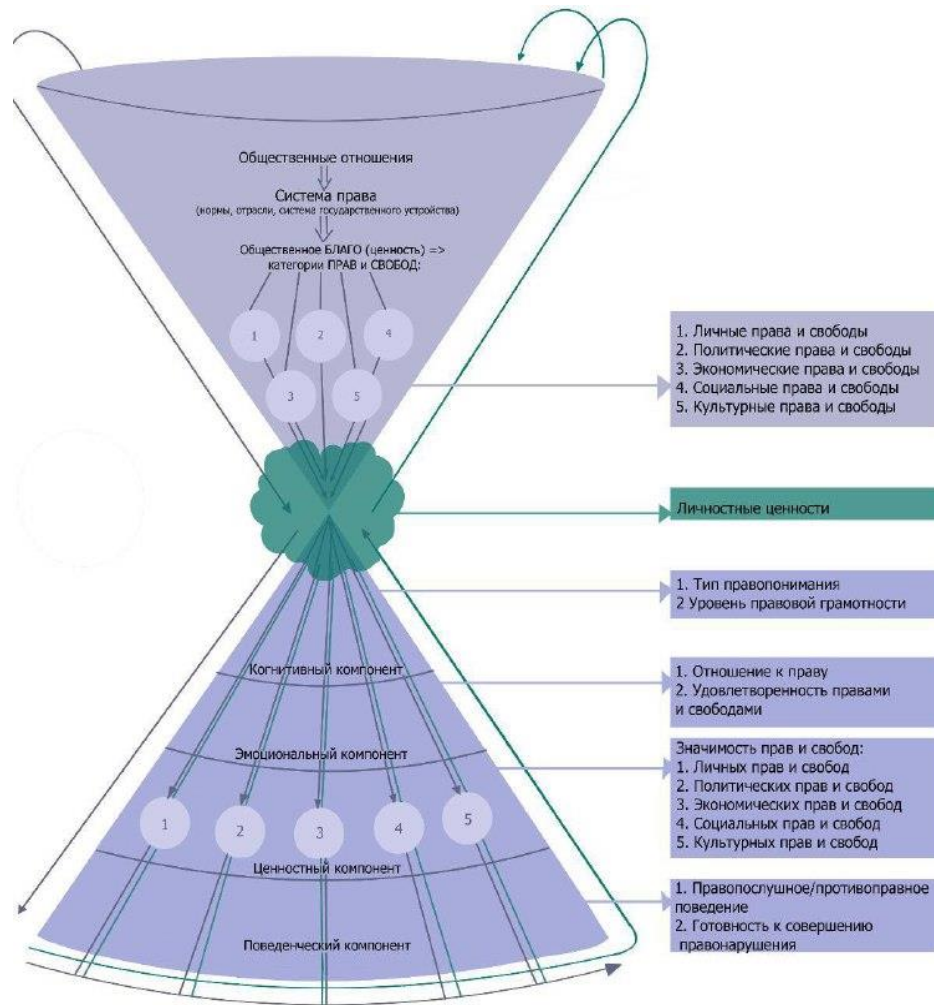

Рисунок 11 – Итоговая теоретическая модель структуры правосознания личности

Важным результатом исследования стала разработка и апробация опросника значимости прав и свобод, который продемонстрировал:

- *конструктивную валидность* (подтвержденную методами EFA и CFA);
- *конвергентную валидность* (установленную через корреляции с опросником личностных ценностей Д. В. Каширского);
- *высокую надежность* (α -Кронбаха в диапазоне 0,75 – 0,93).

Между тем, перспективные направления дальнейшей валидизации включают:

- 1) проверку дискриминантной валидности относительно социально-желательных ответов;

2) установление предиктивной валидности относительно реального правового поведения;

3) проверку инвариантности (эквивалентности) измерения. Данная проверка является одной из важнейших перспективных задач. Она позволит ответить на вопрос, одинаково ли работает опросник для разных групп респондентов (например, с разным уровнем правовой грамотности, обыденным и профессиональным правосознанием, для разных возрастных групп, и т.д.). Кроме того, в процессе проверки инвариантности нам предстоит проверить:

1. Конфигуральную инвариантность. Одинакова ли факторная структура (число факторов и состав пунктов) для разных групп (например, для мужчин и женщин, для студентов и работающих, для разных возрастных когорт).

2. Метрическую инвариантность. Одинаковы ли факторные нагрузки для этих групп. Это позволит утверждать, что конструкты измеряются с одинаковой точностью.

3. Скалярную инвариантность. Одинаковы ли пункты опросника по уровню сложности для разных групп. Это необходимо для обеспечения возможности сравнительного анализа средних баллов между группами.

4. Стандартизацию и создание нормативных данных и нескольких адаптированных версий опросной методики. Конечной целью является создание репрезентативных норм для различных социально-демографических и профессиональных групп (нормы для школьников, студентов неюридических специальностей, юристов, различных возрастных групп, профессиональных сообществ и т.д.). Это позволит использовать опросник не только как исследовательский инструмент, но и полноценный инструмент психодиагностики.

Предварительные результаты проверки инвариантности и перспективы адаптации методики.

Стоит отметить, что начатая проверка инвариантности измерения выявила важное направление для дальнейшего совершенствования опросника. Полученные предварительные данные свидетельствуют о необходимости дифференциации формулировочного аппарата для респондентов с различным

уровнем правовой грамотности при сохранении базовой шестифакторной структуры опросника.

В качестве перспективных задач выделяются:

1. Разработка адаптированной версии опросника с упрощенными формулировками для респондентов с низким уровнем правовой грамотности.
2. Создание системы критериев для отнесения респондентов к группам с различным уровнем правовой компетентности.
3. Апробация и валидизация адаптированной версии на репрезентативных выборках.
4. Разработка единой системы интерпретации результатов для различных версий методики.

Решение этих задач позволит обеспечить валидное применение опросника в разнородных популяциях и расширить сферу его практического использования.

В рамках данного исследования полная проверка инвариантности измерения не проводилась по следующим методологически обоснованным причинам:

1. Этапность процесса валидизации. Проверка инвариантности представляет собой продвинутый этап психометрического обоснования методики, который логически следует после установления базовых психометрических характеристик: конструктной и конвергентной валидности, а также надежности. Настоящее исследование было сфокусировано на решении первоочередной задачи – доказать, что опросник измеряет заявленные конструкты и обладает удовлетворительными психометрическими свойствами в контролируемых условиях (нормативный уровень правовой грамотности респондентов, соответствующий программе общего школьного образования).

2. Ограничения объема выборки. Для полноценной проверки инвариантности измерения, особенно скалярной инвариантности, требуются значительно большие объемы выборок для каждой выделяемой группы (по полу, возрасту, образовательному статусу), чем те, которые были доступны в рамках данного исследования. Проведение такого анализа на недостаточно

репрезентативных по объему выборках могло бы привести к необоснованным и методологически некорректным выводам.

3. Приоритетность исследовательских задач. Основной целью работы являлась разработка и первичная апробация опросника, а не проведение сравнительных межгрупповых исследований. В связи с этим проверка инвариантности была сознательно отнесена к перспективным задачам, которые будут решаться после накопления достаточного объема данных по различным социально-демографическим группам.

4. Методологическая чистота проверки. Решение начать валидизацию с гомогенной выборки курсантов было продиктовано необходимостью обеспечения методологической чистоты первичной проверки психометрических свойств. Введение дополнительной переменной в виде проверки инвариантности на данном этапе могло бы осложнить интерпретацию получаемых результатов и сделать менее четкими выводы о базовых психометрических характеристиках методики.

Таким образом, проведенная работа по проверке конструктивной и конвергентной валидности закладывает прочный фундамент для долгосрочной программы исследований, направленной на всестороннее обоснование валидности опросника и его широкое внедрение в исследовательскую и практическую деятельность юристов, психологов и педагогов. Отсутствие полной инвариантности измерения в рамках настоящего исследования представляет собой методологически обоснованное решение, соответствующее поэтапной стратегии валидизации и позволяющее в дальнейшем провести более качественную и обоснованную проверку инвариантности на репрезентативных выборках. На наш взгляд, данное ограничение не снижает ценности полученных результатов, а лишь определяет направления для дальнейших исследований.

Выводы по главе

Описанное в третьей главе исследование было направлено на разработку и эмпирическую апробацию опросника значимости прав и свобод личности, основанного на количественном (психометрическом) подходе к изучению правосознания. В результате выполненной работы были получены следующие основные выводы.

1. Теоретико-методологическое обоснование опросника построено на интеграции правового и психологического подходов. В основу методики положена система конституционных прав и свобод, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и Конституции РФ, что обеспечивает её содержательную валидность и соответствие объективной системе права. Выделены пять ключевых сфер правового регулирования (личные, экономические, политические, социальные и культурные права), которые легли в основу структуры опросника вместе со шкалой осведомленности о правах и свободах.

2. Разработан оригинальный опросник, состоящий из 34 пунктов, объединенных в шесть шкал: осведомленность о правах и свободах, значимость личных, экономических, политических, социальных и культурных прав. Методика использует 7-балльную шкалу Лайкерта, позволяющую точно оценивать степень выраженности изучаемых конструкторов.

3. Подтверждена конструктивная валидность опросника с помощью эксплораторного и конфирматорного факторного анализа. Шестифакторная структура методики соответствует теоретической модели и демонстрирует удовлетворительные показатели соответствия ($\chi^2/df = 1,646$; CFI = 0,90; RMSEA = 0,08). Это свидетельствует о том, что опросник адекватно отражает заявленные компоненты правосознания.

4. Установлена высокая надежность опросника: все шкалы демонстрируют хорошую внутреннюю согласованность, с коэффициентом α -Кронбаха в диапазоне от 0,75 до 0,93. Наиболее надежными оказались шкалы осведомленности ($\alpha = 0,92$) и значимости культурных прав ($\alpha = 0,93$).

5. Подтверждена конвергентная валидность через выявление значимых корреляций шкал опросника с методикой диагностики личностных ценностей Д. В. Каширского (KVS-2). Обнаружены содержательно обоснованные связи между значимостью различных категорий прав и базовыми личностными ценностями, что свидетельствует о ценностной опосредованности правосознания.

6. Подтверждена дискриминантная валидность: отсутствие значимых корреляций с опросниками правосознания Л. А. Ясюковой и О. А. Гулевич указывает на то, что разработанная методика измеряет специфический аспект правосознания – субъективную значимость прав, – не дублируя другие инструменты.

7. Апробация опросника на выборке (N=270) позволила выявить устойчивую иерархию значимости прав: экономические и социальные права занимают ведущие позиции, тогда как политические права оцениваются как наименее значимые. Обнаружен феномен «ценностного компромисса» – готовности ограничить отдельные права в обмен на социальные гарантии.

8. Выявлен разрыв между осведомленностью и значимостью прав: высокий уровень знаний о правах не всегда сопровождается их высокой субъективной ценностью, особенно в сфере политических и культурных прав. Это указывает на формальный характер усвоения правовых норм и недостаточную степень их интериоризации.

9. Определены перспективные направления дальнейшей работы: проверка инвариантности измерения, стандартизация методики, разработка адаптированных версий для респондентов с разным уровнем правовой грамотности, а также установление предиктивной валидности в отношении реального юридически значимого поведения.

10. Подтверждена комплексная структура правосознания и состоятельность комплексного методологического подхода. Эмпирически доказано, что правосознание является сложным, многокомпонентным психологическим образованием, включающим взаимосвязанные когнитивный и ценностно-смысловой компоненты. Эффективное его изучение требует

применения комплексной методической стратегии, сочетающей качественные (интервью) и количественные (опросник) методы, взаимно дополняющие и валидизирующие друг друга.

11. Опросник значимости прав и свобод является валидным и надежным инструментом, дополняющим данные интервью. Разработанный опросник продемонстрировал высокие психометрические характеристики (конструктная, конвергентная, дискриминантная валидность, надежность α -Кронбаха 0.75 – 0.93). Его применение позволило перевести качественные результаты, полученные в интервью (о ценностной иерархии прав, феномене «ценностного компромисса»), на язык стандартизированного количественного измерения и подтвердить их на репрезентативной выборке (N=270).

12. С помощью различных методов был выявлен и подтвержден ключевой феномен прагматической ориентации правосознания. Сравнительный анализ выявил общую тенденцию, зафиксированную как в интервью, так и в опроснике: права, обеспечивающие непосредственное материальное благополучие и социальные гарантии (экономические и социальные), субъективно оцениваются как более значимые, в отличие от прав, связанных с личной свободой и политическим участием. В процессе исследования нам удалось выделить разные акценты в иерархии, представив результаты исследования правосознания более объемно:

- *В интервью* на первом месте стояли личные права (безопасность, жизнь) как декларируемая базовая ценность.
- *В опроснике*, в ситуации гипотетического выбора, на первое место вышли экономические права (собственность, предпринимательство). Это расхождение не является противоречием, а раскрывает двухуровневую структуру ценностей: декларируемые (вербализуемые в интервью) и реально-прагматические (проявляющиеся в смоделированных ситуациях выбора в опроснике).

13. Установлен и детализирован системный когнитивно-ценностный диссонанс в правосознании. Оба метода единодушно зафиксировали, что высокий

уровень осведомленности о правах не гарантирует их высокой субъективной значимости и не приводит к формированию активной гражданской позиции. *Интервью* углубило понимание этого диссонанса, показав, что его причиной является нормативный тип правопонимания (57% респондентов), при котором право воспринимается как внешний набор формальных норм, а не как личностная ценность. *Опросник* количественно измерил этот разрыв, особенно ярко проявившийся в сфере политических прав, которые при высокой формальной осведомленности (84.1%) заняли последнее место в иерархии значимости (27.12%).

14. Эмпирически доказана гипотеза о «ценностном компромиссе». Данные опросника подтвердили качественные выводы из интервью о готовности респондентов к обмену одних прав на другие. Количественно установлено, что 61% респондентов готовы ограничить свои политические права в обмен на гарантии достойного уровня жизни и социальной защищенности. Это свидетельствует о доминировании патерналистских установок и инструментального отношения к праву как к механизму обеспечения благополучия, а не к сакральной ценности.

15. Определены перспективные направления для дальнейших исследований и практического применения. Комплексный анализ показал, что разработанный опросник не только является исследовательским инструментом, но и имеет значительный практический потенциал для: диагностики индивидуальных и групповых профилей правосознания; оценки эффективности программ правового просвещения (не только на уровне знаний, но и на уровне ценностного принятия прав); прогнозирования юридически значимого поведения, основанного на выявленной иерархии значимости прав и готовности к компромиссу.

Таким образом, проведенная работа подтвердила, что синтез качественной и количественной методологии является наиболее продуктивным способом изучения сложных психологических феноменов, одним из которых является правосознание личности. Опросник значимости прав и свобод личности

представляет собой валидный и надежный инструмент, позволяющий количественно оценивать как когнитивный, так и ценностно-смысловой компонент правосознания. Применение этого метода открывает новые возможности для изучения индивидуального профиля правосознания личности, правовой социализации, ценностных оснований правового поведения и разработки программ правового просвещения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся потребностью психологической науки в целостном и методологически выверенном понимании феномена правосознания личности. Существующие подходы, зачастую заимствованные из англосаксонской правовой традиции, не учитывают специфики романо-германской правовой семьи, к которой принадлежит Россия, что создает концептуальный разрыв между теорией и эмпирикой. Настоящая работа предлагает оригинальную общепсихологическую модель и диагностический инструментарий, релевантные отечественным культурно-историческим и правовым реалиям. Это позволяет не только устранить указанные теоретические расхождения, но и вывести изучение правосознания за рамки исследования девиаций (противоправного поведения), распространив его на правопослушных граждан, что является ключевым для развития правовой культуры и совершенствования законодательства.

В результате исследования была разработана и теоретически обоснована общепсихологическая модель структуры правосознания личности, включающая когнитивный, эмоциональный, ценностный и поведенческий компоненты. Данная модель позволила системно подойти к исследованию данного феномена с позиции общей психологии и психологии личности, а также послужила теоретической основой для разработки соответствующих диагностических методик. Нами была предложена единая методология исследования правосознания личности и разработан инструментарий в русле количественно-качественной парадигмы, что позволило решить проблемы, обозначенные во введении. Разработанный инструментарий имеет прикладное междисциплинарное значение и может использоваться правоведами, социологами и представителями других дисциплин, поскольку наши психологические представления о правосознании личности полностью согласуются с системой современного права, правовой аксиоматикой и теоретическими догмами правоведения.

Предложенная модель позволяет устранить пробелы и противоречия, связанные с исследованием правосознания представителями разных отраслей

психологии, глубоко исследовать его внутренние (содержательные, стержневые, ценностно-смысловые) особенности, соотнести их с другими компонентами его структуры. Так, изучение данного феномена возможно с учетом социокультурных особенностей как представителей англосаксонской, так и романо-германской правовой семьи, и посмотреть на правосознание шире и глубже, чем на систему аттитюдов. Важно подчеркнуть, что получивший распространение в отечественной психологии подход к правосознанию как к системе аттитюдов, пришедший из США, не учитывает специфику правовой системы России и не может являться образцом для разработки теоретической психологической модели в отечественной культурной традиции.

Разработанная модель и диагностический инструментарий позволяют рассмотреть феномен правосознания не только с позиции девиации, но и с позиции нормы (правопослушного поведения), что особенно значимо для развития правовой культуры и усовершенствования законотворческого процесса.

Целостная, научно обоснованная концепция психологической структуры правосознания личности является основой для разработки валидных и надежных методов его исследования. Такой подход позволяет разорвать существовавший «замкнутый круг» проблем: что исследовать при изучении правосознания личности и как это делать при отсутствии адекватных методов. Ответы на эти вопросы были даны в нашем исследовании.

Таким образом, разработанное целостное представление о правосознании личности и соответствующая методология исследования его структурных компонентов позволяют понять и изучить механизмы интериоризации и экстериоризации правовых ценностей, всесторонне исследовать правосознание как у лиц, совершающих правонарушения, так и у правопослушных граждан, существенно продвинуться в междисциплинарных исследованиях, оказать положительное влияние на развитие правовой культуры, усовершенствовать законотворческий процесс и правовое регулирование.

Нам удалось разработать и теоретически обосновать общепсихологическую модель правосознания личности и предложить диагностический инструментарий для оценки его структурных компонентов.

В работе представлены результаты анализа современных методологических и теоретических подходов к изучению правосознания личности в психологии, проведен анализ теоретических положений об онтологических и аксиологических основаниях права, соотнесены теоретические положения о праве с существующими в психологии концепциями правосознания личности, разработана и теоретически обоснована общепсихологическая модель структуры правосознания личности.

Представлены результаты анализа существующих психологических методов и методик исследования правосознания, в качестве метода исследования предложено полуструктурированное интервью, разработанное с учетом сущностных и содержательных характеристик современного права и предложенной теоретической модели. В русле методологии качественного исследования проведена разработка методики полуструктурированного интервью для изучения особенностей правосознания личности.

На основе результатов интервью произведена категоризация полученных данных, описаны качественные характеристики компонентов правосознания личности:

- а) выделены диагностические уровни для когнитивного и эмоционального компонентов;
- б) предложена дифференциация ценностно-смыслового и поведенческого компонентов;
- в) доработана теоретическая модель правосознания личности с учетом результатов интервью;
- г) разработана теоретическая модель опросника для количественной оценки выраженности структурных компонентов правосознания личности и оценки его психометрических свойств.

На основе реализации качественного и количественного подходов представлена итоговая (доработанная) модель психологической структуры правосознания личности.

Таким образом, достигнута цель работы, решены задачи исследования, подтверждены гипотезы о том, что правосознание личности имеет системное (внешнее) и смысловое (внутреннее) строение. Системное строение выражается в том, что правосознание развивается по культурной линии как единое целое, где компоненты структуры взаимосвязаны и взаимообусловлены. Смысловое строение складывается в результате интериоризации правовых норм и ценностей, их преобразования и «перехода» от «содержания общих значений» к системе «индивидуальных значений» и личностных смыслов. Психологическая структура правосознания личности включает когнитивный, эмоциональный, ценностно-смысловой и поведенческий компоненты.

Психологическое содержание компонентов правосознания отражает сущностные характеристики и аксиологические основания права как регулятора общественных отношений, объективно существующую систему права на современном этапе развития российского общества и влияет на выбор юридически значимого поведения. Психологическое содержание ценностно-смыслового компонента совпадает по своему содержанию с личностными ценностями субъекта.

Психологическая диагностика правосознания носит целостный характер при совместном использовании качественного и количественного подходов, релевантных природе изучаемого феномена. Метод полуструктурированного интервью позволяет расширить и углубить представления о качественных характеристиках правосознания, выявить, провести категоризацию и описать ранее неисследованные компоненты его структуры, приблизиться к исследованию смыслового содержания правосознания личности. Личностный опросник позволяет оценить выраженность когнитивного и ценностно-смыслового компонентов: осведомленности об основных правах и свободах и их значимости, что формирует общее представление о том, что субъект знает о действующем

праве и насколько разделяет его положения, нормы, принципы и охраняемые правом общественные ценности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные **выводы**.

1. Правосознание личности является «искусственным» культурным психологическим образованием, представляющим собой внутренне преобразованную и принятую субъектом форму проявления общественных отношений, урегулированных правом.

Сложность исследования правосознания объясняется постоянным развитием его содержания и форм, отражающих изменения личности и общественных отношений. Междисциплинарный подход к анализу феномена правосознания обуславливает его аксиологическую основу, именно ценностно-смысловой компонент правосознания является определяющим в природе этого явления и позволяет рассматривать категорию правосознания не только как юридический феномен, но и как категорию философии, культуры, социологии, психологии, имеющую непосредственное отношение к духовной жизни общества и личности.

Будучи присвоенной субъектом, аксиологическая система права становится элементом его самосознания, что позволяет ввести в область психологического анализа категорию правосознания личности и провести его структурно-функциональный анализ в контексте различных психологических теорий и концепций.

Чтобы устранить разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями изучения правосознания, нами было произведено теоретическое осмысление феномена с позиции культурно-исторического и деятельностного подходов в психологии, которые согласуются с «психологической теорией права» Л. И. Петражицкого и концепциями, принятыми в социальной философии и либертарно-юридической теории права и государства. Мы установили, что правосознание, подчиняясь в своем развитии закону перехода к опосредованным, социальным и культурным формам поведения, в конечном итоге представлено у

развитой личности системой сформированных взглядов о справедливости, равенстве и возможных проявлениях свободы в процессе социального взаимодействия и юридически значимых действий в рамках правового поля.

Процесс становления системы правосознания личности был рассмотрен через призму принципа единства аффекта и интеллекта Л. С. Выготского. В ходе полуструктурированного интервью было замечено, что в правосознании постепенно складывается и изменяется отношение между знаниями о праве и правовых нормах («интеллектом» или когнитивным компонентом) и эмоциональной оценкой этих знаний («аффектом» или эмоциональным компонентом). При осуществлении субъектом выбора способа действия в юридически значимых ситуациях все в большей мере проявляется волевой компонент, выражающийся в осознанности принятого решения.

Исследование показало, что право, имеющее объективно выраженное в значениях содержание, субъективируется в правосознании личности. Правовые нормы толкуются и воспринимаются пристрастно, субъективно оцениваются как справедливые или несправедливые, имеют определенную степень значимости для субъекта правоотношений. С точки зрения теории А. Н. Леонтьева, правосознание было представлено у испытуемых на всех уровнях сознания (в значениях, личностных смыслах и чувственной ткани).

Несмотря на множество методик, направленных на диагностику разных компонентов структуры правосознания, до настоящего времени отсутствовали универсальные валидные и надежные методы, позволяющие оценить уровень осведомленности субъекта о базовых правах и свободах и выявить степень значимости исходных правовых ценностей, которые представляют собой сущностную характеристику правосознания личности и выступают в качестве ориентиров для поведения в юридически значимой ситуации.

Мы убедились, что психологическая диагностика правосознания личности может иметь целостный характер при совместном использовании методологий качественного и количественного подходов в исследовательской практике, релевантных природе изучаемого аспекта личности.

Методология культурно-исторического и деятельностного подходов в психологии позволила разработать теоретическую общепсихологическую модель структуры правосознания личности и инструменты для комплексной психологической диагностики его компонентов.

В нашем понимании правосознание личности характеризуется системным (внешним) и смысловым (внутренним) строением. *Системное* строение представлено когнитивным, эмоциональным и поведенческим компонентами, выступающими в неразрывном единстве. *Когнитивный* компонент проявляется в типе правопонимания и уровне правовой грамотности. *Эмоциональный* компонент отражает общее отношение субъекта к праву, системе права, основам государственного устройства, основным категориям прав и свобод. *Поведенческий* компонент выражается во внутренней готовности к юридически значимому поведению и его реализации. *Смысловое* строение представлено иерархической структурой смыслов и ценностей (ценностно-смысловой компонент) и может быть выражено через категорию *значимости прав и свобод* для конкретной личности.

Процесс развития правосознания личности заключается в перестройке его системной структуры, обусловленной изменением смыслового строения, которое достигается за счет развития обобщений в процессе общения, предметной деятельности и/или рефлексии. В ходе проведения полуструктурированного интервью респонденты демонстрировали изменение когнитивного и эмоционального компонентов правосознания и более осмысленно подходили к выбору юридически значимого поведения. После проведения интервью большинство респондентов отмечали положительные изменения в отношении к праву и правовой системе, повышение интереса к юридической сфере.

Мы убедились, что психологическая диагностика правосознания личности должна строиться с учетом сущностных характеристик права, отражать его аксиологическую природу, соотноситься с объективно существующей системой правового регулирования. Целостный подход должен сочетать методологию качественного и количественного подходов и быть направленным на оценку всех

компонентов правосознания. Качественный подход может быть осуществлен с помощью полуструктурированного интервью, а количественный – на основе опросника «Значимости прав и свобод».

Качественная методология позволяет рассмотреть новые феномены в области индивидуального правосознания, расширить научные представления о его психологической структуре и динамике. На основе интервью установлено, что:

а) изменение когнитивного компонента вызывает динамику эмоционального, ценностного и поведенческого компонентов;

б) качественное изменение ценностно-смыслового содержания приводит к динамике когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов;

в) динамика взаимосвязей компонентов приводит к изменениям в содержании поведенческого компонента, определяя выбор юридически значимого поведения.

Количественный подход реализован на основе опросника «Значимости прав и свобод», направленного на оценку когнитивного (уровень осведомленности) и ценностно-смыслового (значимость категорий прав и свобод) компонентов. Структуру опросника определила правовая аксиоматика, отражающая категории прав и свобод, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и Конституции Российской Федерации: *личных, политических, социальных, экономических, культурных*. Результаты опросника отражают ценностно-смысловой компонент правосознания – *значимость* для субъекта основных категорий прав и свобод.

В результате была разработана психометрическая методика диагностики правосознания личности, позволяющая определить уровень осведомленности субъекта о конституционных правах и свободах и их значимость. Выделены пять базовых категорий прав и свобод граждан, представляющих объективную форму правосознания личности и составляющих теоретическое обоснование структуры опросника. Эмпирическая валидизация подтвердила факторную структуру опросника, состоящего из 34 пунктов. Конфирматорный факторный анализ, в

целом, подтвердил конструктивную валидность теста. Конвергентная валидность обусловлена значимыми корреляциями с жизненными сферами личностного опросника Д. В. Каширского, а дискриминантная валидность – отсутствием статистически значимых взаимосвязей шкал с методиками Л. А. Ясюковой и О. А. Гулевич. Шкалы опросника показали высокую внутреннюю консистентность.

Таким образом, разработанный опросник «Значимости прав и свобод» показал высокую конструктивную, конвергентную и дискриминантную валидность, а также надежность диагностических шкал. Он может быть использован в исследовательской практике для количественной оценки выраженности показателей правосознания личности с нормативным и высоким уровнем правовой грамотности. Установлено, что значимость различных категорий прав и свобод связана с личностными ценностями субъекта.

Итак, в данной предметной области был предложен авторский общепсихологический подход к пониманию правосознания личности, выделен предмет исследования, представлены качественный и количественный подходы к диагностике правосознания личности и его структурных компонентов.

Проведенное исследование не позволило установить устойчивые позитивные закономерности механизма трансформации правосознания личности посредством развития когнитивного компонента. Мы выяснили, что высокий уровень правовой грамотности не всегда положительно влияет на юридически значимое поведение. Напротив, известно, что высокий уровень правовой грамотности иногда может являться основанием для злоупотребления правом. Следовательно, наибольшее значение для выбора юридически значимого поведения, вероятно, имеет именно ценностно-смысловой компонент. Между тем, в ходе исследования мы также отметили изменение ценностно-смыслового компонента правосознания через развитие когнитивного компонента. В связи с этим процесс развития правосознания личности и непосредственная перестройка его системной структуры, которая обусловлена изменением его смыслового строения, требует более детального изучения и является наиболее сложной и

трудоемкой. Мы смогли увидеть, как через развитие обобщений в процессе общения, предметной деятельности и рефлексии меняется правосознание респондентов. Возможно, в будущем нам удастся понять, как управлять этим процессом через обучение.

Кроме того, нам пока не удалось представить данные о валидации стандартизированных методик, позволяющих проводить диагностику других выявленных в ходе исследования компонентов правосознания личности, поскольку требования к объему диссертационного исследования имеют ограничения. По этим же причинам нам не удалось провести исследование и сравнительный анализ данных на разных выборках.

В перспективе мы планируем апробацию опросника и интервью на разных выборках с целью выявления особенностей правосознания разных возрастных групп и профессий, дифференциации значимости различных категорий прав и свобод. Пилотажные исследования на разных выборках предпринимателей, работников бюджетной сферы, военнослужащих и представителей других профессиональных групп уже сегодня дают нам основания полагать, что для предпринимателей и самозанятых экономические права и свободы имеют более высокую степень значимости, чем социальные права и свободы, в свою очередь, для работников бюджетной сферы наиболее важной категорией прав и свобод могут являться социальные права. Для военнослужащих значимость личных прав будет ниже, по сравнению с предпринимателями или преподавателями высших и средних профессиональных учебных заведений.

Проведение такого рода сравнительного анализа позволит более точно проводить профессиональный отбор на государственную и муниципальную службу, прогнозировать риски противоправного поведения, проводить эффективную работу по повышению уровня правовой грамотности населения, усовершенствовать законотворческий процесс и сделать правоприменительную практику более эффективной.

Кроме того, нами запланировано исследование, позволяющее провести сравнительный анализ значимости прав и свобод жителей разных регионов

страны, с учетом социальных и культурных особенностей, национальной и религиозной принадлежности, уровня экономического развития. Мы предполагаем, что в дотационных регионах (Алтайский край, республика Чечня, республика Крым) уровень значимости социальных прав и свобод будет выше, чем в финансово более состоятельных регионах (г. Москва, г. Санкт-Петербург, нефтегазодобывающие регионы). Существенные особенности правосознания имеют жители северокавказских регионов (республики Чечня, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачево-Черкессия, Северная Осетия и др.), в которых влияние ислама, в том числе норм шариата (исламского права) отражаются на формировании ценностного и эмоционального компонентов правосознания.

Интересным представляется исследование специфики правосознания жителей новых регионов (Донецкая народная республика, Луганская народная республика, Херсонская область, Запорожская область) в свете переходного периода от норм правовой системы Республики Украина к нормам российского права, адаптация ценностного компонента правосознания с учетом действия правовых обычаев и сложившихся устоев, отношение к нормам действующего российского права, представителям власти, эффективность правоприменительной практики.

Мы планируем продолжать работу над созданием стандартизированных методик диагностики правосознания личности, позволяющих отдельно диагностировать каждый выявленный компонент общепсихологической модели правосознания личности (когнитивный, эмоциональный, ценностный, поведенческий). Уже получены первые результаты работы над опросником «Удовлетворенность правами и свободами», которые отражены в публикациях автора, проведены пилотажные исследования по опробации версии опросника «Значимость прав и свобод» с формулировками, предназначенными для респондентов с низким уровнем правовой грамотности.

Результаты проведенного исследования ставят перед нами новые исследовательские вопросы и задачи. Особенно интересной видится перспектива

продолжения исследования правосознания личности через общение, предметную деятельность и рефлексию с помощью качественных методов диагностики, интервью, наблюдения, эксперимента и проективных ситуаций. Мы надеемся, что результаты исследования позволят в будущем глубже проникнуть в феноменологию правосознания, усовершенствовать образовательный процесс, повысить общий уровень правовой грамотности и культуры граждан, вести просветительскую работу в части развития правосознания, а также сделать законотворчество и правоприменение наиболее эффективными как на федеральном уровне, так и на территории субъектов нашей страны.

Мы также планируем вести исследовательскую деятельность в разрезе кросс-культурных исследований. На сегодняшний день мы сотрудничаем с университетами Юго-Восточной Азии и стран СНГ в части апробации методики значимости прав и свобод на зарубежных выборках и применения полуструктурированного интервью. Нами осуществляется перевод опросника на английский, немецкий языки в целях валидации опросника на иностранных выборках.

Мы надеемся, что общепсихологическая модель правосознания личности и диагностический инструментарий, разработанный для исследования ее компонентов и представленный в данной диссертации, будет полезен не только для представителей российской психологической науки, но и для наших иностранных коллег, поскольку в основу нашей концепции легли правовые универсалии, актуальные для разных правовых систем и отражающие ценности современной цивилизации развитых стран мира.

Поскольку проблема правосознания носит междисциплинарный характер, мы полагаем, что результаты нашего исследования представляют актуальность не только для психологической науки, но и для теории права, конституционного права, международного публичного права, философии права и правосознания, а также социологии, культурологии, политологии и антропологии.

Проведенная работа является первым серьезным шагом в глубоком исследовании феномена правосознания личности и позволяет наметить пути решения новых научных вопросов, возникших по итогам данного анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агишев, М. Р. Правовая культура в системе общественных ценностей / М. Р. Агишев // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. ст. по итогам XIX Междунар. науч.-практ. студенч. конф., Нижний Новгород, 25 мая 2023 г. – М.: Русайнс, 2023. – С. 131–134.
2. Азархин, А. В. Цели и средства в правореализационном процессе / А. В. Азархин // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 6–13.
3. Айменов, А. Ж., Шахматова, Н. В. Правосознание как социологическая конструкция / А. Ж. Айменов, Н. В. Шахматова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2019. – Т. 19, вып. 4. – С. 385–388.
4. Акопов, Г. В., Белкин, А. И., Ярушкин, Н. Н. Категория правосознания в системе категориальных пространств сознания / Г. В. Акопов, А. И. Белкин, Н. Н. Ярушкин // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сб. материалов Второй Междунар. науч.-практ. конф., 8 – 10 окт. 2020 г. / под науч. ред. В. В. Коврова. – Симферополь: АРИАЛ, 2020. – С. 4–9.
5. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т / С. С. Алексеев. — М.: Юридическая литература, 1982. – Т. II. – 360 с.
6. Аллахвердов, В. М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология, т. 1) / В. М. Аллахвердов. – СПб.: ДНК, 2000. – 528 с.
7. Аминов, Ф. Человеческая деятельность: теория интериоризации, идущая от Гегеля и Маркса / Ф. Аминов // InterConf. – 2022. – № 19(99). – С. 320–333.
8. Аналитическая философия: учеб. пособие / под ред. М. В. Лебедева, А. З. Черняка. – М.: РУДН, 2006. – 740 с.
9. Ананьев, Б. Г. Психологическая структура человека как субъекта / Б. Г. Ананьев // Человек и общество. – Л.: ЛГУ, 1969. – Вып. 2. – 253 с.

10. Анастаси, А., Урбина, С. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина; [пер. с англ.]. – СПб.: Питер, 2001. – 689 с.
11. Арзамасов, Ю. Г. Соотношение нормографии, легиспруденции и юридической лингвистики / Ю. Г. Арзамасов // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 49 – 56.
12. Асадуллина, Г. Р., Ивентьев, С. И., Шкуран, О. В. Влияние духовно-нравственных процессов на правосознание, правотворчество и правоприменение / Г. Р. Асадуллина, С. И. Ивентьев, О. В. Шкуран // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Иркутск, 15 марта 2021 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск: ИГУ, 2021. – С. 9 –16. – EDN LLPEZT.
13. Базулина, А. А. Комплексная проблема формирования правосознания личности / А. А. Базулина // Эпомен. – 2020. – № 40. – С. 180 – 188. – EDN IUOIQE.
14. Байниязов, Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Р. С. Байниязов. – Саратов, 1999. – 22 с.
15. Баранов, П. П., Овчинников, А. И. Актуальные проблемы теории правосознания и правового мышления: учеб. Пособие / П. П. Баранов, А. И. Овчинников. – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2006. – 184 с.
16. Баранова, Н. С., Воронкин, А. П., Шматков, Р. Н. Правовой риск и правосознание / Н. С. Баранова, А. П. Воронкин, Р. Н. Шматков // Инженерные и информационные технологии, экономика и менеджмент в промышленности: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Волгоград, 20 – 21 нояб. 2020 г. – Волгоград: КОНВЕРТ, 2020. – С. 173 – 174. – EDN GMCESF.
17. Безносков, Д. С. Отношение к праву как проявление правового сознания курсантов вузов МВД РФ: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Д. С. Безносков. – СПб., 2004. – 234 с.

18. Безносков, Д. С. Правовое сознание: структура, содержание, виды / Д. С. Безносков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2008. – № 2. – С. 59–70.
19. Беккер, Т. А. Субъективно-объективные начала внутреннего убеждения судьи как критерий достижения объективной истины / Т. А. Беккер // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 12 – 4. – С. 21–45.
20. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 342 с.
21. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-Press, 1952. – 267 с.
22. Бессонова, Т. С. Теоретические проблемы одностороннего использования материализма в формировании правосознания / Т. С. Бессонова // Актуальные проблемы образования и науки в эпоху цифровизации экономики и пути ее решения: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14 нояб. 2019 г. – М.: Ин-т гос. администрирования, 2020. – С. 101–114. – EDN XHNSOOZ.
23. Бикчинтаева, Л. Г. Применение психодиагностического метода в исследовании правосознания / Л. Г. Бикчинтаева // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2016. – № 8.4. – С. 251–257.
24. Блудов, П. А. Влияние правового просвещения на формирование общества с высоким правосознанием / П. А. Блудов // Юридические клиники и со НКО в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история, реальность, стратегия развития: материалы всерос. конф. с междунар. участием, Шадринск, 07 дек. 2018 г. – Шадринск: ШГПУ, 2020. – С. 168–172. – EDN GQEDTK.
25. Бойкина, Е. Э., Чернов, В. А. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка / Е. Э. Бойкина, В. А. Чернов // Психология и право. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 135–149. – DOI: 10.17759/psylaw.2021110111. – EDN OVCDDBQ.
26. Борбенчук, Е. А., Солохова, О. А., Фастович, Г. Г. Правовая культура как базовый элемент деятельности организационной правовой культуры /

Е. А. Борбенчук, О. А. Солохова, Г. Г. Фастович // Аллея науки. – 2019. – Т. 2, № 4(31). – С. 64 – 67. – EDN DUYLEX.

27. Бражникова, А. Н. Правосознание как психологический феномен / А. Н. Бражникова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2022. – № 1. – С. 395 – 402. – DOI: 10.37691/2311-5351-2022-0-1-395-402. – EDN YMJVQTQ.

28. Братусь, Б. С. Опыт обоснования гуманитарной психологии / Б. С. Братусь // Вопросы психологии. – 1990. – № 5. – С. 9 – 16.

29. Бубнов, А. М., Салихов, А. М., Краснощеченко, И. П. Антиэкстремистское правосознание: к обоснованию понятия и разработке обучающей программы для молодежи / А. М. Бубнов, А. М. Салихов, И. П. Краснощечков // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 1(46). – С. 49 – 58. – DOI: 10.33463/2072-8336.2019.1(46).049-058. – EDN XVQKLZ.

30. Бубнова, И. С., Адигамова, Э. Б. Модель формирования правосознания у старших дошкольников / И. С. Бубнова, Э. Б. Адигамова // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 3(146). – С. 240 – 248. – EDN IOZBUA.

31. Буреев, А. А., Сергеева, Т. Н. Правовые ценности и правотворчество в современном мире / А. А. Буреев, Т. Н. Сергеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 3. – С. 22 – 28.

32. Буркин, Д. О. Роль нормативных систем в процессе формирования феномена правосознания / Д. О. Буркин // Kant. – 2019. – № 1(30). – С. 153 – 157. – EDN ZBUEST.

33. Бурлачук, Л. Ф., Морозов, С. М. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – СПб.: Питер, 1999. – 528 с.

34. Быков, А. С., Рубцова, Л. В., Склярова, А. В. Понятие и состояние развития правовой культуры в контексте процессов глобализации / А. С. Быков, Л. В. Рубцова, А. В. Склярова // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: материалы X Междунар.

науч.-практ. конф., Челябинск, 10 февр. 2023 г. – Челябинск: Челяб. филиал РАНХиГС, 2023. – С. 218 – 228. – EDN KXFYUT.

35. Вардомацкий, А. П. Аксио-биографическая методика / А. П. Вардомацкий // Социологические исследования. – 1991. – № 7. – С. 80 – 84.

36. Васильева, Т. Обоснованная теория в поле качественного исследования / Т. Васильева // Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория: процедуры и техники. – М.: УРСС, 2001. – С. 225 – 250.

37. Вершок, И. Л. Об особенностях когнитивных процессов при правовом воздействии / И. Л. Вершок // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст., Могилев, 14 – 15 мая 2020 г. – Могилев: Могилевский ин-т МВД Респ. Беларусь, 2020. – С. 234 – 238. – EDN GOBJRW.

38. Виноградова, Е. В., Данилевская, И. Л., Патюлин, Г. С. Юридические наука и образование как элементы российской конституционно-правовой идентичности / Е. В. Виноградова, И. Л. Данилевская, Г. С. Патюлин // Образование и право. – 2022. – № 6. – С. 100 – 108. – DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-100-108. – EDN LKHQNO.

39. Воловикова, М. И. Динамика морально-правовых представлений российской учащейся молодежи (1989-2017) / М. И. Воловикова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2017. – Т. 2, № 3(7). – С. 144 – 165. – EDN ZHRIVB.

40. Вопленко, Н. Н. Совесть как нравственно-правовой аспект правоприменения / Н. Н. Вопленко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2015. – № 1 (58). – С. 21 – 31.

41. Вундт, В. Очерки психологии / В. Вундт. – М., 1912. – 457 с.

42. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Развитие высших психических функций. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – С. 13 – 223.

43. Выготский, Л. С. О психологических системах / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – С. 109 – 131.
44. Выготский, Л. С. Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования / Л. С. Выготский // Психотехника и психофизиология труда. – 1930. – Т. III, № 5. – С. 373 – 384.
45. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982 – 1984.
46. Вэтра, А. В. Особенности правосознания несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных / А. В. Вэтра // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всерос. симп. психологов с междунар. участием, Рязань, 09 – 10 апр. 2020 г. – Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2020. – С. 231 – 238. – EDN UTXDYE.
47. Гальперин, П. Я. К учению об интериоризации / П. Я. Гальперин // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 25 – 32.
48. Гальперин, П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления / П. Я. Гальперин // Вопросы философии. – 1977. – № 4. – С. 95 – 101.
49. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
50. Глечян, Э. Р., Макаров, А. С. Роль мышления в становлении нормативного сознания: философско-методологический аспект принципов синергетического мировоззрения / Э. Р. Глечян, А. С. Макаров // Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, преподавателей, Армавир, 15 – 16 окт. 2020 г. – Армавир: Армавирский собеседник, 2020. – С. 18 – 20. – EDN YITADX.
51. Гордеева, О. В. Сравнение свободного описания и полуструктурированного интервью как методов изучения околосмертного опыта /

О. В. Гордеева // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 2(42). – С. 67 – 78.

52. Горностаев, С. В. Профессиональное мышление сотрудников исправительных учреждений УИС Минюста России: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / С. В. Горностаев. – Рязань, 2002. – 24 с.

53. Грамматилов, В. В. Деформация профессионального правосознания в современной России: на примере адвокатской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. В. Грамматилов. – М., 2021. – 241 с.

54. Гранат, Н. Л. Правосознание и правовая культура / Н. Л. Гранат // Общая теория государства и права. – М., 2001. – С. 243 – 255.

55. Гулевич, О. А. Психологические аспекты юриспруденции / О. А. Гулевич. – М.: МПСИ, 2009. – 123 с.

56. Гулевич, О. А. Структура правосознания и поведение в правовой сфере [Электронный ресурс] / О. А. Гулевич // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – № 5(7). – URL: <http://psystudy.ru>

57. Гулевич, О. А., Кривошеков, В. С., Гусева, В. В. Русскоязычный опросник для измерения правового авторитаризма: валидность и инвариантность / О. А. Гулевич, В. С. Кривошеков, В. В. Гусева // Психологические исследования. – 2022. – Т. 15, № 85. – С. 3.

58. Гуриева, С. Д., Удавихина, У. А. Особенности применения гендерных стратегий при построении карьеры женщинами в России / С. Д. Гуриева, У. А. Удавихина // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2020. – № 3. – С. 270 – 273. – DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-69. – EDN MSAHIX.

59. Гурова, Р. Г. Педагогика и социология / Р. Г. Гурова // Советская педагогика. – 1974. – № 8. – С. 11 – 19.

60. Гурьев, В. В., Затонский, В. А. Правовая культура как элемент правовой жизни и критерий ее качества / В. В. Гурьев, В. А. Затонский // Правовая культура. – 2021. – № 1(44). – С. 30 – 37. – EDN KMTCTP.

61. Гусарова, М. А. Проблема правопонимания в условиях глобализации и цифровизации: философско-правовой аспект / М. А. Гусарова // *Философия права*. – 2021. – № 1(96). – С. 131–135. – EDN ANXAQL.
62. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука; Ювента, 1998. – 95 с.
63. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 752 с.
64. Гуткина, Н. И. Концепция Л. И. Божович о строении и формировании личности (культурно-исторический подход) / Н. И. Гуткина // *Культурно-историческая психология*. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 116 – 128.
65. Декарт, Р. Первоначала философии / Р. Декарт // *Сочинения: в 2 т.* – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 422 с.
66. Демченко, Т. И. Научная и философская мысль о понятии и понимании правосознания / Т. И. Демченко // *Lex Russica*. – 2017. – № 12 (133). – С. 153 – 165.
67. Джемс, У. Существует ли сознание? / У. Джемс // *Новые идеи в философии*. – 1913. – Сб. 4. – С. 102 – 127.
68. Джусупова, Г. С. Формирование индивидуального правового сознания в условиях переходного периода: дис. ... канд. юрид. наук / Г. С. Джусупова. – Алматы, 2001. – 137 с.
69. Дрянных, Н. В. Философско-правовые аспекты правосознания в курсе обществознания / Н. В. Дрянных // *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*. – 2021. – № 1(1). – С. 41– 44. – EDN XOGHWS.
70. Евстафеева, Е. А. Правосознание сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Е. А. Евстафеева. – Челябинск, 2015. – 217 с.
71. Еникеев, М. И. Краткий энциклопедический словарь по общей, социальной и юридической психологии / М. И. Еникеев. – М., 1978. – 248 с.

72. Еникеев, М. И. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии: учебник для вузов / М. И. Еникеев. – М.: Норма, 2005. – 640 с.

73. Ениколопов, С. Н., Бочкова, М. Н., Мешкова, Н. В., Мешков, И. А. Адаптация опросника моральной идентичности на российской выборке [Электронный ресурс] / С. Н. Ениколопов, М. Н. Бочкова, Н. В. Мешкова, И. А. Мешков // Психолого-педагогические исследования. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 115 – 134. – DOI: 10.17759/psyedu.2023150308

74. Еремов, Ю. Г. Право / Ю. Г. Еремов // Социальная философия: словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – М.: Академический проект, 1998. – С. 234 – 235.

75. Есикова, Т. В. Взаимосвязь духовно-нравственного развития личности и типа отношения к праву / Т. В. Есикова // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 12 – 14 апр. 2017 г. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. – Ч. 2. – С. 41 – 44. – EDN YQWNNL.

76. Есикова, Т. В. Психологическое сопровождение развития правового сознания обучаемых / Т. В. Есикова // Психологическое сопровождение в системе образования: сб. науч. трудов по материалам междунар. междисциплинарной науч.-практ. конф. «Психология и психологическая практика в современном мире». – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 55 – 62.

77. Есикова, Т. В. Этапы развития правового сознания / Т. В. Есикова // Право и образование. – 2015. – № 1. – С. 15 – 24. – EDN TCVVER.

78. Ефремова, Г. Х. Правовые установки и ориентации молодых правонарушителей / Г. Х. Ефремова // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М., 1974. – С. 89 – 102.

79. Ждан, А. Н. Пути и принципы исследования сознания в истории психологии / А. Н. Ждан // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4, вып. 1. – С. 47 – 60.

80. Жуков, В. Н. Правосознание: философский анализ / В. Н. Жуков // Государство и право. – 2019. – № 11. – С. 18 – 31. – DOI: 10.31857/S013207690007467-5. – EDN NZYVPG.
81. Зинковский, С. Б. Типология правовых культур / С. Б. Зинковский // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 102 – 111.
82. Зинченко, В. П. Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15 – 36.
83. Зинченко, В. П. Проблема образующих сознания в деятельностной теории психики / В. П. Зинченко // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1988. – № 3. – С. 25 – 33.
84. Зинченко, В. П. Сознание как предмет и дело психологии / В. П. Зинченко // Методология и история психологии. – 2006. – Вып. 1. – С. 207 – 231.
85. Зорькин, В. Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества / В. Д. Зорькин // Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 77 – 88.
86. Зорькин, В. Д. Справедливость – императив цивилизации и права / В. Д. Зорькин // Теория государства и права. – 2018. – № 2. – С. 67 – 80.
87. Зубова, Л. В., Щеглова, И. Г. К проблеме изучения правосознания личности / Л. В. Зубова, И. Г. Щеглова // Оренбургские горизонты: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 275-летию Оренбургской губернии и 85-летию Оренбургской области, Оренбург, 21 – 22 нояб. 2019 г. – Оренбург: Фронтпр, 2019. – С. 231 – 234. – EDN YYGMTA.
88. Зубок, Ю. А., Березутский, Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции / Ю. А. Зубок, Ю. В. Березутский // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 2(91). – С. 89 – 105. – DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105. – EDN UOMSPG.
89. Зубра, А. С. Акмеология – ключи к успеху / А. С. Зубра. – Минск: Дикта, 2011. – 194 с.

90. Зуева, И. А., Байганова, И. С. Возрастные особенности как фактор развития правосознания личности / И. А. Зуева, И. С. Байганова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2019. – № 1(22). – С. 112 – 115. – EDN IVWOHM.

91. Иванова, А. В. О нравственном и правовом воспитании / А. В. Иванова // Актуальные проблемы психологии и педагогики: сб. науч. трудов II Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 05 февр. 2024 г. – СПб.: НИЦ АРТ, 2024. – С. 88 – 90. – EDN ZDXBPP.

92. Иванова, А. М., Ковальчук, И. А. Психосемантический анализ индивидуального правосознания сотрудников органов внутренних дел: опыт лонгитюда / А. М. Иванова, И. А. Ковальчук // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 1. – С. 45 – 52.

93. Иванский, В. П. Антропологический подход в исследовании ценностей права: классика, неклассика и постнеклассика / В. П. Иванский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 263 – 280. – DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-263-280. – EDN YPKNGE.

94. Ивлев, Ю. Л. Психологические детерминанты правового сознания военнослужащих Министерства обороны РФ: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Ю. Л. Ивлев. – Сочи, 2007. – 21 с.

95. Игнатенко, В. А. Влияние этических норм на качество правовой жизни общества: философско-правовой аспект / В. А. Игнатенко // Этические аспекты профессиональной и правоприменительной деятельности: материалы регион. (межвуз.) науч.-практ. конф., Красноярск, 12 нояб. 2020 г. – Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021. – С. 21 – 25. – EDN YGVPZU.

96. Игнатенко, В. А. Правосознание как элемент правовой культуры / В. А. Игнатенко // Формирование правовой культуры молодежи в условиях современной образовательной среды: материалы регион. (межвуз.) науч.-практ. конф., Красноярск, 26 нояб. 2020 г. – Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021. – С. 27 – 31. – EDN CXKPMI.

97. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М.: Рарогъ, 1993. – 235 с.
98. Ильин, И. А. Философия права. Нравственная философия / И. А. Ильин // Соч.: в 2 т. – М.: Медиум, 1993. – Т. 1. – 466 с.
99. Ильин, О. Ю. Правосознание: постнеклассическое правопонимание и личностная проекция: дис. ... канд. филос. Наук / О. Ю. Ильин. – Тверь, 2011. – 198 с.
100. Ильичев, А. Б., Давтян, Е. Н. Озвученность внутренней речи как этап интериоризации / А. Б. Ильичев, Е. Н. Давтян // Медицина: теория и практика. – 2019. – Т. 4, № 5. – С. 228 – 229. – EDN KUNZYM.
101. Каландаришвили, З. Н. Правовая социализация как условие преодоления деформации правового сознания молодежи / З. Н. Каландаришвили // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 245 – 251.
102. Калугин, А. Ю. Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности структура, динамика и функции в структуре интегральной индивидуальности (на материале студенчества): автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / А. Ю. Калугин. – Екатеринбург, 2015. – 22 с. – EDN ZPRDNL.
103. Карнаушенко, Л. В. Правосознание в российском обществе: теоретико-прикладной анализ / Л. В. Карнаушенко // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 112 – 118.
104. Каширский, Д. В. Психология личностных ценностей: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Д. В. Каширский. – М., 2014. – 550 с.
105. Каширский, Д. В. Субъективные ценности подростков с девиантным поведением / Д. В. Каширский. – Барнаул: ААЭП, 2013. – 196 с.
106. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2003. – 301 с.
107. Кваша, А. А. Правовые установки граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. А. Кваша. – Волгоград, 2002. – 27 с.

108. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М.: Норма; Инфра-М, 2019. – 471 с.

109. Клайн, П. Справочное руководство по конструированию тестов / П. Клайн [пер. с англ.]. – Киев: Ника-Центр, 1994. – 288 с.

110. Клименко, А. И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А. И. Клименко. – М., 2016. – 54 с.

111. Кокурина, О. Ю. Проблема широкого понимания публично-правовой ответственности власти в контексте правостимулирующей политики в сфере государственной и муниципальной службы / О. Ю. Кокурина // Административное право и процесс. – 2021. – № 8. – С. 35 – 45. – DOI: 10.18572/2071-1166-2021-8-35-45. – EDN NPBVCF.

112. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.

113. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) / А. Ф. Кони // Вестник МЦПО и КНИ. – 1996. – № 1. – С. 164–168.

114. Коник, А. А. Аксиологические основания формирования правосознания в изменяющемся мире / А. А. Коник // Социально-политические и культурно-исторические проблемы современности: философская рефлексия и научный анализ: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Ставрополь: СГУ, 2006. – Вып. 3. – С. 89 – 95.

115. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

116. Коптелов, А. О. Предметная деятельность как парадигма в современных исследованиях психики человека / А. О. Коптелов // Вестник Вятского государственного университета. – 2015. – № 4(1). – С. 41 – 46.

117. Кордобовская, К. Е. К вопросу о роли правосознания в построении правового государства / К. Е. Кордобовская // Прагматика гуманитарного знания:

социально-правовые и философские аспекты: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 – 29 апр. 2023 г. / науч. ред. А. Е. Смирнов. – Иркутск: Иркутский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2023. – С. 113 – 117. – EDN TTDPOM.

118. Котляров, С. Б., Кукушкин, О. В. Правосознание как элемент правовых систем / С. Б. Котляров, О. В. Кукушкин // Результаты современных научных исследований: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч., Саранск, 20 – 21 апр. 2021 г. / редкол.: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Рузаевский печатник, 2021. – Ч. 2. – С. 273 – 277. – EDN LHGRBG.

119. Коханец, Л. А. Вклад А. Я. Сухарева в дело формирования правосознания населения в современных условиях / Л. А. Коханец // Александр Яковлевич Сухарев: служение Отечеству в праве и науке: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 13 окт. 2023 г. – М.: Моск. акад. Следственного комитета, 2024. – С. 72 – 75. – EDN EYARVG.

120. Кривцова, С. В. Предисловие научного редактора / С. В. Кривцова // PERSON. Экзистенциально-аналитическая теория личности. – М.: Генезис, 2005. – С. 7 – 12.

121. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1978. – 342 с.

122. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение. Норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 228 с.

123. Кузнецова, Е. Г. Личностные ценности: понятие, подходы к классификации / Е. Г. Кузнецова // Вестник ОГУ. – 2010. – № 10(116). – С. 45 – 51.

124. Кукушкин, О. В., Котляров, С. Б. Роль правосознания в решении юридических проблем современного общества / О. В. Кукушкин, С. Б. Котляров // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 1А. – С. 223 – 231. – DOI: 10.34670/AR.2020.28.91.033. – EDN RUNATI.

125. Курбатова, Ю. А. Взаимосвязь ценностно-мотивационной сферы и правосознания у студентов / Ю. А. Курбатова // Психология человека и общества. – 2019. – № 7. – С. 27 – 31.

126. Кучеров, Д. П. Институт вины в гражданском праве / Д. П. Кучеров // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 12 (54). – С. 102 – 103.

127. Левен, Ю. С. Правовая культура общества и правовая культура личности: результативность взаимодействия / Ю. С. Левен // Актуальные вопросы противодействия преступности в России и за рубежом: сб. науч. трудов, Екатеринбург, 23 – 25 июня 2016 г. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2017. – С. 104 – 107. – EDN ZXCEWN.

128. Леви, М. В., Свободный, Ф. К. Апробация новой методики изучения правового сознания для сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] / М. В. Леви, Ф. К. Свободный // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 110 – 124. – DOI: 10.17759/psylaw.2022120409

129. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 244 с.

130. Леонтьев, А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 251 – 261.

131. Леонтьев, А. Н. Проблема деятельности в истории развития советской психологии / А. Н. Леонтьев // Становление психологии деятельности: Ранние работы / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2003. – С. 426 – 437.

132. Леонтьев, А. Н. Проблема развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1981. – 584 с.

133. Леонтьев, Д. А. Духовность, саморегуляция и ценности [Электронный ресурс] / Д. А. Леонтьев. – URL: <http://www.institut.smysl.ru/article/spirit.php> (дата обращения: 01.06.2024).

134. Леонтьев, Д. А. Психология смысла. Природа, строение, динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

135. Леонтьев, Е. М. Правосознание как феномен восприятия действительности / Е. М. Леонтьев // Альманах молодого исследователя. – 2022. – № 12. – С. 32 – 35. – EDN NIMKAХ.

136. Лонь, С. Л. Правосознание в правовом регулировании отношений, возникающих в сфере уголовного процесса / С. Л. Лонь // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 327. – С. 145 – 148.

137. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия / под ред. Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

138. Малахов, В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография / В. П. Малахов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – 335 с.

139. Малько, А. В., Липинский, Д. А., Маркунин, Р. С. Реализация юридической ответственности в правосознании и правовой культуре / А. В. Малько, Д. А. Липинский, Р. С. Маркунин // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 5 – 18. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18. – EDN LQPJDE.

140. Мамардашвили, М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 56 – 89.

141. Мантузова, Д. В., Торохова, С. И., Артамонова, В. В. Правосознание и правовая культура: сущностные характеристики и проблемы формирования / Д. В. Мантузова, С. И. Торохова, В. В. Артамонова // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 8 (174). – С. 56 – 61.

142. Марков, Р. С. Конституционное право на образование как основа формирования правосознания и правовой культуры несовершеннолетних / Р. С. Марков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2021. – № 1. – С. 111 – 119. – EDN RJCWZX.

143. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3 – 16.

144. Махнач, А. В., Прихожан, А. М., Толстых, Н. Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: практ. Руководство / А. В.

Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – М.: Ин-т психологии РАН, 2013. – 219с. – (Фундаментальная психология – практике).

145. Мещерякова, А. В., Мещерякова, С. Н., Шевченко, Е. В. Антикоррупционное правосознание сотрудников органов внутренних дел: психолого-правовой аспект / А. В. Мещерякова, С. Н. Мещерякова, Е. В. Шевченко // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 1(43). – С. 105 – 108. – EDN IFQZEJ.

146. Миллер, В. И. Право как феномен и способ конституирования общественной жизни: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В. И. Миллер. – Томск, 2018. – 148 с. – EDN BPAIKC.

147. Минникес, И. А., Захарченко, А. В. К проблеме профессионального сознания юристов: (По материалам социологического исследования) / И. А. Минникес, А. В. Захарченко // Академический юридический журнал. – 2000. – № 2. – С. 13 – 18.

148. Митина, О. В. Задачи и методы структурного моделирования как средства приращения нового знания / О. В. Митина // Моделирование и анализ данных: тр. фак. информ. технологий МГППУ / под ред. Л. С. Куравского, А. Д. Яшина, С. Н. Баранова. – М.: РУСАВИА, 2007. – Вып. 3. – С. 45 – 58.

149. Митина, О. В. Математические методы в психологии / О. В. Митина. – М.: Аспект-Пресс, 2008. – 239 с.

150. Митина, О. В. Основные идеи и принципы структурного моделирования / О. В. Митина // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ / под общ. ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2006. – Вып. 2. – С. 272 – 296.

151. Митина, О. В., Михайловская, И. Б. Факторный анализ для психологов / О. В. Митина, И. Б. Михайловская. – М.: УМК Психология, 2001. – 169 с.

152. Михайлик, А. А. Современное представление о правосознании и его особенностях / А. А. Михайлик // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5(168). – С. 68 – 70. – EDN XQMPBS.

153. Михайлова, О. Ю. Актуальные проблемы юридической психологии / О. Ю. Михайлова // Ежегодник Российского психологического общества. Материалы III Всерос. съезда психологов. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. – Т. 5. – С. 451 – 455.

154. Михеева, И. В. Трансформация ценностно-смысловой сферы личности в условиях современной России в контексте исследования правосознания: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / И. В. Михеева. – Барнаул, 2004. – 24 с.

155. Моросанова, В. И., Кондратюк, Н. Г., Гайдамашко, И. В. Надежность осознанной саморегуляции как ресурс достижения целей в профессиях высокого риска / В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк, И. В. Гайдамашко // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2020. – № 1. – С. 77 – 95. – DOI: 10.11621/vsp.2020.01.05. – EDN FRTVFQ.

156. Моросанова, В. И., Кондратюк, Н. Г. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения — ССПМ 2020» / В. И. Моросанова, Н. Г. Кондратюк // Вопросы психологии. – 2020. – № 4. – С. 155 – 167. – EDN XLPKCR.

157. Моросанова, В. И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности / В. И. Моросанова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2021. – № 1. – С. 4 – 37. – DOI: 10.11621/vsp.2021.01.01. – EDN PUYXHO.

158. Моросанова, В. И., Аронова, Е. А. Теоретические подходы к исследованию структуры и регулирующей роли самосознания / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2004. – № 2. – С. 34 – 42.

159. Мудрик, А. В. Социальная педагогика: учебник для студентов педагогических вузов / А. В. Мудрик / под ред. В. А. Сластенина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2000. – 200 с.

160. Муслумов, Р. Р. Правовое сознание личности: учеб. пособие / Р. Р. Муслумов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 84 с.

161. Муслумов, Р. Р. Правосознание молодежи в ракурсе модернизации России / Р. Р. Муслумов // Факторы устойчивого развития права, экономики и исторической науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Шадринск: Шадринский дом печати, 2008. – С. 396 – 403.

162. Мухина, В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для студентов вузов / В. С. Мухина. – М.: Академия, 2000. – 456 с.

163. Мухина, В. С. Проблемы генезиса личности / В. С. Мухина. – М.: Педагогика, 1985. – 450 с.

164. Нерсисянц, В. С. Право: многообразие определений и единство понятий / В. С. Нерсисянц // Советское государство и право. – 1983. – № 10. – С. 26 – 35.

165. Нерсисянц, В. С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире / В. С. Нерсисянц // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 12 – 18.

166. Нерсисянц, В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В. С. Нерсисянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3 – 15.

167. Нестерук, Е. С. Правосознание и справедливость: проблема соотношения понятий / Е. С. Нестерук // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 1. – С. 109 – 112.

168. Никитяева, В. В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В. В. Никитяева. – Воронеж, 2002. – 207 с.

169. Никулин, А. Г. Правосознание и правоверность / А. Г. Никулин // Научный компонент. – 2020. – № 4 (8). – С. 45 – 49.

170. Носков, И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / И. Ю. Носков. – М., 2016. – 24 с.

171. Огородников, А. Ю. Интериоризация системы ценностей личности в становлении институционального порядка российского общества: социально-

философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / А. Ю. Огородников. – М., 2018. – 309 с. – EDN GJLOOJ.

172. Озрих, М. Ф. Личность и право / М. Ф. Озрих. – М.: Юридическая литература, 1975. – 215 с.

173. Осипов, Р. А. Деформация правосознания личности в современном российском обществе / Р. А. Осипов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 3(134). – С. 44 – 48. – DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10066. – EDN VJMNKW.

174. Осипов, Р. А. Правовая культура и ее роль в правовом государстве / Р. А. Осипов // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2021. – № 21. – С. 114 – 120. – EDN VKPITM.

175. Осипова, Н. Б., Ярушкин, Н. Ч. Теоретические и методические аспекты исследования правового сознания в психологии / Н. Б. Осипова, Н. Ч. Ярушкин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2016. – № 1 (19). – С. 45 – 52.

176. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 33. – Ст. 1398.

177. Панкова, Е. С. Интернализация как постмодерный тип соотношения социальных практик и субъекта: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Е. С. Панкова. – Казань, 2017. – 152 с. – EDN IQJFHH.

178. Панкова, О. В. Правосудие в современной России: понятие и признаки / О. В. Панкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 4. – С. 527 – 546.

179. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М.: Академический проект, 2002. – С. 303 – 313.

180. Патрикеева, Э. Г., Гоглева, А. В. Исследование особенностей эмоционального отношения младших школьников к себе и значимым людям / Э.

Г. Патрикеева, А. В. Гоглева // Мир педагогики и психологии. – 2019. – № 3(32). – С. 138 – 148. – EDN QWGHPP.

181. Перминова, Л. М. Субъект обучения в системе взаимосвязи сущего и должного: от самоактуализации к самопрогнозированию / Л. М. Перминова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2021. – Т. 2, № 6(81). – С. 125 – 139. – DOI: 10.24412/2224-0772-2021-81-125-139. – EDN MOPPNL.

182. Петражицкий, Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология / Л. И. Петражицкий. – СПб., 1908. – 421 с.

183. Петражицкий, Л. И. О мотивах человеческих поступков / Л. И. Петражицкий. – СПб., 1904. – 294 с.

184. Петрулевич, И. А. Правосознание как фактор интеграции населения России / И. А. Петрулевич // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 8. – С. 145 – 152.

185. Петрулевич, И. А. Российское правосознание: теоретические модели и реальное состояние: монография / И. А. Петрулевич. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. – 287 с.

186. Петрулевич, И. А. Социокультурные основы исследования правового сознания в классических и современных концепциях: монография / И. А. Петрулевич. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – 312 с.

187. Петухов, В. Г. Перерожденное правосознание – самая опасная форма деформации правосознания личности / В. Г. Петухов // Закон. Право. Государство. – 2020. – № 4-1(28). – С. 69 – 72. – EDN PEVRLM.

188. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. – М.: Междунар. пед. академия, 1994. – 324 с.

189. Платон. Государство. Законы. Политик / Платон / под ред. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.

190. Подольский, А. И., Идобаева, О. А. Quo vadis? Траектории ценностно-мотивационного развития современной российской молодежи / А. И. Подольский, О. А. Идобаева // Вопросы психологии. – 2019. – № 2. – С. 45 – 58. – EDN HNAXYZ.

191. Покида, А. Н., Зыбуновская, Н. В. Правовое сознание самозанятых граждан / А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская // Власть. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 176 –183. – DOI: 10.31171/vlast.v27i2.6348. – EDN ВРАРРТ.

192. Популярный юридический энциклопедический словарь / ред.: О. Е. Кутафин, В. А. Туманов, И. В. Шмаров и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 798 с.

193. Потякин, А. А. Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания / А. А. Потякин // Современные исследования, поиск концепций. – СПб., 2000. – С. 346 – 350.

194. Правовая культура: учебник / А. И. Землин, Е. В. Гоц, С. Н. Артамонова [и др.]. – 1-е изд. – М.: Юрайт, 2024. – 522 с. – (Высшее образование).

195. Правовая культура как основа и результат правового государства / А. П. Альбов, И. Г. Цопанова, Н. Н. Димитров, В. Г. Беспалько. – М.: Русайнс, 2020. –164 с.

196. Право-ориентированные предположения в правосознании / Н. А. Шеяфетдинова, Л. Н. Завадская, С. С. Гостев, Е. Г. Ермаков // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 1(181). – С. 87 – 89. – EDN REXXFI.

197. Правосознание. Социально-политические и правовые проблемы современности / С. Ю. Нарциссова, Н. А. Шеяфетдинова, Е. В. Розанова [и др.]. – М.: Академия МНЭПУ, 2020. – 263 с.

198. Правосознание. Социально-политические и правовые проблемы современности / С. Ю. Нарциссова, Н. А. Шеяфетдинова, Е. В. Розанова [и др.]. – 2-е изд., доп. – М.: Эдитус, 2021. – 258 с.

199. Правосознание. Социально-политические и правовые проблемы современности / С. Ю. Нарциссова, Н. А. Шеяфетдинова, Е. В. Розанова [и др.]. 2-е издание, дополненное. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2021. 258 с. ISBN 978-5-00149-509-3. EDN DASRER.

200. Працко, Г. С. Высокоразвитое правосознание и восприятие ценностей права / Г. С. Працко // Наука и образование: хозяйство и экономика;

предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 2(129). – С. 63 – 66. – EDN VPVIPN.

201. Працко, Г. С., Геворгян, Д. Г. Правовой порядок и правовая социализация личности / Г. С. Працко, Д. Г. Геворгян // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25 сент. 2019 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 64 – 66. – EDN BNLPPQ.

202. Пристанская, О. В., Юцкова, Е. М. Методика криминологического изучения правосознания и общественного мнения о преступности / О. В. Пристанская, Е. М. Юцкова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. – 89 с.

203. Протасова, О. В. Психолого-юридическое обоснование понятия правосознания, его значение и роль в формировании правового мировоззрения личности / О. В. Протасова. – М., 2004. – 187 с.

204. Прохоров, А. О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта / А. О. Прохоров // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 1. – С. 5 – 17. – DOI:10.31857/S020595920007852-3. – EDN XYADIX.

205. Психическое развитие младших школьников / под ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1990. – 243 с.

206. Психологическая диагностика: учеб. пособие / под ред. К. М. Гуревича, Е. М. Борисовой. – М.: Изд-во УРАО, 1997. – 304 с.

207. Райкова, Л. М. О субъективности как онтологическом условии правосознания / Л. М. Райкова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8, № 2А. – С. 82 – 90. – EDN BNKILR.

208. Ратинов, А. Р. О следственной интуиции / А. Р. Ратинов // Социалистическая законность. – 1958. – № 4. – С. 24 – 31.

209. Ратинов, А. Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования / А. Р. Ратинов // Методология и методы социальной психологии. – М.: Наука, 1977. – С. 178 – 195.

210. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.
211. Ратинов, А. Р., Ефремова, Г. Х. Правовая психология и преступное поведение // А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 256 с.
212. Раттур, М. В. Социальные причины правовых девиаций несовершеннолетних / М. В. Раттур // Образование и право. – 2021. – № 1. – С. 258 – 264. – DOI: 10.24411/2076-1503-2021-10143. – EDN ZFDYNO.
213. Рождественская (Мещеркина), Е. Ю. Введение / Е. Ю. Мещеркина (Рождественская) // Биографический метод: история, методология, практика / под ред. Е. Ю. Мещеркиной (Рождественской) и В. Семеновой. – М.: Ин-т социологии РАН, 1994. – С. 5 – 10.
214. Рожков, С. П. Эмпирическое исследование особенностей нравственно-правовых представлений / С. П. Рожков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 1. – С. 67 – 70.
215. Романенкова, Е. Н. Теория государства и права. Конспект лекций: учеб. Пособие / Е. Н. Романенкова. – М.: Проспект, 2018. – С. 54 – 58.
216. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С. Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 287 с.
217. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Учпедгиз, 1946. – 342 с.
218. Рубинштейн, С. Л. Принципы и пути развития психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 562 с.
219. Рыбаков, В. А. Регулирующая роль правосознания / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2011. – № 3 (28). – С. 6 – 12.
220. Салихова, А. Б. Ценности как ресурс толерантности личности к неопределенности / А. Б. Салихова // Бехтерев и современная психология личности: сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 02 – 04 окт. 2020 г. – Казань: ЦСГО, 2020. – С. 14 – 16. – EDN MDHTOR.

221. Семенова, М. В. Проблемы соотношения понятий «культура», «правовая культура» и «европейская правовая культура» / М. В. Семенова // Закон. Право. Государство. – 2020. – № 4-1(28). – С. 217 – 224. – EDN VANNNZ.

222. Смирнов, В. А. Эволюция содержания категории правовой культуры личности / В. А. Смирнов // Юридическая наука. – 2024. – № 2. – С. 17 – 19. – EDN TIOKXI.

223. Смирнов, В. Н. Юридическая психология / В. Н. Смирнов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 319 с.

224. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 232 с.

225. Смольяков, А. А., Гаврилова, О. В. Актуальные вопросы правового воспитания на современном этапе развития российского общества / А. А. Смольяков, О. В. Гаврилова // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. – 2021. – № 2(51). – С. 15 – 19. – EDN TWYUMN.

226. Солдатов, Я. В., Солдатова, А. В., Посухова, А. Ю. Современная правовая культура: теоретико-методологические аспекты / Я. В. Солдатов, А. В. Солдатова, А. Ю. Посухова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12(228). – С. 93 – 95. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_12_93. – EDN HCVNMM.

227. Сорокина, А. И., Есикова, Т. В., Фаттахова, Г. Р. Формирование когнитивных составляющих правосознания студентов: учеб. Пособие / А. И. Сорокина, Т. В. Есикова, Г. Р. Фаттахова. – Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2009. – 64 с.

228. Сосновский, Б. А. Психология: учебник для педагогических вузов / Б. А. Сосновский / под ред. Б. А. Сосновского. – М.: Юрайт-Издат, 2005. – 298 с.

229. Сосновский, Б. А., Лебедева, Е. А. Психология руководителя: потребностно-смысловые аспекты: учебник для вузов / Б. А. Сосновский, Е. А. Лебедева. – М.: Юрайт, 2021. – С. 28 – 39.

230. Сочивко, Д. В. Некоторые психологические проблемы личностного роста курсантов в процессе обучения в образовательных организациях ФСИН

России / Д. В. Сочивко // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2019. – № 4. – С. 78 – 82.

231. Сочивко, Д. В., Сочивко, О. И. Сравнительный анализ психологических защит экзистенцирующего «я» личности у осужденных женщин нарушителей режима и осужденных женщин, не имеющих нарушений / Д. В. Сочивко, О. И. Сочивко // Ученые записки университета Лесгафта. – 2021. – № 11 (201). – С. 456 – 461.

232. Спиридонов, Л. И. Теория государства и права / Л. И. Спиридонов. – М.: Проспект, 1997. – 125 с.

233. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1972. – 346 с.

234. Степанова, М. А. Неоконченная дискуссия об интериоризации: С. Л. Рубинштейн и П. Я. Гальперин / М. А. Степанова // Ананьевские чтения – 2017: Преемственность в психологической науке: В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов: материалы традиц. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24 – 26 окт. 2017 г. – СПб.: Айсинг, 2017. – С. 132 – 133. – EDN UPPPFO.

235. Степанова, М. А. Рубинштейн, С. Л. и Гальперин, П. Я.: сопоставление позиций по проблеме интериоризаций // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40, № 2. – С. 94 – 104. – DOI: 10.31857/S020595920004059-0. – EDN ZADYMH.

236. Страусс. А., Корбин, Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория: процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. – М.: УРСС, 2001. – 256 с.

237. Субботский, Е. В. Индивидуальное сознание как система реальностей / Е. В. Субботский // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. – М.: Смысл, 1999. – С. 125 – 160.

238. Суменков, С. Ю. Правосознание специальных субъектов как детерминанта их правового усмотрения / С. Ю. Суменков // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 3(35). – С. 24 – 33. – DOI: 10.21639/2313-6715.2022.3.3. – EDN LWIOML.

239. Сухомлинский, В. А. Избранные педагогические сочинения: в 3 т / В. А. Сухомлинский. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 1. – 560 с.
240. Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
241. Таранцов, В. П. Правовое самосознание правящей элиты в условиях модернизации России / В. П. Таранцов // Юридическая психология. – 2015. – № 2 (69). – С. 12 – 16.
242. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. – СПб., 1892. – 303 с.
243. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку / А. В. Аверин, М. Л. Давыдова, А. М. Алексеев [и др.]. – Владимир: Влад. филиал РАНХиГС, 2022. – 242 с.
244. Титова, Н. К. Общее учение о правосознании. Профессиональное правосознание в юридической деятельности / Н. К. Титова // Образование и право. – 2016. – № 3. – С. 170 – 173.
245. Тишаков, М. П. К вопросу о правосознании участников дорожного движения / М. П. Тишаков // Психологическая, правовая и социальная безопасность личности: проблемы и пути их решения: материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф., Махачкала, 28 апр. 2020 г. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 108 – 110. – EDN FWXPЕЕ.
246. Трошина, Д. А. Проблемы изучения правосознания как формы общественного сознания / Д. А. Трошина // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 16 апр. 2020 г. – Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. – С. 101 – 103. – EDN VEYVDB.
247. Фарбер, И. Е. Правосознание как форма общественного сознания / И. Е. Фарбер. – М.: Юридическая литература, 1963. – 206 с.
248. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (психологические науки) (утвержден приказом Минобрнауки России

от 17.10.2016 № 1290) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 76. – Ст. 54 – 67.

249. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 45. – Ст. 2367.

250. Феофанова, П. В. Идеи правового образования К. Д. Ушинского / П. В. Феофанова // Педагогическое наследие Константина Дмитриевича Ушинского в стратегиях и практике современного образования: материалы всерос. науч.-практ. конф., посвященной Году педагога и наставника, 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского, 25-летию Старооскольского филиала НИУ «БелГУ», Старый Оскол, 16 нояб. 2023 г. – Старый Оскол: РОСА, 2023. – С. 198 – 199. – EDN YUZAPN.

251. Фоменко, С. С. Формирование культуры правосознания личности в условиях институциональных трансформаций: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / С. С. Фоменко. – Екатеринбург, 2015. – 22 с. – EDN ZPPAIL.

252. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 296 с.

253. Хайдеггер, М. Слова Ницше «Бог мертв» / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 143 – 176.

254. Хакимов, И. А. Основные элементы структуры правосознания / И. А. Хакимов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 41 – 62. – DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-4-khakimov. – EDN BIKGPI.

255. Хачароева, А. Х. Особенности формирования правовой грамотности обучающихся / А. Х. Хачароева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-3. – С. 257 – 260. – EDN IMHBID.

256. Хащенко, Т. Г., Хащенко, А. В., Шпак, М. М. Психология правомерного поведения. Опросник «Правовое поведение личности» / Т. Г. Хащенко, А. В. Хащенко, М. М. Шпак. – Ульяновск: УГСХА, 2011. – 66 с.

257. Хащенко, Т. Г., Ганяк, О. И. Правомерная направленность личности как детерминанта отношения российского агрария к предпринимательской деятельности / Т. Г. Хащенко, О. И. Ганяк // В мире научных открытий. – 2013. – № 71. – С. 278 – 293.

258. Хащенко, Т. Г., Шпак, М. М. Разработка опросника для диагностики профессионально правомерной направленности личности / Т. Г. Хащенко, М. М. Шпак // Психолого-педагогические исследования. – 2013. – № 5.4. – С. 154 – 165.

259. Хейде, Л. Осуществление свободы. Введение в гегелевскую философию права / Л. Хейде. – М.: Гнозис, 1995. – 256 с.

260. Шарафиева, Л. М., Мухаметшин, А. Г. Влияние психологических процессов на правосознание социальных эмоций и чувств / Л. М. Шарафиева, А. Г. Мухаметшин // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 20 апр. 2023 г. – Иркутск: ИГУ, 2023. – С. 355 – 358. – EDN JVJLNX.

261. Щегорцев, В. В. Социология правосознания / В. В. Щегорцев. – М.: Мысль, 1981. – 174 с.

262. Шмелев, А. Г. и коллектив. Основы психодиагностики: учеб. пособие для студентов педвузов / А. Г. Шмелев. – М.; Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 544 с.

263. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

264. Ясюкова, Л. А. Правосознание: диагностика и закономерности развития / Л. А. Ясюкова // Прикладная психология. – 2000. – № 4. – С. 1 – 13.

265. Ясюкова, Л. А. Тест-анкета правового и гражданского сознания / Л. А. Ясюкова // Справочник педагога-психолога школы. – 2010. – № 3. – С. 67 – 89.

266. Abrego J. L. Legitimacy, social identity, and the mobilization of law: the effects of Assembly Bill 540 on undocumented students in California // Law and Social Inquiry. – 2008. – Vol. 33, No. 3. – P. 709 – 734.

267. Almazrouei M. A., Dror I. E., Morgan R. M. The possible impact of stress on forensic decision-making: An exploratory study // *Forensic Science International: Mind and Law*. – 2023. – Vol. 4. – Art. 100125. – DOI: 10.1016/j.fsimpl.2023.100125.

268. Ammar M., Fogarty L., Kandler A. Social learning and memory // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2023. – Vol. 120, No. 33. – Art. e2310033120. – DOI: 10.1073/pnas.2310033120.

269. Amodio D. M., Cikara M. The Social Neuroscience of Prejudice // *Annual Review of Psychology*. – 2021. – Vol. 72. – P. 439 – 469. – DOI: 10.1146/annurev-psych-010419-050928.

270. Anderson P., Davidson G., Doherty F., Hanna H., Harper C., Lynch G., McClelland R., McKenna C. Legal capacity, developmental capacity, and impaired mental capacity in children under 16: Neurodevelopment and the law in Northern Ireland // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 2023. – Vol. 87. – Art. 101872. – DOI: 10.1016/j.ijlp.2023.101872.

271. Arstein-Kerslake A., Black J. Right to legal capacity in therapeutic jurisprudence: Insights from critical disability theory and the convention on the rights of persons with disabilities // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 2020. – Vol. 68. – Art. 101535. – DOI: 10.1016/j.ijlp.2019.101535.

272. Batastini A. B., Guyton M. R., Bernhard P. A., Folk J. B., Knuth S. B., Kohutis E. A., Lugo A., Stanfill M. L., Tussey C. M. Recommendations for the Use of Telepsychology in Psychology-Law Practice and Research: A Statement by American Psychology-Law Society (APA Division 41) // *Psychology, Public Policy, and Law*. – 2023. – Vol. 29, No. 3. – P. 255 – 271. – DOI: 10.1037/law0000394.

273. Berggren N., Bjørnskov C. Does legal freedom satisfy? // *European Journal of Law and Economics*. – 2023. – Vol. 55, No. 1. – P. 1 – 28. – DOI: 10.1007/s10657-022-09753-6.

274. Bergkamp J., McIntyre K. A., Hauser M. An uncomfortable tension: Reconciling the principles of forensic psychology and cultural competency // *Law and Human Behavior*. – 2023. – Vol. 47, No. 1. – P. 233–248. – DOI: 10.1037/lhb0000507.

275. Bochkov A. A., Gorshenkov P. V., Bochkova G. Sh. Conceptual Analysis of Legal Awareness // *Право. Экономика. Психология*. – 2020. – No. 2(18). – P. 3 – 8. – EDN MBWOQN.

276. Brus J., Aebersold H., Grueschow M., Polania R. Sources of confidence in value-based choice // *Nature Communications*. – 2021. – Vol. 12, No. 1. – Art. 7337. – DOI: 10.1038/s41467-021-27618-5.

277. Cabell J. J., Moody S. A., Yang Y. Evaluating effects on guilty and innocent suspects: An effect taxonomy of interrogation techniques // *Psychology, Public Policy, and Law*. – 2020. – Vol. 26, No. 2. – P. 154 – 165. – DOI: 10.1037/law0000224.

278. Chen J., Huang J., Huang X., Sun S., Hao Y., Wu H. How does new environmental law affect public environmental protection activities in China? Evidence from structural equation model analysis on legal cognition // *Science of The Total Environment*. – 2020. – Vol. 714. – Art. 136558. – DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.136558.

279. Chiou R., Margulies D., Soltanlou M., Jefferies E., Kadosh R. C. Semantic cognition versus numerical cognition: a topographical perspective // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2023. – Vol. 27, No. 11. – P. 993 – 995. – DOI: 10.1016/j.tics.2023.08.004.

280. Cohen D. J., Cromley A. R., Freda K. E., White M. Psychological value theory: The psychological value of human lives and economic goods // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2022. – Vol. 48, No. 12. – P. 2015 – 2050. – DOI: 10.1037/xlm0001047.

281. Coleman J. *Foundations of social theory*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. – 993 p.

282. Connors M. H., Halligan P. W. Delusions and theories of belief // *Consciousness and Cognition*. – 2020. – Vol. 81. – Art. 102935. – DOI: 10.1016/j.concog.2020.102935.

283. Cooley C. H. *Social Organization: A study of the larger mind*. – New York: Charles Scribner's Sons, 1909. – 426 p.

284. Cornet L., van Gelder J. L. Cognition, criminal conduct, and virtual reality: Understanding and reducing offending using simulated environments // *Handbook of Clinical Neurology*. – 2023. – Vol. 197. – P. 207 – 215. – DOI: 10.1016/B978-0-12-821375-9.00011-6.

285. Cowan E. T., Schapiro A. C., Dunsmoor J. E., Murty V. P. Memory consolidation as an adaptive process // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2021. – Vol. 28, No. 6. – P. 1796 – 1810. – DOI: 10.3758/s13423-021-01978-x.

286. Curley L. J., Munro J., Lages M., MacLean R., Murray J. Assessing Cognitive Bias in Forensic Decisions: A Review and Outlook // *Journal of Forensic Sciences*. – 2020. – Vol. 65, No. 2. – P. 354 – 360. – DOI: 10.1111/1556-4029.14220.

287. da Franca Couto Fernandes de Almeida, G. Rule is a dual character concept / G. da Franca Couto Fernandes de Almeida, N. Struchiner, I. R. Hannikainen // *Cognition*. – 2023. – Vol. 230. – Art. 105259. – DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105259.

288. da Silva, T. H. R. Emotional awareness and emotional intelligence / T. H. R. da Silva // *British Journal of Community Nursing*. – 2022. – Vol. 27, № 12. – P. 573–574. – DOI: 10.12968/bjcn.2022.27.12.573.

289. De Martino B, Cortese A. Goals, usefulness and abstraction in value-based choice. *Trends Cogn Sci*. 2023 Jan; 27(1):65-80. doi: 10.1016/j.tics.2022.11.001. Epub 2022 Nov 26. PMID: 36446707.

290. Dignath, D. Motivation drives conflict adaptation / D. Dignath, R. Wirth, J. Kühnhausen [et al.] // *Motivation Science*. – 2020. – Vol. 6, № 1. – P. 84–89. – DOI: 10.1037/mot0000136.

291. Dürkheim E. Über soziale Arbeitsteilung. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. – 459 S.

292. Elliot, A. J. Social comparison information, performance expectancy, and performance goal adoption / A. J. Elliot, D. L. Weissman, E. Hangen, C. A. Thorstenson // *Motivation Science*. – 2021. – Vol. 7, № 1. – P. 56–67. – DOI: 10.1037/mot0000207.

293. Elston, T. W. Decoding cognition in real-time / T. W. Elston, J. D. Wallis // Trends in Cognitive Sciences. – 2022. – Vol. 26, № 12. – P. 1073–1075. – DOI: 10.1016/j.tics.2022.08.005.

294. Emerton, R. «We're not there yet» but it's not «pie-in-the-sky»: Legal Consciousness, Decertification and the Equality Sector in England and Wales / R. Emerton // Feminist Legal Studies. – 2023. – Vol. 31. – P. 95–120. – DOI: 10.1007/s10691-022-09509-2.

295. Environmental And Public Health J. O. Retracted: Effective Strategies to Promote the Cultivation of Public Legal Consciousness from the Perspective of Social Psychology // Journal of Environmental and Public Health. – 2023. – Vol. 2023. – Art. 9802615. – DOI: 10.1155/2023/9802615.

296. Erikson E. A. Memorandum of Identity and Negro Youth II a Way of Looking at Things // Selected Papers / Ed. by S. Schlein. – N. Y.: W. W. Norton & Company, 1992. – P. 8 – 56.

297. Fishman, J. Attitude theory and measurement in implementation science: a secondary review of empirical studies and opportunities for advancement / J. Fishman, C. Yang, D. Mandell // Implementation Science. – 2021. – Vol. 16, № 1. – Art. 87. – DOI: 10.1186/s13012-021-01153-9.

298. Fox, M. P. Correction: Legal Consciousness in Action: Lay People and Accountability in the Jury Room / M. P. Fox // Qualitative Sociology. – 2020. – Vol. 43. – P. 143. – DOI: 10.1007/s11133-019-09437-9.

299. Ghassemi, M. The dynamics of doubt: Short-term fluctuations and predictors of doubts in personal goal pursuit / M. Ghassemi, B. M. Wolf, M. Bettschart [et al.] // Motivation Science. – 2021. – Vol. 7, № 2. – P. 153–164. – DOI: 10.1037/mot0000210.

300. Gollwitzer, P. M. Goals' effects on cognition, affect, and behavior / P. M. Gollwitzer // Motivation Science. – 2020. – Vol. 6, № 3. – P. 197–198. – DOI: 10.1037/mot0000170.

301. Gray, B. Capacity and decision making / B. Gray // *Journal of Medical Ethics*. – 2022. – Vol. 48, № 12. – P. 1054–1055. – DOI: 10.1136/medethics-2022-108287.

302. Grégoire, L. Punishment-modulated attentional capture is context specific / L. Grégoire, H. Kim, B. A. Anderson // *Motivation Science*. – 2021. – Vol. 7, № 2. – P. 165–175. – DOI: 10.1037/mot0000211.

303. Grønning, L. Remodelling criminal insanity: Exploring philosophical, legal, and medical premises of the medical model used in Norwegian law / L. Grønning, U. K. Haukvik, S. J. Morse, S. Radovic // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 2022. – Vol. 81. – Art. 101776. – DOI: 10.1016/j.ijlp.2022.101776.

304. Guassi Moreira, J. F. Value-based neural representations predict social decision preferences / J. F. Guassi Moreira, A. S. Méndez Leal, Y. H. Waizman [et al.] // *Cerebral Cortex*. – 2023. – Vol. 33, № 13. – P. 8605–8619. – DOI: 10.1093/cercor/bhad144.

305. Gweon, H. Inferential social learning: cognitive foundations of human social learning and teaching / H. Gweon // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2021. – Vol. 25, № 10. – P. 896–910. – DOI: 10.1016/j.tics.2021.07.008.

306. Hackel, L. M. Simplifying social learning / L. M. Hackel, D. A. Kalkstein, P. Mende-Siedlecki // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2024. – [Epub ahead of print]. – DOI: 10.1016/j.tics.2024.01.004.

307. Halliday, S. After Hegemony: The Varieties of Legal Consciousness Research / S. Halliday // *Social & Legal Studies*. – 2019. – Vol. 28, № 6. – P. 859–878. – DOI: 10.1177/0964663919869739.

308. Halpern, D. Moral values, social trust and inequality / D. Halpern // *British Journal of Criminology*. – 2001. – Vol. 41. – P. 236–251.

309. Headworth, S. The Power of Second-Order Legal Consciousness: Authorities' Perceptions of "Street Policy" and Welfare Fraud Enforcement / S. Headworth // *Law & Society Review*. – 2020. – Vol. 54, № 2. – P. 320–353. – DOI: 10.1111/lasr.12470.

310. Hearne, L. J. Hunting the Brain Basis of a Mind Under Siege / L. J. Hearne, L. Cocchi // *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*. – 2022. – Vol. 7, № 11. – P. 1049–1050. – DOI: 10.1016/j.bpsc.2022.09.007.

311. Heckhausen, J. Integrating and instigating research on person and situation, motivation and volition, and their development / J. Heckhausen // *Motivation Science*. – 2020. – Vol. 6, № 3. – P. 185–188. – DOI: 10.1037/mot0000166.

312. Herd, S. Neural Mechanisms of Human Decision-Making / S. Herd, K. Krueger, A. Nair [et al.] // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. – 2021. – Vol. 21, № 1. – P. 35–57. – DOI: 10.3758/s13415-020-00842-0.

313. H.G. Truth and method. Gergen K.J. Toward a postmodern psychology // *Psychology and postmodernism*. – New York: Seabury Press, 1975.

314. Hofmans, L. Social learning across adolescence: A Bayesian neurocognitive perspective / L. Hofmans, W. van den Bos // *Developmental Cognitive Neuroscience*. – 2022. – Vol. 58. – Art. 101151. – DOI: 10.1016/j.dcn.2022.101151.

315. Horák, F. Legal consciousness: A systematic review of its conceptualization and measurement methods / F. Horák, D. Lacko, A. Kloczek // *Anuario de Psicología Jurídica*. – 2020. – [Avance online]. – DOI: 10.5093/apj2021a2.

316. Howieson, J. A. A framework for the evidence-based practice of therapeutic jurisprudence: A legal therapeutic alliance / J. A. Howieson // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 2023. – Vol. 89. – Art. 101906. – DOI: 10.1016/j.ijlp.2023.101906.

317. Hu, M. Attention biases the process of risky decision-making: Evidence from eye-tracking / M. Hu, R. Chang, X. Sui, M. Gao // *Psych Journal*. – 2024. – Vol. 13, № 2. – P. 157–165. – DOI: 10.1002/pchj.724.

318. Irving, Z. C. Will-powered: Synchronic regulation is the difference maker for self-control / Z. C. Irving, J. Bridges, A. Glasser [et al.] // *Cognition*. – 2022. – Vol. 225. – Art. 105154. – DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105154.

319. Jansen L. M. C. The neurobiology of antisocial behavior in adolescence; current knowledge and relevance for youth forensic clinical practice // *Current Opinion in Psychology*. – 2022. – Vol. 47. – Art. 101356. – DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101356.

320. Jaquet, F. Retraction notice to «Beyond moral dilemmas: The role of reasoning in five categories of utilitarian judgment» *Cognition* 209 (2021) 104572 / F. Jaquet, F. Cova // *Cognition*. – 2021. – Vol. 216. – Art. 104860. – DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104860.

321. Johnson, S. G. B. Principles of moral accounting: How our intuitive moral sense balances rights and wrongs / S. G. B. Johnson, J. Ahn // *Cognition*. – 2021. – Vol. 206. – Art. 104467. – DOI: 10.1016/j.cognition.2020.104467.

322. Jones, K. A. More than meets the eye: Officer actions and civilian behavioral health shape appraisals of police footage / K. A. Jones, T. L. Todd, D. Strange, P. Chauhan // *Psychology, Public Policy, and Law*. – 2021. – Vol. 27, № 4. – P. 449–465. – DOI: 10.1037/law0000316.

323. Kaleelullah, R. A. Forensic Odontology, a Boon and a Humanitarian Tool: A Literature Review / R. A. Kaleelullah, P. Hamid // *Cureus*. – 2020. – Vol. 12, № 3. – Art. e7400. – DOI: 10.7759/cureus.7400.

324. Kaugia, S. Structure of Legal Consciousness / S. Kaugia // *Juridica International. Law Review. University of Tartu*. – P. 16 – 20.

325. Kent, H. School to prison pipelines: Associations between school exclusion, neurodisability and age of first conviction in male prisoners / H. Kent, A. Kirby, L. Hogarth [et al.] // *Forensic Science International: Mind and Law*. – 2023. – Vol. 4. – Art. 100123. – DOI: 10.1016/j.fsimpl.2023.100123.

326. Khudoiberdiev Akhror Qosimalievich, Radjabov Bunyod Bahodir oglu. Some aspects of increasing legal consciousness and legal culture in society // *World Bulletin of Management and Law*. – 2022. – 11. – P. 35 – 37.

327. King, L. P. Harvey and Gurvir's Law: The Need for Accurate Information Balanced Against Avoiding Unnecessary Restrictions on Autonomous Decision Making / L. P. King // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. – 2023. – Vol. 51, № 3. – P. 658–660. – DOI: 10.1017/jme.2023.131.

328. Kohlberg L. Essays on moral development. Vol. 2: The Psychology of moral development. San-Francisco, 1984.

329. Kroeper, K. M. Underestimating the unrepresented: Cognitive biases disadvantage pro se litigants in family law cases / K. M. Kroeper, V. D. Quintanilla, M. Frisby [et al.] // *Psychology, Public Policy, and Law*. – 2020. – Vol. 26, № 2. – P. 198–212. – DOI: 10.1037/law0000229.

330. Kvale S., Gergen K. J. Realities and relationships. Soundings in social constructionism. – London: Sage, 1992. – P. 13 – 15.

331. Lage, C. A. An evolutionary view of self-awareness / C. A. Lage, W. Wolmarans, D. C. Mograbi // *Behavioural Processes*. – 2022. – Vol. 194. – Art. 104543. – DOI: 10.1016/j.beproc.2021.104543.

332. Langdon A., Botvinick M., Nakahara H., Tanaka K., Matsumoto M., Kanai R. Meta-learning, social cognition and consciousness in brains and machines. *Neural Netw.* 2022 Jan;145:80-89. doi: 10.1016/j.neunet.2021.10.004. Epub 2021 Oct 18. PMID: 34735893.

333. Largent, E. A. Deciding with Others: Interdependent Decision-Making / E. A. Largent, J. Clapp, J. S. Blumenthal-Barby [et al.] // *Hastings Center Report*. – 2022. – Vol. 52, № 6. – P. 23–32. – DOI: 10.1002/hast.1444.

334. Leblanc, H. Linking Social Cognition to Learning and Memory / H. Leblanc, S. Ramirez // *Journal of Neuroscience*. – 2020. – Vol. 40, № 46. – P. 8782–8798. – DOI: 10.1523/JNEUROSCI.1280-20.2020.

335. Leung, K. Social axioms. The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions / K. Leung // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2002. – Vol. 33, № 3. – P. 286–302.

336. Lidén, M. Emotions and Cognition in International Criminal Justice: An Exploration from Cognitive Biases to Emotional Intelligence / M. Lidén // *Forensic Science International: Mind and Law*. – 2020. – Vol. 1. – Art. 100037. – DOI: 10.1016/j.fsimpl.2020.100037.

337. Liefgreen, A. Motive on the mind: Explanatory preferences at multiple stages of the legal-investigative process / A. Liefgreen, S. R. Yousif, F. C. Keil, D. A. Lagnado // *Cognition*. – 2021. – Vol. 217. – Art. 104892. – DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104892.

338. Lucksted, D. Words That Bind: Moral Obligation, Textual Epistemology, and Globalizing Legal Power / D. Lucksted, N. H. Wilson // *American Sociologist*. – 2023. – [Epub ahead of print]. – DOI: 10.1007/s12108-023-09564-5.

339. Mata, A. Karmic forecasts: The role of justice in forecasts about self and others / A. Mata, C. Simão // *Motivation Science*. – 2020. – Vol. 6, № 4. – P. 335–345. – DOI: 10.1037/mot0000162.

340. Mazor, M. The Scientific Study of Consciousness Cannot and Should Not Be Morally Neutral / M. Mazor, S. Brown, A. Ciaunica [et al.] // *Perspectives on Psychological Science*. – 2023. – Vol. 18, № 3. – P. 535–543. – DOI: 10.1177/17456916221110222.

341. McDonald, K. Valence framing effects on moral judgments: A meta-analysis / K. McDonald, R. Graves, S. Yin [et al.] // *Cognition*. – 2021. – Vol. 212. – Art. 104703. – DOI: 10.1016/j.cognition.2021.104703.

342. Mead, G. H. The Social Self. URL: https://brocku.ca/MeadProject/Mead/pubs/Mead_1913.html.

343. Mebius, A. Against 'instantaneous' expertise / A. Mebius // *Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine*. – 2022. – Vol. 17, № 1. – Art. 11. – DOI: 10.1186/s13010-022-00123-3.

344. Mennella, R. Spontaneous instrumental avoidance learning in social contexts / R. Mennella, S. Bavard, I. Mentec, J. Grèzes // *Scientific Reports*. – 2022. – Vol. 12, № 1. – Art. 17528. – DOI: 10.1038/s41598-022-22334-6.

345. Mesoudi A, Chang L, Dall SRX, Thornton A. The Evolution of Individual and Cultural Variation in Social Learning. *Trends Ecol Evol*. 2016 Mar; 31(3):215-225. doi: 10.1016/j.tree.2015.12.012. Epub 2016 Jan 5. PMID: 26775795.

346. Michael T. Compton, Shaily Krishan, Beth Broussard, Roger Bakeman, Matthew H. Fleischmann, Dana Hankerson-Dyson, Letheshia Husbands, Tarianna Stewart, Barbara D'Orio, Amy C. Watson, Modeling the effects of Crisis Intervention Team (CIT) training for police officers: How knowledge, attitudes, and self-efficacy drive de-escalation skills and referral decisions, *International Journal of Law and*

Psychiatry, Volume 83, 2022, 101814, ISSN 0160 2527, <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2022.101814>.

347. Miele, D. B. Individual differences in students' effort source beliefs predict their judgments of ability / D. B. Miele, A. S. Browman, M. Vasilyeva // *Motivation Science*. – 2020. – Vol. 6, № 2. – P. 110–132. – DOI: 10.1037/mot0000124.

348. Morling, N. R. Contextual information and cognitive bias in the forensic investigation of fatal fires: Do these incidents present an increased risk of flawed decision-making? / N. R. Morling, M. L. Henneberg // *International Journal of Law, Crime and Justice*. – 2020. – Vol. 62. – Art. 100406. – DOI: 10.1016/j.ijlcj.2020.100406.

349. Mudrik, L. Free will without consciousness? / L. Mudrik, I. G. Arie, Y. Amir [et al.] // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2022. – Vol. 26, № 7. – P. 555–566. – DOI: 10.1016/j.tics.2022.03.005.

350. Muris, P. Self-Esteem and Self-Compassion: A Narrative Review and Meta-Analysis on Their Links to Psychological Problems and Well-Being / P. Muris, H. Otgaar // *Psychology Research and Behavior Management*. – 2023. – Vol. 16. – P. 2961–2975. – DOI: 10.2147/PRBM.S402455.

351. Nakamaru, M. Evolution of costly explicit memory and cumulative culture / M. Nakamaru // *Journal of Theoretical Biology*. – 2016. – Vol. 399. – P. 71–83. – DOI: 10.1016/j.jtbi.2016.03.014.

352. Nanay, B. Vicarious representation: A new theory of social cognition / B. Nanay // *Cognition*. – 2020. – Vol. 205. – Art. 104451. – DOI: 10.1016/j.cognition.2020.104451.

353. Nasirov, R. V. Traditional Legal Consciousness in Sustainable Development: The Case of China / R. V. Nasirov, A. V. Ivanov // *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research* / Ed. by S. G. Maximova [et al.]. – Cham : Springer, 2023. – P. 741–750. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 234). – DOI: 10.1007/978-3-030-75483-973.

354. Nave, K. Wilding the predictive brain / K. Nave, G. Deane, M. Miller, A. Clark // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. – 2020. – Vol. 11, № 6. – Art. e1542. – DOI: 10.1002/wcs.1542.

355. Nichols, S. Ownership and convention / S. Nichols, J. Thrasher // *Cognition*. – 2023. – Vol. 237. – Art. 105454. – DOI: 10.1016/j.cognition.2023.105454.

356. Nielsen, M. Social learning from media: The need for a culturally diachronic developmental psychology / M. Nielsen, F. T. K. Fong, A. Whiten // *Advances in Child Development and Behavior*. – 2021. – Vol. 61. – P. 317–334. – DOI: 10.1016/bs.acdb.2021.04.001.

357. Oktar, K. Philosophy instruction changes views on moral controversies by decreasing reliance on intuition / K. Oktar, A. Lerner, M. Malaviya, T. Lombrozo // *Cognition*. – 2023. – Vol. 236. – Art. 105434. – DOI: 10.1016/j.cognition.2023.105434.

358. Perez, C. Justifying by degrees: A grounded theory of men's decision-making process in infidelity / C. Perez, S. T. Fife, D. Eggleston, J. B. Whiting // *Journal of Marital and Family Therapy*. – 2023. – Vol. 49, № 4. – P. 879–898. – DOI: 10.1111/jmft.12663.

359. Petty, R. E. Attitude Strength: What's New? / R. E. Petty, J. J. Siev, P. Briñol // *Spanish Journal of Psychology*. – 2023. – Vol. 26. – Art. e4. – DOI: 10.1017/SJP.2023.7.

360. Pickering, N. Harmful Choices, the Case of C, and Decision-Making Competence / N. Pickering, G. Newton-Howes, G. Young // *The American Journal of Bioethics*. – 2022. – Vol. 22, № 10. – P. 38–50. – DOI: 10.1080/15265161.2021.1941422.

361. Porter, A. Women Survivors and Legal Consciousness: A Thematic Analysis / A. Porter // *Prosecuting Domestic Abuse in Neoliberal Times: Gendered Violence and the Justice System*. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 121–151. – (Palgrave Socio-Legal Studies). – DOI: 10.1007/978-3-030-61369-3_5.

362. Prather RW, Benitez VL, Brooks LK, Dancy CL, Dilworth-Bart J, Dutra NB, Faison MO, Figueroa M, Holden LR, Johnson C, Medrano J, Miller-Cotto D,

Matthews PG, Manly JJ, Thomas AK. What Can Cognitive Science Do for People? Cogn Sci. 2022 Jun;46(6):e13167. doi: 10.1111/cogs.13167. PMID: 35678130.

363. Rheinberg, F. Intrinsic motivation and flow / F. Rheinberg // Motivation Science. – 2020. – Vol. 6, № 3. – P. 199–200. – DOI: 10.1037/mot0000165.

364. Rissman, L. Ethical and legal considerations related to disorders of consciousness / L. Rissman, E. T. Paquette // Current Opinion in Pediatrics. – 2020. – Vol. 32, № 6. – P. 765–771. – DOI: 10.1097/MOP.0000000000000961.

365. Romano, K. A. A meta-analysis of associations between weight bias internalization and conceptually-related correlates: A step towards improving construct validity / K. A. Romano, K. E. Heron, C. M. Sandoval [et al.] // Clinical Psychology Review. – 2022. – Vol. 92. – Art. 102127. – DOI: 10.1016/j.cpr.2022.102127.

366. Rucker, D. D. Attitudes and attitude strength as precursors to object attachment / D. D. Rucker // Current Opinion in Psychology. – 2021. – Vol. 39. – P. 38–42. – DOI: 10.1016/j.copsy.2020.07.009.

367. Rudrauf, D. Modeling the subjective perspective of consciousness and its role in the control of behaviours / D. Rudrauf, G. Sergeant-Perthuis, O. Belli [et al.] // Journal of Theoretical Biology. – 2022. – Vol. 534. – Art. 110957. – DOI: 10.1016/j.jtbi.2021.110957.

368. Ruva, C. L. Your bias is rubbing off on me: The impact of pretrial publicity and jury type on guilt decisions, trial evidence interpretation, and impression formation / C. L. Ruva, A. E. Coy // Psychology, Public Policy, and Law. – 2020. – Vol. 26, № 1. – P. 22–35. – DOI: 10.1037/law0000220.

369. Scalabrini, A. The self and our perception of its synchrony -- Beyond internal and external cognition / A. Scalabrini, M. de Amicis, A. Brugnera [et al.] // Consciousness and Cognition. – 2023. – Vol. 116. – Art. 103600. – DOI: 10.1016/j.concog.2023.103600.

370. Scherr, K. C. False admissions of guilt associated with wrongful convictions undermine people's perceptions of exonerees / K. C. Scherr, C. J. Normile, S. Luna [et al.] // Psychology, Public Policy, and Law. – 2020. – Vol. 26, № 3. – P. 233–244. – DOI: 10.1037/law0000238.

371. Schurger, A. Consciousness explained or described? / A. Schurger, M. Graziano // *Neuroscience of Consciousness*. – 2022. – Vol. 2022, № 2. – Art. niac001. – DOI: 10.1093/nc/niac001.

372. Schwartz, S. J. The Convergence Between Cultural Psychology and Developmental Science: Acculturation as an Exemplar / S. J. Schwartz, Á. Szabó, A. Meca [et al.] // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – Art. 887. – DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00887.

373. Scurich, N. Public's views of risk assessment algorithms and pretrial decision making / N. Scurich, D. A. Krauss // *Psychology, Public Policy, and Law*. – 2020. – Vol. 26, № 1. – P. 1–9. – DOI: 10.1037/law0000219.

374. Simon, D. The adversarial mindset / D. Simon, M. Ahn, D. M. Stenstrom, S. J. Read // *Psychology, Public Policy, and Law*. – 2020. – Vol. 26, № 3. – P. 353–377. – DOI: 10.1037/law0000226.

375. Singh, M. Beyond social learning / M. Singh, A. Acerbi, C. A. Caldwell [et al.] // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2021. – Vol. 376, № 1828. – Art. 20200050. – DOI: 10.1098/rstb.2020.0050.

376. Singh, S. Factor structure of the critical consciousness scale in juvenile legal system-involved boys and girls / S. Singh, S. Javdani, M. N. Berezin, C. E. Sichel // *Journal of Community Psychology*. – 2020. – Vol. 48, № 5. – P. 1660–1676. – DOI: 10.1002/jcop.22362.

377. Smith, D. S. When two tribes go to law: The Moral Foundations Theory and the Brexit negotiations / D. S. Smith // *Forensic Science International: Mind and Law*. – 2021. – Vol. 2. – Art. 100055. – DOI: 10.1016/j.fsiml.2021.100055.

378. Spruill, M. How Do People Come to Judge What Is "Reasonable"? Effects of Legal and Sociological Systems on Human Psychology / M. Spruill, N. A. Lewis Jr. // *Perspectives on Psychological Science*. – 2023. – Vol. 18, № 2. – P. 378–391. – DOI: 10.1177/17456916221096110.

379. Svensson, O. The decision-making process in Swedish forensic psychiatric investigations / O. Svensson, P. Andiné, S. Bromander [et al.] // *International Journal of*

Law and Psychiatry. – 2022. – Vol. 80. – Art. 101709. – DOI: 10.1016/j.ijlp.2021.101709.

380. Sznycer, D. The origins of criminal law / D. Sznycer, C. Patrick // *Nature Human Behaviour*. – 2020. – Vol. 4, № 5. – P. 506–516. – DOI: 10.1038/s41562-020-0827-8.

381. Tapp J.L., Kohlbrg L. Developing senses of law and legal justice // *The Journal of Social Issues*. 1971. Vol. 27. P. 65–92.

382. Tuen, Y. J. Social value at a distance: Higher identification with all of humanity is associated with reduced social discounting / Y. J. Tuen, A. Bulley, D. J. Palombo, B. B. O'Connor // *Cognition*. – 2023. – Vol. 230. – Art. 105283. – DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105283.

383. Universal Declaration of Human Rights. Available online: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html> (accessed 25 April 2019).

384. *The Grounded Theory Seminar Reader*. Ed. By Glaser, J. Holton. Mill Valley (CA): Sociology Press, 2007.

385. Vaughan-Johnston, T. I. Connecting Attitude Position and Function: The Role of Self-Esteem / T. I. Vaughan-Johnston, D. I. Fowlie, J. A. Jacobson // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2023. – Vol. 49, № 9. – P. 1344–1362. – DOI: 10.1177/01461672221100866.

386. Walhovd, K. B. Timing of lifespan influences on brain and cognition / K. B. Walhovd, M. Lövdén, A. M. Fjell // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2023. – Vol. 27, № 10. – P. 901–915. – DOI: 10.1016/j.tics.2023.07.001.

387. Weng, H. Y. Interventions and Manipulations of Interoception / H. Y. Weng, J. L. Feldman, L. Leggio [et al.] // *Trends in Neurosciences*. – 2021. – Vol. 44, № 1. – P. 52–62. – DOI: 10.1016/j.tins.2020.09.010.

388. Willis, A. I. Literacy access, the law, and racism in the United States: a critique / A. I. Willis // *International Encyclopedia of Education: Fourth Edition*. – Elsevier, 2023. – P. 268–278. – DOI: 10.1016/B978-0-12-818630-5.07087-1.

389. Xarhoulacos, C. G. Misinformation vs. Situational Awareness: The Art of Deception and the Need for Cross-Domain Detection / C. G. Xarhoulacos, A. Anagnostopoulou, G. Stergiopoulos, D. Gritzalis // *Sensors*. – 2021. – Vol. 21, № 16. – Art. 5496. – DOI: 10.3390/s21165496.

390. Xu, S. Formation mechanism and prediction model of juvenile delinquency / S. Xu, J. Yu, Y. Hu // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – Art. 1087368. – DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1087368.

391. Young, K. M. Legal Consciousness and Cultural Capital / K. M. Young, K. R. Billings // *Law & Society Review*. – 2020. – Vol. 54, № 1. – P. 33–65. – DOI: 10.1111/lasr.12455.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Бланк оценки полуструктурированного интервью

«Правосознание личности» В. В. Молотовой

ПЕРВЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ БЛОК

Номер/Имя	Пол	Возраст	Место работы	Профессия/Статус	Уровень образования

№	Тема вопросов	Примерные вопросы	Ответы респондента
1	Профессия, род занятий	-Представьтесь, пожалуйста -Расскажите о характере Вашей основной деятельности -Чем обусловлен выбор вашей специальности? -Нравится ли Вам учиться/работать, не жалеете ли о выборе профессии?	
2	Удовлетворенность жизнью	-Нравится ли Вам город, в котором Вы живете, регион, страна? -Как считаете, может ли отдельный человек повлиять на развитие комфорта в своем городе/регионе/стране?	
3	Гражданская позиция/ общественно – политическая активность	-Кто в большей степени несет ответственность за качество жизни общества, сами граждане или власть? -Принимаете ли Вы участие в общественной жизни/политической жизни?	
4	Правовое образование и культура, применение норма права в жизни (ситуации)	-В каком году Вы окончили школу/ВУЗ, изучалось ли Вами обществознание и основы права? -Приходилось ли Вам когда - либо встречаться с текстами законов? -Были ли Вам полезны в общественных отношениях знания норм права? при каких обстоятельствах? -Приходилось ли Вам когда- либо защищать свои нарушенные права?	

ВТОРОЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ БЛОК

*Вопросы направлены на выявление типа правопонимания

№	Вопросы	Ответы респондента	Отметки интервьюера
1	Скажите, пожалуйста, что такое право?		
2	Что такое закон?		
3	Как для вас соотносятся понятие права и понятие закон?		
4	Чем закон отличается от права?		
5	В чем основные функции права/закона?		
6	Связано ли право с другими регуляторами общественных отношений?		
7	Чем отличаются правовые нормы от моральных/ этических/ религиозных?		
8	Может ли правовая и моральная норма совпадать по своему содержанию?		
9	Влияет ли право на формирование моральных норм, влияют ли моральные нормы на формирование правовых?		
10	Право влияет на развитие общества?», «Общество влияет на развитие права?		
11	Меняется ли право с изменением общественных отношений?		
12	Дополнительные вопросы		

ТРЕТИЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ БЛОК

*Вопросы направлены на выявление уровня правовой грамотности
(осведомленности)

№	Вопросы	Ответы респондента	Отметки интервьюера
Вопросы об основах государственного устройства современной России			
1	Известны ли вам какие-либо органы власти?		
2	Назовите известные вам органы власти		
3	Опишите (обозначьте), как устроена власть в нашей стране/регионе/городе		
4	Кто управляет нашим государством?		
5	Вы когда - либо слышали о принципе разделения властей?		
6	Как Вы понимаете, что такое представительный орган государственной власти?		
7	Как Вы понимаете, что такое исполнительный орган государственной власти?		
8	Какая форма правления в современной РФ?		
9	Назовите известные вам формы правления /политического устройства/ территориального устройства/ экономического режима		
10	Известны ли Вам основы конституционного строя РФ?		
11	Что Вашем понимании означает - Россия демократическое, светское, социальное, правовое государство с республиканской формой правления?		
12	Известно ли Вам что такое местное самоуправление, назовите органы местного самоуправления?		
13	Дополнительные вопросы		
Вопросы об основах устройства современной системы права России			
1	Назовите основной закон нашего государства		
2	Вы знакомы с текстом Конституции РФ?		
3	Известны ли вам какие-либо нормативные правовые акты, назовите их		
4	Как представлена система права в РФ?		
5	Известно ли Вам, что такое отрасль права?		
6	Назовите известные Вам отрасли права		
7	Что такое юридическая ответственность?		

	Приведите примеры юридической ответственности.		
8	Известна ли вам иерархия действия правовых актов по юридической силе?		
9	Что имеет большую юридическую силу закон, или постановление правительства?		
Дополнительные вопросы			
11	Представьте себе ситуацию, Вы идете в магазин за хлебом, покупаете хлеб, отдаете продавцу деньги, он передает Вам товар. Нормами какой отрасли права урегулированы данные общественные отношения?		
12	Представьте ситуацию, Вы спешите и переходите дорогу в неположенном месте на запрещающий сигнал светофора, Вас останавливает сотрудник ГИБДД и выписывает штраф, нормы какой отрасли права регулируют данное общественное отношение?		
13	Вам приходилось когда-либо слышать о праве на жизнь и здоровье?		
14	Как вы понимаете, что значит право на жизнь?		
15	Вы когда-либо слышали о конституционном принципе равенства? Как Вы считаете, в чем он заключается		

ЧЕТВЕРТЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ БЛОК

*Вопросы направлены на выявление значимости различных категорий прав и свобод

Инструкция: Сейчас я приведу Вам основные положения прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ, прошу Вас внимательно прослушать и назвать те, о которых слышите впервые и никогда ранее не знали. Также я попрошу ответить на вопросы по каждой услышанной норме.

- Как Вы понимаете данную конституционную норму, прокомментируйте ее положения.

- Готовы ли Вы отказаться от данного права?

- Готовы ли соразмерно ограничить данное право?

- В пользу каких прав и гарантий готовы ограничить данное право?

№	Вопросы	Ответы респондента	Отметка интервьюера
Оценка категорий прав и свобод			
1	Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.		
2	Каждый, кто законно находится на территории РФ, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Каждый может свободно выезжать за пределы РФ и беспрепятственно возвращаться.		
3	Граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Имеют право избираться и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, участвовать в референдуме.		
4	Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности или профессию. Принудительный труд запрещен		
5	Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом		
6	Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Каждый имеет право на доступ к культурным ценностям и право на участие в культурной жизни.		

Субъективная оценка категорий прав и свобод

№	Вопросы	Ответы респондента	Отметка интервьюера
1	Как Вы считаете, из тех прав и гарантий, которые мы обсудили с Вами, какие являются самыми важными?		
2	Назовите наиболее значимые для Вас права, а затем наименее значимые, обоснуйте, пожалуйста, свою позицию.		

ПЯТЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ БЛОК

*Вопросы направлены на выявление эмоционального отношения к действующим нормам права

№	Вопросы	Ответы респондента	Отметка интервьюера
Вопросы об эмоциональной оценке права как социокультурного явления			
1	Как Вы считаете, те положения Конституции, которые мы обсудили, в основном соблюдаются или нет?		
2	Считаете ли Вы законы справедливыми?		
3	Приведите пример несправедливого закона?		
4	Как Вы считаете, насколько в развитом обществе необходимо право?		
5	Дополнительные вопросы		

Инструкция:

- Вспомните 2-3 известных вам пословицы/ поговорки, афоризма или известных утверждения о праве/законе;
- Ниже я приведу разные пословицы и поговорки и попрошу Вас раскрыть их смысл, Вы лично согласны с приведенной «народной мудростью»?

№	Пословицы и поговорки (рекомендуется к обсуждению 3-5 на выбор)		
1	Закон - что дышло, куда повернешь - туда и вышло		
2	Дуракам закон не писан		
3	Не всякий судит по праву, иной по нраву		
4	На то и закон, чтоб его обойти		
5	Законов много, толку мало		
6	Закон что паутина, муха увязнет, а шмель проскочит		
7	То – то и закон, как судья знаком		
8	Законы - миротворцы, да законники – крючкотворцы		
9	Кто законы пишет, тот их и ломает		
10	Не бойся закона, бойся судьи		
11	Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения		
12	Все страны живут по законам, а Россия по пословицам и поговоркам (Александр II)		
13	Закон суров, но это закон		
14	Закон защищает каждого, кто может нанять хорошего адвоката		
15	Не так страшен закон, как его толкуют		
16	Незнание закона не освобождает от ответственности		
17	Незнание закона не освобождает от ответственности, а вот знание – освобождает		
18	Законы бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше		

19	Там, где голод, законы не уважаются; там, где законы не уважаются, там голод		
20	Много законов, но мало законности		
21	Над принятием законов думают сотни и сотни, а над тем, как обойти закон, думают миллионы		

ШЕСТОЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ БЛОК

*Вопросы направлены на выявление готовности к совершению правонарушения, преступления.

№	Вопросы	Ответы респондента	Отметка интервьюера
Вопросы о субъективных причинах нарушения норм права			
1	Как Вы считаете, всегда ли необходимо соблюдать закон?		
2	Приведите пример, когда можно нарушить правовую норму?		
3	Можно ли нарушить норму права, если за это ничего не будет?		
4	Вы когда-либо нарушали закон?		
5	Какое преступление Вы считаете наиболее тяжким и недопустимым? Какое наказание Вы считаете справедливым в случае совершения такого преступления?		
6	В каком случае, Вы готовы были бы совершить такое преступление?		
Проективные ситуации, в которых допускается/не допускается нарушение норм права			
7	Представьте, Вы губернатор (супруга губернатора), едете на деловую встречу с превышением скоростного режима, вынуждены превысить скорость, так как очень спешите, вдруг Ваш автомобиль останавливает сотрудник ГИБДД. Какими будут ваши действия?		
	Представьте аналогичную ситуацию, но себя на месте сотрудника ГИБДД? Вы знаете, что автомобиль, превысивший скоростной режим принадлежит губернатору, будете ли Вы останавливать машину за превышение скоростного режима?		
	Как Вы считаете, высокий социальный статус и признание в обществе, влияние на окружающих, является основанием для несоблюдения законов или уклонения от юридической ответственности?		
8	Теперь представьте, что Вы это Вы, спешите на пару в университет и не пропускаете пешехода на переходе. Вас останавливает сотрудник ГИБДД, Вы видите, что это старший брат Вашей близкой подруги, с которым Вы хорошо знакомы. Попросите ли Вы его отпустить Вас и не привлекать к		

	ответственности?		
	Представьте себя на месте сотрудника ГИБДД, отпустите ли Вы правонарушителя в том случае, если это Ваш знакомый?		
9	Представьте себя в аналогичной ситуации, предпримите ли Вы попытку избежать ответственности в том случае, если сотрудником ГИБДД является близкий Вам человек (родственник, супруг, возлюбленный).		
	Представьте себя на месте сотрудника ГИБДД, отпустите ли Вы правонарушителя в предложенном случае?		

*В бланке приведены примеры проективных ситуаций, интервьюер может предложить к обсуждению аналогичные на свое усмотрение.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Транскрипт полуструктурированного интервью с респондентом Дмитрием

П – психолог

И – испытуемый

П: Добрый день, Дима. Благодарю, что ты согласился принять участие в проводимом мной исследовании. Тебе будет предложена анкета из 4 вопросов (методика О. С. Гулевич) диагностики индивидуального правосознания, пожалуйста, заполни ее. После чего мы с тобой перейдем к беседе. Я буду задавать тебе вопросы, относящиеся к праву, закону и правовой системе нашего государства, которые не имеют цели диагностики твоего уровня интеллекта или эрудиции, проверки знаний. Ты можешь также задавать мне вопросы в рамках предложенной темы. Мы можем начать?

И: Да, я готов.

П: Итак, ты ответил на вопросы анкеты и мне сразу захотелось уточнить один из твоих ответов. На вопрос «допустимо ли изменение закона и при каких условиях» ты даешь ответ «Изменение закона возможно в рамках актуальной системы законодательства при условии соблюдения принципов непротиворечивости, уместности, иерархии, соответствия реальным общественным условиям». Как ты понимаешь принцип «уместности»? Раскрой его значение.

И: Принцип уместности означает что, прежде, чем менять закон, принимать закон, оформлять какие-либо изменения, необходимо проанализировать то как он будет применяться и будет ли польза от него и не будет ли затрат и вреда больше, то есть уместное сочетание затрат.

П: Правильно ли я понимаю, что ты говоришь о принципе целесообразности?

И: Да, о целесообразности тоже. Уместность еще в том смысле, что закон не должен в прямой или косвенной форме вызывать острые негативные чувства каких-то групп, классов, общества. Не должен являться провокационным.

Уместность это категория не только прагматичная, но и морально необходимая. Если законодательно закрепленные вещи бывают эффективны, важно учитывать и моральные аспекты. Важна системность. При определенном курсе государства, внутренней политике, закон, даже эффективный, но принятый вразрез с этим курсом, будет неуместен.

П: Я верно понимаю, что с твоей точки зрения закон должен учитывать интересы всех социальных групп и выражать некий баланс интересов в обществе?

И: Ну да, есть всегда кто-то недовольный, кто-то терпящий неудобства и убытки, но нужно учитывать общие принципы, которые закреплены базисно, – права человека. Нельзя забрать что-то у одной группы людей и отдать другой (отнять и поделить). Не то, что даже это будет как-то не правильно с точки зрения общей справедливости цивилизационно, а с той, что это создаст повод для классового конфликта, посеет зерно, которое может прорасти в раскол. Каждый закон, конечно, принимается на злобу дня, что называется, и исходя из актуальных обстоятельств. Но в то же время надо на будущее смотреть, как бы он боком не вышел.

П: Как ты понимаешь, что такое право?

И: Право – это система общеобязательных норм поведения, которая регулирует отношения между людьми в обществе, имеет форму выражения, поддерживается государством.

П: ты дал близкое к классическому определению права, почти как в учебнике теории государства и права, можно подумать, что ты учишься на юридическом факультете.

И: Ну, вообще это определение права дается в 10 или 11 классе, когда изучается право в рамках школьного курса «человек и общество».

П: То есть такое понимание права у тебя со школы?

И: В целом, да

П: Скажи, а с философской точки зрения право это что?

И: Право выражает, с одной стороны, устоявшиеся схемы поведения и взаимоотношения в обществе, и с другой стороны – немного в сторону

идеализации. Устанавливает такие отношения, к которым обществу следовало бы стремиться.

П: То есть, следуя твоей логике, право подвержено неким изменениям, как система, регулирующая общественные отношения? От чего это может зависеть?

И: Во-первых, это зависит от состояния общества, которое следует или не следует этим нормам права. На которое эти нормы распространяются (например, по территории государства). Если общество, в целом, ведет себя непротиворечиво, неконфликтно, то ему не нужны слишком жесткие рамки регулирования, слишком много областей жизни не нужно охватывать правом, многие вещи происходят исходя из воспитания. А если общество на ранних стадиях развития, то это более такие авторитарные схемы получаются, более детальное структурирование. То есть в праве такие нормы вынуждены закрепляться, которые необходимо поддерживать силой, которые сами по себе не поддерживаются людьми между собой. То есть так вот я считаю, так это расслаивается. К тому же тоже, есть такие вещи как исторические формации. Форма правления – парламентская это форма или это монархия. То есть республиканская форма правления или монархия. Тот же самый политический режим, то есть при номинальной республике это может быть авторитарный режим, где отсутствует политическая борьба. Так или иначе, в этих условиях, право как то закрепляет существующий строй, делает легитимными все эти основы. Везде все разное.

П: Как ты можешь соотнести такие понятия как «право» и «закон»?

И: Закон это один из элементов права, нормированный элемент. Законы они такие все единообразные, конкретные, регулируют определенные сферы жизни общества. Занимают место в системе, есть основной закон государства, подзаконные акты и другие ответвления.

П: Право и закон это одно и то же?

И: Ну как, человек и гражданин это одно и то же? Гражданин это человек, но не каждый человек это гражданин. То есть закон относится к праву, но право

включает в себя не только закон. Право включает в себя там еще и правовые обычаи, правоприменительную практику, толкование.

П: То есть закон это одна из форм (источников) права, да? Наряду с судебным прецедентом, практикой, обычаем?

И: Да. Слышал такое слово – прецедент. Помню что-то.

П: И доктрина правовая – это тоже источник права. Хорошо. Ты обозначил, что в школе изучал основы права в рамках курса «человек и общество», как считаешь, нужно ли глубже в школе изучать право и вообще необходимо ли там изучать право? Зачем?

И: Вообще у меня своеобразное отношение к системе школьного образования и нет такого определенного отношения к такому предмету как право. В школе дается очень много информации и много из этой информации дается напрасно. То есть я бы факультативно сделал обучение. По поводу права, думаю те основы, которые даются в школе – необходимы. Более углубленное изучение нужно тому, кому это нужно и чтобы это было отражено в аттестате. Думаю, особое внимание следовало бы уделять в школе разъяснению гражданских прав, особенно в части статуса гражданина страны. Чтобы не просто так – получил паспорт как бумажку, а понимал и осознавал последствия правового статуса гражданина и свои обязанности в том числе.

П: Пожалуйста, приведи ассоциации со словами: равенство, свобода, справедливость, долг, ответственность, право, закон.

И: Равенство – возможность без дискриминации

Свобода – воздух, возможность передвижения без ограничений

Справедливость – каждому свое (jadem das sein)

Долг – моральные и правовые обязательства, (платежом красен)

Ответственность - последствия действия, бездействия

Право – соотносится с истиной

Закон – правило поведения

П: Ты знаком с текстом Конституции?

И: Да, знаком

П: При каких обстоятельствах ты с ним познакомился?

И: В школе изучали. Периодически, с тех пор, обращался к тексту Конституции, почитывал.

П: Ты можешь прокомментировать основные положения Конституции, относительно основ конституционного строя?

И: Ну да, могу прокомментировать основные положения. Структурно Конституция разделена на основы строя и устройство государства – две основные части. Если брать основную (общую часть), она так не называется, но назову так. Там перечислены права и свободы людей и граждан РФ, обрисован конституционный строй, то есть общие правила взаимодействия экономики, обрисованы принципы, по которым осуществляется жизнь в стране, закреплены свобода слова и различные как я уже сказал права на жизнь, на образование, на труд и прочее. А соответственно, вторая часть уже более конкретная там перечислены положения, характеризующие государственные институты основные – президент, Федеральное Собрание РФ, Прокуратура Суды – то есть указаны общие базисные основы того, как строятся эти органы, как взаимодействуют между собой, их функции, полномочия указаны, «рамочно» естественно, и иерархическое взаимодействие, приведены некие рычаги сдержек и противовесов, то есть я не могу постатейно прокомментировать, но такие вот помню положения Конституции.

П: Хорошо, а какой вопрос был? То, что ты назвал это основы конституционного строя?

И: Ну, основы конституционного строя формально, это все, что я назвал до устройства государства. Это вот основные права и свободы человека.

П: Я поняла тебя. Назови тогда основные принципы государственного устройства, которые тебе известны. Политический режим, форма правления, форма территориального устройства.

И: Хорошо, да, основной принцип, который приходит на ум, что Россия и РФ это тождественные названия и принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, при арбитраже президента.

П: То есть политический режим у нас демократический, правильно?

И: Да, форма устройства – федеративная, форма правления – это президентская... парламентаризм. Или парламентская или президентская...

П: Какая у нас форма правления?

И: Вообще республиканская...

П: Да. А республика у нас какая?

И: Президентская...

П: Ты назвал президентская, назвал парламентская, может быть все-таки смешанная? Какая у нас республика?

И: Президентская ... (сомнение) Возможно, чуть-чуть подмешенная. Затрудняюсь...

П: Затрудняешься? Хорошо, ладно. Мы же не на юридическом экзамене.

И: Это не экзамен по конституционному праву? (смеется)

П: Нет, это всего лишь то, что все школьники изучают на обществоведении, согласно ФГОС.

И: Да, да. Еще федеративное устройство у нас.

П: Очень хорошо, а какие ты еще виды территориального устройства знаешь помимо федерации?

И: Унитарное, конфедеративное

П: Так, хорошо. А слышал когда-нибудь о том, что Россия правовое государство?

И: Правовое, светское. Да, в Конституции закреплено, что у нас светское государство.

П: А что такое правовое государство?

И: Хм, я полагаю ... затрудняюсь четкое дать определение, вряд ли его где то и встречал. Это такое государство, где уважается и действует закон. Работают законы. Не просто там формально и номинально есть.

П: То есть взаимодействие в обществе строится на основе именно действия нормативных актов?

И: Да.

П: Основной регулятор общественных отношений – право.

И: Да, да, точно. Основной регулятор это право, а не как там, допустим, ну в этих... религиозные... Не шариат, не раввинат. Именно Конституция. Прямо произношу когда слово Конституция порывает встать и выпрямиться. И смотреть на флаг. Которого у тебя нет нигде.

П: Ни флага, ни портретов президента и премьера здесь нет, ты прав.

И: Послушай, ну ты ведь не обязана атрибуты государственной власти у себя в кабинете иметь.

П: Вот. И прекрасно. Тебе известно, что согласно Конституции является высшей ценностью?

И: Да, высшей ценностью в Российской Федерации согласно Конституции признаются права и свободы гражданина.

П: Не человек, его права и свободы, да? А именно гражданина?

И: Человека и гражданина.

П: Там на самом деле вообще речь только о человеке, не гражданине... А как ты понимаешь вообще данную норму?

И: Как понимаю данную норму? Ну это определено, чтобы дистанцироваться от некоторых там фашистских строев, где высшей ценностью провозглашается благо государства, или социалистических строев, где высшая ценность благо трудового народа. То есть наносится классовый мазок. Трудовой народ, а не буржуазный там народ. Ну и, кстати, важное положение Конституции, что существует в Российской Федерации приоритет международного права перед национальным. Тоже закреплено.

П: А что является, или кто является источником власти в РФ?

И: В РФ единственным источником власти является суверенный народ, который волеизъявляется посредством выборов и участия в общественной и политической жизни.

П: Наряду с выборами можешь еще какие-то формы непосредственной демократии назвать?

И: Непосредственной демократии? Ну, слушай, непосредственная демократия это какой-то правовой термин, я с ним не знаком. Если так брать по-житейски, то наверное участие в политических партиях, работе СМИ, собираться мирно без оружия, всякие митинги, забастовки, пикеты, это в том числе обращения к своим представителям в парламенты различного уровня, выступать с законодательной инициативной. Но это уже не столько непосредственно, сколько опосредованно. Ну, как-то так.

П: А референдум?

И: Ну референдум, если президент объявит, то да. Это не то, что выборы, но тоже голосование.

П: Референдум это форма непосредственной демократии?

И: Да.

П: А местное самоуправление?

И: Местное самоуправление? Ну я не знаю... Как бы демократия и местное самоуправление... Нет, я не знаю, как местное самоуправление устроено по большому счету.

П: Можешь назвать, как представлено территориальное устройство РФ? Ты назвал, что оно федеративное, что это значит?

И: РФ в рамках своей государственной земельной, воздушной и морской границы поделено на административные ячейки, которые называются там либо округа, либо области, края, республики, ну там один округ. Нет, одна автономная область (еврейская, Биробиджан столица). Ну, в общем, представлены там различными субъектами федерации. И соответственно в каждом субъекте Федерации своя Конституция или Устав, в зависимости от субъекта Федерации, свой глава исполнительной Власти (там президент республики Татарстан или Губернатор Алтайского края), соответственно так вот представлено территориальное устройство, границы административные, но все они как – бы при этом в рамках единого правового поля.

П: Можешь пояснить, чем обусловлено такое территориальное устройство?

И: Ну, Россия это большая страна, занимает 1/6 часть суши и централизованное управление это, конечно, не совсем удобно даже с учетом развития средств телекоммуникационных. На тот период, когда это все создавалось (еще при СССР или даже раньше все эти округа там создавались), чтобы какие-то вопросы могли компетентные люди разрешить на местах, а не из центра. При этом, еще с учетом каких-то культурных особенностей и традиций. В той же самой налоговой политике, в той же самой управленческой политике. Как то так. Для удобства и эффективности управления.

П: Хорошо, можешь прокомментировать такое положение Конституции: «Россия – это светское государство».

И: Да, его суть в том, что религия отделена от государства и никакие религиозные объединения не могут вмешиваться в государственную власть. При этом любые религиозные объединения у нас разрешены. То есть плюрализм, можно сказать. Если это не сопутствует там экстремизму и прочим..., то пожалуйста, хоть сотня религий. Но ни одна из них при этом не может быть вкраплена в институты государственной власти. Религия, конечно, может влиять на жизнь общества и повлечь определенные последствия...

П: Но никакой официальной религии нет?

И: Официальной религии нет.

П: А что означает принцип социального государства? Россия – социальное государство. Как ты это понимаешь.

И: Этот принцип означает, что государство берет на себя обязательство по поддержке определенных групп населения. То есть, которые по тем или иным причинам не способны вести такую полноценную жизнь в силу возраста или здоровья (инвалиды, пенсионеры). Так же поддержка государством образования, здравоохранения. То есть человек не должен отдельно заморачиваться, чтобы ребенок получил образование. Конечно, может выбрать школу получше, или отправить ребенка учиться за границу. Но если я не хочу специально этими вопроса заниматься, то мой ребенок сможет получить гарантированно от государства образование. Если я заболю, меня... ну как вылечат... не дадут

умереть. Соответственно каждый не сам себе в плане выживания предоставлен. А государство берет на себя определенные обязательства, которые вот так в рамках государственной политики очерчены.

П: А какой у нас экономический режим?

И: Рыночной экономики.

П: А государственная идеология есть?

И: Вообще официальная государственная идеология запрещена. Но тут не стоит путать, это не мешает иметь определенный государственный курс развития. Гос ориентиры. Надо понимать, что идеология это нечто такое уже более авторитарное.

П: В чем проявляется у нас в государстве политическое многообразие? Как проявляется идеологический и политический плюрализм?

И: Ну взять, допустим, историю новой конституционности, Ельцин издал указ запретить коммунистическую партию, но Конституционный Суд вынудил его этот указ отменить, то есть даже президентские полномочия не помогли запретить коммунистическую партию. Может быть, этот запрет был и по политическим мотивом, но, в целом, наличие представительства идеологии коммунизма, а коммунизм это идеология. Политическое представительство идеологии социализма, либерализма, идеологии как ее – у «Едра» там что у нас – неважно. Суверенная демократия? Хочешь суверенной демократии – флаг тебе в руки...

П: Да, сегодня в парламенте представлены несколько различных идеологий. Пожалуйста, выбирайте любую, голосуйте.

И: Ну по сути, можно оставить одну, остальные закрыть.

П: А с чем это связано, как ты считаешь? Все-таки у нас политический и идеологический плюрализм существует юридически, а фактически, на деле, получается, что приоритет отдается одному из направлений. Здесь кто виноват, государство или народ?

И: Ну он вообще то и на деле существует, плюрализм. То есть коммунисты могут «топить» за коммунизм без вопросов. Но на деле проявляется эффективно

не идеологическая, а организационная, функциональная составляющая. Тут идеология, конечно, может быть достаточно мощным содержательным составляющим, как показывает история, но на деле люди особо не задумываются о сути идеологии, идеологических метриках. Все идет прагматично.

П: Хорошо, спасибо. Как ты понимаешь следующее утверждение – конституция имеет высшую юридическую силу. Что это значит?

И: Это утверждение определяет место Конституции в иерархии нашей правовой системы, означает, что никакой из других законов не может ей противоречить, ее положения являются уже определяющими для всей остальной системы права.

П: А как ты себе представляешь иерархию нормативных правовых актов? Систему права в России вообще как представляешь?

И: Высший нормативный акт это Конституция, дальше за ней следует кодексы как свод законов, далее законы как просто федеральные (далее в тексте – ФЗ), так и федеральные конституционные законы (далее в тексте – ФКЗ). Федеральные и ФКЗ они, по большому счету, считаются на одинаковой ступени по юридической силе, ФКЗ с учетом более сложной процедуры принятия и отмены считается помощнее. Но, насколько мне известно, нет даже четкого определения, какой закон использовать в сфере регулирования общественных отношений, ФЗ или ФКЗ, то есть считается, что ФКЗ они такие более важные сферы регулирования охватывают. Дальше идут подзаконные акты. Под законами, соответственно. Дальше, указы и распоряжения Президента. По юридической силе их относят к подзаконным актам, потому что они не должны противоречить ФЗ, но случается, что Указы президента выполняют законозаменяющую функцию, то есть восполняют пробелы в правовом регулировании, до той поры пока эти пробелы не будут восполнены законом, который уже сведет на нет указ президента. Дальше идут различные нормативные акты уже органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления. Ну как-то так.

П: А международные акты где?

И: Международные акты... Трудный вопрос.

П: Просто ты сам до этого сказал, что в Конституции закреплён примат норм международного права. Получается, в системе иерархии правовых актов где будут эти нормы? Большую они будут иметь юридическую силу или меньшую, чем нормы Конституции и федеральных законов?

И: Ну, вообще дело такое. Чтобы норма международного права обрела на территории нашей страны юридическую силу, она должна быть ратифицирована, то есть принята. Это особенная очень сложная процедура. И если на этапе ратификации, она противоречит конституции, то ее в принципе конституционный суд отклонит, и она не станет частью правовой системы национальной. Таким образом, любые нормы международного права, которые приняты РФ, они не противоречат Конституции и в этом смысле они под Конституцией.

П: Ты как-то так назвал кодексы отдельно от других федеральных законов по юридической силе. Разве кодекс по юридическому статусу это не федеральный закон?

И: Да, это федеральный закон, просто особенным образом систематизированный (кодифицированный) и регулирует широкую сферу общественных отношений, более обширные пласты.

П: Так, хорошо, ну а относительно статуса ФКЗ и ФЗ ты все-таки заблуждаешься, ФКЗ по своей юридической силе выше, чем ФЗ.

И: Да, может быть.

П: Скажи, пожалуйста, те принципы государственного устройства, которые мы обсудили сейчас, я вижу, ты достаточно хорошо и грамотно владеешь основными положениями Конституции... как считаешь, на практике в правоприменении существуют противоречия данным положениям и принципам? Соблюдаются ли основные положения Конституции, или она носит исключительно декларативный характер? Какие ты явные можешь назвать противоречия основным конституционным принципам?

И: Трудно сказать обзорно. Тут по каждой норме можно отдельно рассуждать. И по поводу «светскости», когда президент там к мощам

прикладывается, и в плане федеративности – да, соблюдается. Как бы я даже не знаю прецедентов... В плане правового – свод уголовного законодательства или административного где-то соблюдается, где-то не соблюдается.

П: Ты можешь дать некую общую оценку все же? Ну например, что Конституция у нас эффективна. Или, напротив, неэффективна, и на деле все по-другому. Что никакое у нас не правовое государство, так как органы власти сами закон не соблюдают и не уважают, да там... Что юридически смешанная республика, а по факту президентская...

И: нет, не, нет... В целом, да! Я считаю, что в целом соблюдаются конституционные положения. То есть какие-то уже отдельные вещи это уже исторический срез. Нужно быть очень наивным, чтобы ожидать, что... Потому я и говорю, что право – это несколько идеализированный образ. Мы в нормах закрепляем не только то, как мы живем, но и как мы хотим жить и к чему стремимся.

П: Пожалуйста, обозначь кратко, схематично, как устроена власть у нас в стране.

И: Власть разделена на три ветви: законодательная, исполнительная, судебная. Ни к одной из этих ветвей не относится президент, как своеобразная «над» стоящая структура, обладает полномочиями по взаимному урегулированию возможно возникающих противоречий, представляет функцию главы государства. Законодательная власть представлена Федеральным собранием, которая состоит из двухпалатного парламента – Государственная дума (нижняя палата) и Совет федерации (верхняя палата). Также законодательная власть представлена в субъектах РФ, это различные Законодательные собрания, съезды, парламенты те же самые и прочие подобные органы, которые издают нормативные правовые акты локального значения.

П: Наверное не локального? Локальные акты это акты органов местного самоуправления. Хотя, если употреблять «локальный» в широком смысле...

И: Дальше, исполнительная власть представлена Правительством РФ, у Правительства есть премьер-министр. Исполнительная власть и правительство

более всего подчинена президенту. Он может председательствовать на заседаниях Правительства, предлагать кандидатуру премьер – министра, президент может распускать Правительство. И многие кадровые вопросы в ведении Президента. Правительство делится на министерства, например здравоохранения, финансов, юстиции и прочее. Это федеральный уровень. По субъектам федерации тоже есть различные правительства, администрации и прочее.

П: Скажи, пожалуйста, как соотносятся по статусу законодательная и исполнительная власть? Какая ветвь главнее?

И: У них нет приоритета, какая из ветвей более важная и главная. Каждый из органов выполняет свою определенную функцию.

П: Ты мог бы в простой форме, как для первоклассника объяснить, чем занимается законодательный орган власти, а чем исполнительный. Какие у них задачи?

И: Ну да. Законодательный орган говорит, какие предметы ты будешь изучать в школе, а учителя непосредственно тебя учат – они исполнительный орган.

П: Ну то есть юридической точки зрения у законодательного органа задача в чем?

И: Принятие законов.

П: А у исполнительного?

И: Претворение законов в жизнь...

П: А народ выражает волеизъявление свое посредством какого органа в большей степени?

И: Посредством представительного органа власти, то есть законодательного. Народ ведь выбирает туда своих представителей (депутатов) в парламенты различных уровней.

П: Потому он и называется представительный, да? Такова его природа – представлять интересы народа.

И: А как ты считаешь, чем обусловлен такой вот «перекос» в правоприменительной практике в сторону исполнительной власти? Ей как-то присваивается больший авторитет, значимость... Почему так происходит?

П: Тут происходит своеобразное сращивание, когда законодательная власть выступает как обслуживающая исполнительную власть, то есть закреплять законодательно те тенденции, которые удобны чиновникам, непосредственно функционерам, манипулирующим жизнью общества. Тогда да, тогда существует такой перекос. Чем это объясняется? Ну... Общая конъюнктура это партийное сращивание, приоритет одной политической силе. Ну и потом Правительство под влиянием Президента находится, а он пользуется большим авторитетом, поэтому получается, что это существенно усиливает исполнительную власть – авторитет лидера.

И: Скажи, пожалуйста, как губернатор Алтайского края может оказывать влияние на депутатов АКЗС, с юридической точки зрения?

П: Никак. Его взаимодействие с представительным органом может выражаться в обращениях, запросах, а также отчетах перед законодательным органом. Отчитываться должен он перед депутатами. А не так, как сейчас происходит – когда все перед ним по стеночке ходят, по струночке...

И: Ну да, сегодня как раз по стеночке и ходят... Чтобы не да Бог не вызвать гнев. Ну ладно. Скажи, а местное самоуправление (далее в тексте – МСУ) как представлено? Как на местном уровне организована власть, можешь рассказать? Какие органы существуют? Входит ли МСУ в систему органов государственной власти?

И: Я очень плохо знаком с этим вопросом. Точно знаю, что МСУ не входит в структуру органов государственной власти, занимается такими вопросами муниципального характера, как например вывоз мусора, школы, детские садики, ЖКХ вот. Обслуживанием населения. Обеспечение потребностей, наиболее близких к жизни населения. Клубы, спортивный досуг. Органы МСУ выбираются населением на своей территории из близкого круга. То есть идея такая, что люди, выбирают тех, таких крепких хозяйственников, грубо говоря, прям соседа, если

это сельсовет там, да, который зная потребности и особенности, будет уже осуществлять полномочия. Здесь очень важна именно активность граждан. Близкий орган к людям. Люди знают район свой, не надо «гипермасштабное» мышление, надо прислушиваться к нуждам соседей. Подразумеваются общественные слушания там, но не очень это развито у нас. Люди предпочитают лучше в кинотеатры ходить и «шопиться».

П: Скажи, пожалуйста, а тебе нравится город, в котором ты живешь?

И: Да, вполне.

П: А как ты считаешь, благосостояние города, благоустройство территории, комфорт городской среды, ее развитие, от кого в большей степени зависит? От граждан или от власти?

И: Вообще, в идеале, населению, стоило бы свой дом, в котором они живут, облагораживать. Это в идеале. Но по сути это отдано на откуп властей. И любые поползновения в этом направлении они выглядят как подачки. Подачки от власти. Если сделали что-то ну и хорошо. А на бытовом уровне людьми это так воспринимается, что еще и денег «попилили», пока делали.

П: А ты лично можешь как то повлиять на развитие комфорта в нашем городе?

И: Лично да. Если я приложу свои усилия, время, инициативу – то да, я смогу повлиять.

П: А в каких-то твоих действиях твоих повседневно проявляется?

И: Ну, начнем с того, что я стараюсь не ухудшать комфорт в своем городе, что считаю немаловажно. Там фантики не бросать мимо урны. Если бегу в лес на пробежку, то могу на обратном пути мусор пособирать и бежать с мешком, допустим. Обращать внимание, если поправить надо что-то или починить. Такой частного рода субботник. Ну и сами массовые мероприятия субботники распространенная инициатива. Но это так, по ходовой. Такая пассивно-активная форма. Прямо вот активной формы у меня нет.

П: А ты как-то стараешься взаимодействовать с органами власти и МСУ, или избегаешь этого взаимодействия, стараясь решить вопросы без их участия?

И: Скажем так, мне на ум не приходят ситуации, когда у меня был бы выбор обратиться мне в органы власти, или решить вопрос самому. Пока не было таких ситуаций. Может, я не достаточно осведомлен о компетенции местных органов власти.

П: Хорошо, но ты обращался когда-нибудь с жалобами, заявлениями, какими-то ходатайствами в органы власти?

И: Нет... Бывало желание там навести шорох. Но нет, по факту не было такого.

П: Ясно, спасибо. Следующий блок наших вопросов будет посвящен правам человека и гражданина. Ты сам в начале нашей беседы обозначил, что знать их очень важно и нужно. Как раз-таки к этой теме теперь и хотелось вернуться. Какие тебе известны права и свободы человека и гражданина?

И: Самое первое из всего перечня на ум приходит право на жизнь. Жизнь нельзя отнимать. Право на свободу. Выражается в праве свободно передвигаться. Лишение этого права, как правило связано непосредственно с ограничением свободно передвигаться. Право на личную неприкосновенность, там сексуальную, в том числе телесную. Право на тайну личной жизни, в том числе больничную. Право на свободу переписки. Высказывание своего мнения. Придерживаться любых взглядов, воззрений, незапрещенных законом. Право на судебную защиту, здоровье, трудоустройство, благоприятную экологическую среду, право на жилье, на образование, национальное самоопределение. Ну, вот так в общих чертах.

П: Равенство перед законом и судом...

И: Да.

П: Ну, молодец. Почти все назвал.

И: И сколько я назвал в процентах?

П: Видишь, ты достаточно свободно формулируешь, поэтому сложно сказать. Не назвал право на свободу совести, доступ к культурному наследию, право обращения в органы государственной власти, доступ к осуществлению власти – право избираться и быть избранным в органы государственной власти, презумпцию невиновности, право вести предпринимательскую деятельность,

право на достоинство личности, вероисповедания, право на свободу объединения не назвал.

И: Право частной собственности еще не назвал.

П: Да, право частной собственности.

И: Вот, по большому счету, те права, которые мной не названы. Опять же если говорить о том, соблюдается у нас конституция или нет. Эти права настолько въелись в сознание, настолько нам естественны, что мы даже их не замечаем и специально не думаем, что эти области нуждаются в каком-то там правовом регулировании. Для нас совершенно естественно, и не может быть иначе, что, например, на государственном уровне может быть дискриминация (как это еще сто лет назад там было с теми же евреями), или цензура, той же самой там переписки. Насколько нам сейчас все естественно, что кажется, ой, как же могло быть иначе. А на самом деле еще как может. Вспомнить только стоит историю и как общество развивалось.

П: Конечно, да. Даже далеко не ходить и обратиться к истории советского времени – право на свободу труда и право на труд – две совершенно разных юридических категории содержательно.

И: Как выражение в праве советском – статья за тунеядство. Или статья за гомосексуализм...

П: Хорошо. Возьми, пожалуйста, снова листок бумаги, и напиши ассоциации к следующим словам. Как ты их понимаешь. Достоинство, честь, воля, независимость, общественный договор, ограничение, принуждение.

И: Достоинство – признание индивидуальности, суверенности;

Честь – соответствие моральным ориентирам;

Воля – ресурс влияния;

Независимость – самостоятельность;

Общественный договор – система взаиморегулирования прав и обязанностей;

Ограничение – сдерживание рамками;

Принуждение – давление.

П: Сейчас я попрошу тебя прокомментировать права и свободы человека и гражданина, которые закреплены в Конституции. Все мы их обсуждать не будем, приведу тебе несколько положений выборочно. Хорошо? Давай начнем. Как ты понимаешь следующее утверждение: «Основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат человеку от рождения»

И: Означает, что права и свободы не нужно каким-либо образом заслуживать, и невозможно на основании некоторых действий их утратить, в той форме, в которой они закреплены и описаны.

П: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

И: Это очень тонкое, на самом деле, понятие... Определить эту грань, там где права и свободы другого начинаются, мои заканчиваются.

П: Ну да, собственно, если в философию права углубляться, то в этом вся его суть и состоит, как свою внутреннюю безграничную свободу во внешнем проявлении можно выразить...

И: Это, в частности, уже означает некое ограничение вседозволенности. Устанавливаются уже определенные рамки. Есть определенный ореол прав. И у другого человека есть этот ореол прав. И они у вас равнозначны. Есть некие, несомненно, особенности. Но ведь, в целом, права и свободы равнозначны. Не берем отношения особые, где речь о субординации и соотношении общественного и личного интересов.

П: А как ты считаешь, в правовых актах как отражен приоритет общественных интересов над субъективным, или наоборот, субъективного над общественным? То есть если говорить о некотором балансе прав и обязанностей, что превалирует?

И: Трудно сказать вот так без анализа... Если на вскидку, то мне кажется, что субъективный интерес в приоритете. Даже если следовать логике, которая закреплена в правовых актах, то там закреплены сначала интересы, которые относятся к субъективным. Жизнь, здоровье и потом все остальное уже... Ну, если я правильно понял.

П: Как ты понимаешь следующую фразу: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников».

И: В первую очередь, следует понимать, что «свидетельствовать» это юридическое понятие – предоставление информации в рамках определенных процессуальных действий, связанных, как правило, с правонарушениями. Следовательно, в законе закрепляется обязанность свидетельствовать, если имеет место о чем свидетельствовать. То есть отказ о дачи свидетельских показаний и дача заведомо ложных показаний считается противоправным поведением и формально преследуется по закону. Фактически не совсем, но формально преследуется по закону. Таким образом, эта норма Конституции позволяет не распространять обязанность свидетельствовать против себя и своих близких. Это не означает, что ты лишаешься права свидетельствовать. Просто тебе предоставляется выбор. Если против соседа ты обязан свидетельствовать, то против супруга ты можешь свидетельствовать, а можешь и нет. То есть предоставляется некий выбор. Чтобы не было, во-первых, моральных страданий. Во-вторых, законодатель понимает, что он может обязать свидетельствовать против близких, но тогда будет очень велика вероятность лжи.

П: А как законодатель может обязать, если это конституционная норма?

И: Нет, ну если предположить, что нет такой нормы в Конституции. Все же понимают, что мама против своего ребенка не будет свидетельствовать, например. Будет выгораживать его. Смысл. Или сам против себя человек.

П: То есть здесь в правовых нормах четко прослеживаются психологические аспекты.

И: Да, конечно. Ну или вот, например, против друга свидетельствовать. Я по закону и обязан. Но ведь я могу сказать, что не помню каких-то обстоятельств, о которых не хочу говорить... Все это достаточно так обтекаемо. Но сам факт наличия этой нормы в законе показывает отношение законодателя вообще к институту семьи с моральной точки зрения.

П: Спасибо, очень содержательные у тебя все ответы. Достаточно глубокие, что отражает, в принципе, твой широкий кругозор. Как ты считаешь, вот из

перечисленных тобой прав и свобод человека и гражданина, которые ты обозначил, какие наиболее значимые?

И: Самые важные вообще или для меня?

П: Если ты разделяешь, то назови и вообще и для тебя...

И: Надо понимать, что это же зависит от ценностей человека. В зависимости от ценностей, какими-то правами он будет пользоваться, а какими-то нет. Вообще значимо право на жизнь, конечно, потому что без этого права остальные не реализуются. Право на свободу. Потому что птичка в золотой клетке чахнет... Право на свободу совести считаю важным. Что никто не может мне навязывать ни религию... Ну опять же, это уже лично для меня. Вообще для людей скорее важны там право на образование, на медицинскую помощь – то, что позволяет биологически существовать. Право на труд. Лично для меня в приоритете право на жизнь, право на свободу, право на свободу совести, право на тайну личной жизни, в том числе переписки и так далее. Ну, пожалуй, частная собственность тоже. Привык. Но если не будет частной собственности, сильно я не расстроюсь.

П: Можешь ли ты пояснить. Ты сказал, что значимость конституционно закрепленных прав и свобод как-то соотносится с ценностями. Правильно ли я понимаю, что за каждым правом, закрепленным в Конституции, стоит некоторое общественное благо?

И: Да, конечно, я так понимаю. Даже взять основное право на жизнь. Если бы мы жили в Японии, когда существовали там, допустим, камикадзе. Или возьмем их «Северный ветер», которые специально воспитывались таким образом, что шли на бой, шли на таран, чтобы поразить противника, но и убить, тем самым, и себя. Топлива в их самолетах было только, чтобы долететь в один конец и там взорваться. Помнишь да, Перл Харбер? Как американцы допустили то, что их японцы разбомбили. Чтобы долететь до цели, надо ведь топлива не только чтобы долететь, «побомбить» и вернуться. А они были на таком расстоянии, что вернуться не возможно. У американцев в голове не укладывалось, что японцы могут прилететь, разбомбить и не возвращаться назад. То есть лететь

осознанно на гибель. Эскадрилья летит и летит в один конец. Вот представь, было бы у нас сейчас государство какое-нибудь милитаристическое. Сектантского типа. Зачем там право на жизнь? Будет тебе право на героическую смерть. Это ведь тоже крутое право. Представляешь, в конституции закреплено право на героическую смерть. Ну ты спартанец такой. В спартанской конституции вполне такое право могло бы быть. Ты рождаешься, чтобы умереть героем. Что это, если не определенные ценности. И государство тебе поможет в этом.

И: Я не знаю, смогу ли я обеспечить тебе счастливую жизнь, но пышные похороны вполне, так? Интересная идея, да, весьма. И опять же культурно-исторический аспект здесь имеет особенное значение.

П: Конечно. Мы же привыкли жить в правовом государстве, европейского типа. А взять шариат, или что я вспомнил раввинат, или африканские государства с королями людоедами. Там ведь все совсем иначе. И, ничего, живут, и ведь счастливо, наверное, себе живут. В их картину мира это вписывается. Право и культура и исторический контекст – все взаимосвязано.

И: Как считаешь, от чего зависит соблюдение, либо несоблюдение основных прав?

П: Кто субъект?

И: В целом, в государстве от чего зависит, соблюдаются нормы или нет? От правосознания индивидуального, или от государственной власти?

П: Ну вот я и уточняю, кто субъект. Если речь о гражданах, не причастных к властным структурам, то тогда в широком смысле это зависит от их воспитания. В том числе и воспитания правосознания. А если речь о чиновниках – мелких или крупных чиновников, то там тоже имеет значение воспитание, правосознание, но там еще и дисциплинарные какие-то вещи примешаны. Дисциплина, подчинение. Если простой человек волен выбрать совершить или не совершить кражу, допустим. То чиновник, не просто выбирает совершить или нет действие или бездействие, но еще и подчиниться или нет воле вышестоящего лица. Соответственно, качество государственного аппарата определяется личными качествами чиновников, где публичный интерес должен быть в приоритете над

личным. И конечно, мелкий чиновник с сомнительными нравственными качествами на невысокой должности будет причинять государству вреда больше, чем обычный гражданин. И еще больше, если будет во власти на высокой должности – руководителем. Вовлечет в свою противоправную деятельность еще и подчиненных, вероятнее всего.

П: То есть ты считаешь на правопорядок влияют именно личные качества и ценности?

Л: Да, конечно.

П: И если в гос структуру попадает лицо, которое склонно к противоправному поведению это окажет функционированию государства особый вред?

Л: Само собой. С этим связаны и определенные ограничения, связанные с запретом доступа к государственной службе ранее судимых лиц, и ограничение пассивного и избирательного права в том числе. То есть это же доносится идея законодателя, чтобы не допускать к высоким должностям лиц, которые позволили себе... «спалиться».

П: И проявить безответственность, да? Спасибо. Мне кажется, если бы у всех граждан было настолько глубокое правопонимание, качество жизни в обществе бы существенно выросло. Приятно с тобой общаться, спасибо.

И: Вот сейчас я с твоим мнением всецело согласен.

П: Как считаешь, современному человеку насколько необходимо осознавать свои права? Или можно прекрасно жить, этим себе голову не загружая?

И: Ну скажем так, в процессе жизни и деятельности, жизнь все равно перед тобой поставит эти вопросы и необходимость знать свои права. Другое дело, ты будешь о них знать в той мере, насколько они нормативно закреплены (или там в обычаях), и другое дело если они отображаются в общественных взаимосвязях. Ну дети в группе садика примерно вот знают, что нельзя горшками бить друг друга по голове, или кашей кидаться за обедом хотя весело, но ребенок не знает о праве другого ребенка на личную неприкосновенность и охране здоровья. Не понимает, что получив железным горшком по голове, это его право личной

неприкосновенности будет ущемлено. Но вот в процессе формирования он моделирует поведение. В дальнейшем, при возникновении внутренних противоречий, которые противоречат принятым нормам, начинается такое развитие, когда думаешь – очень хочется дать Пете горшком по голове. Но нельзя. Может это сделать, пока воспитатель не видит? И это вот все идет... И ладно у ребенка в детском садике. Но и у взрослого. Постепенный такой вот процесс узнавания своих прав. И свобод, в том числе. Это можно сказать такой процесс сложный. Пожизненный, долгоиграющий. Если не брать там случаи, когда это профессиональный вопрос и люди его специально изучают, в него углубляясь.

П: Спасибо. А как представлена система российского права. Тебе отрасли права известны?

И: Ну да, отрасль права это такая группа норм... с функциональным единством. Включает нормы, которые регулирует большой пласт общественной жизни, приблизительно функционально идентичный. Надо понимать, что понятие это нечеткое. Нет демаркационной линии – здесь вот кончается одна отрасль и начинается другая. Есть смежные нормы, есть межотраслевые какие-то отношения. Если говорить об отрасли. Например, трудовое право. Регулирует отношения в сфере деятельности работника и работодателя. Или семейное.

П: Перечисли, какие тебе известны отрасли.

И: Раз уж начали, трудовое, семейное, муниципальное, международное, уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское, гражданско-процессуальное, финансовое, административное.

П: А такая вот основная, большая отрасль, которая дает жизнь другим отраслям?

И: Конституционное.

П: Да. Спасибо. А можешь привести пример, ты сказал, что отрасль регулирует однородную группу общественных отношений.

И: Да, да, однородную.

П: Связанную общим предметом. Можешь привести пример какого-то одного общественного отношения, и назвать отрасль, в предмет которой оно

входит. Ну, например, пошел купить булку хлеба в магазин – совершил мелкую бытовую сделку, заключил в устной форме договор купли-продажи. Отрасль гражданского права. Пошел через дорогу на красный свет, какая отрасль права?

И: Административная отрасль.

П: Пошел заключать трудовой договор.

И: Трудовое право.

П: Передумал вступать в трудовые отношения, решил просто заключить договор подряда.

И: Это гражданско-правовая сфера.

П: И не выполнил заказчик по договору подряда условия оплаты договора, решил ты составить претензию ему и потом обратился в суд.

И: Уголовное?

П: Ты составил исковое заявление в суд... Разве это уголовные правоотношения?

И: Исковое заявление... не знаю административное?

П: Ну почему? Порядок составления, подачи по подсудности территориальной в суд искового заявления, какой отраслью права регулируется? Что это за отношения?

И: сложно сказать...

П: Это гражданско-процессуальные отношения. Сама процедура восстановления прав нарушенных. Пришел в суд, права обязанности, как участника процесса судебного.

И: А, точно да. А есть вот это специальное, арбитражное право?

П: Да, есть, конечно. А какая тебе отрасль права кажется наиболее важной и значимой?

И: Конституционное.

П: Почему?

И: Потому что это родоначальник остальных отраслей. Определяет принципы устройства всех остальных отраслей права в РФ. Соответственно, если брать иерархию законодательства, Конституция – это высший закон.

П: А можешь назвать, какие принципы, закрепленные в Конституции относятся к уголовному праву?

И: Ну, наверное, принцип презумпции невиновности. На нем строится уголовное право. Или право на частную собственность защищается уголовным законом. Или право на жизнь.

П: Да, ты прав, фактически все ценности, которые в Конституции закреплены, охраняются уголовным законом. А знаешь ли ты какие-нибудь пословицы, поговорки, известные изречения о праве и законе?

И: Самая популярная, которую я слышал, но она мне не нравится – сразу скажу «закон – что дышло, куда повернешь – туда и вышло». Я не знаю, что такое дышло. Но понимаю смысл темы. Или такая формулировка, часто употребляется «незнание закона не освобождает от ответственности».

П: Да, ты еще в начале добавил «А знание освобождает», да?

И: Есть такое продолжение... Даже на ум больше не приходит.

П: Давай я тебе приведу несколько, а ты их прокомментируешь, хорошо?

И: Давай. Или можешь сказать начало, а я прокомментирую.

П: «Дуракам закон не писан». Что скажешь? Относится вообще к нашей правовой реальности?

И: Вполне! Ну это означает, что несмотря на важность закона в современной жизни и прочное положение права, если у человека не достаточно развито... Если не достаточно человек развит, в том числе интеллектуально – ну, то есть дурак, да, то он не сможет применить, воспринять эти нормы и ими руководствоваться. Тут как раз речь о правосознании. Не в законе дело, а в субъекте.

П: Как в носителе правосознания... Хорошо. «Не всякий судит по праву, иной по нраву».

И: Впервые слышу. Это относится к субъективному восприятию права. Когда правовая норма воспринимается... точнее, противоправное поведение воспринимается справедливым и входит в конфликт с тем, что диктует правовая норма. Или правовая норма воспринимается устаревшей, неправильной.

П: «На то и закон, чтоб его обойти».

И: Хах. Тоже впервые слышу. Подразумевает, наверное, что если есть закон, то есть и пути его обхода...

П: «Закон что паутина, муха увязнет, а шмель проскочит».

И: Мммм... Ну я так понимаю, что муха и шмель это опять-таки весовая категория субъекта правоотношения. Если есть определенные ресурсы, то в определенных условиях правовых и закон не помеха.

П: А сам ты как к этой поговорке относишься? Негативные она у тебя эмоции вызывает, или ты считаешь, что в целом это нормально?

И: Скажем так, она имеет отражение в реальности, негативно или положительно... Это как относиться к тому, что дождь идет. Просто это имеет место. Хотелось бы, в идеале, чтобы не было так. Но надо как-то иметь в виду такую реальность.

П: «Законы – миротворцы, да законники – крючкотворцы»

И: Еще раз?

П: Повторяется поговорка.

И: А, ну... законники крючкотворцы... Видимо, речь о соответствии духа закона и буквы закона. Соответствие той ценности, идеальной модели отношений и поведения, которая заложена в закон, и ее воплощения в формальном виде и в виде правоприменения. К сожалению, не всегда закон достигает своей цели высокой, ради которой был принят и используется. Вот о чем речь.

П: Как ты относишься к высказыванию Александра II, который активно занимался правовым просвещением и даже Конституцию хотел принять, о том, что «Все страны живут по законам, а Россия по пословицам и поговоркам»?

И: Ну, во-первых, это вечное противопоставление везде хорошо, а у нас по-своему... не особо... Далеко не все страны живут по закону. Тут скорее, я понял, о чем речь. О том, что в России своеобразный симбиоз. Не прослеживается глубокое понимание закона и мировоззренческая такая интерпретация закона идет. И часто особо одаренные люди настолько увлекаются, что вообще

расходятся с пониманием закона. Могу сказать, что сейчас можно иначе выразиться сегодня: «все страны живут по закону, а Россия по понятиям».

П: А как ты считаешь, обязательно ли вообще соблюдать закон? В каком случае его можно нарушить?

И: Формально закон соблюдать обязательно. Государство обязывает это делать.

П: Для тебя лично. Когда ты можешь закон не соблюсти?

И: Скажем так, когда я четко осознанию ситуацию. У меня есть выбор в своих действиях, осознанно выбираю. Есть же еще такое понятие вины, да? Мое личное отношение к действиям, бездействиям, которые я осуществляю. Как личность на своей чаше весов взвешиваю те общественно опасные последствия, которые наступят или могу наступить, и те блага, выгоду, которую я приобрету от нарушения закона. То есть что мне даст это нарушение. Последствия, которые я для себя обозначаю как более значимые, чем общественно опасные. У каждого есть такая чаша весов... Ну или может не у каждого. Если осознавать, вдумываться в свои действия, то она обязательно присутствует. Ты взвешиваешь. Оцениваешь последствия. В общем, это нельзя, но в какой-то ситуации ты допускаешь, что можно и оцениваешь степень своей ответственности и готовность ее понести. Возьмем, допустим, государства авторитарные, где закон используется для угнетения граждан. Где надо подавить, он используется, где гарантированы свободы и права — фактически не исполняется. И вот, когда борешься за свои права, происходят определенные правонарушения. Это уже и область моральных суждений человека. На что он готов пойти, чем пожертвовать. Какой совершить выбор. Но тут сложно рассуждать о выборе, если ты не ощущаешь возможной ответственности, не знаешь. Тогда выбор будет неполным. Ну знаешь, что там допустим это «плохо» и все.

П: Субъективно, можно ли нарушить закон, если об этом не станет известно никому?

И: Постоянно так по большому счету делается. Зависит от понимания человеком масштабов закона. Какие сферы и ценности он охватывает. Формально

вот нельзя курить на остановке. У нас на каждой остановке один человек да курит. Он нарушает закон, но для себя считает это допустимым. Я, допустим, прохожу мимо, вдыхаю этот дым, и мне это не нравится. Могу вызвать дружинника, полицию, или снимать на камеру, чтобы его к ответственности привлекли. Но мне проще отойти в сторону. Или сделать замечание. А могу по щеке ударить, чтобы сигарета у него вылетела из зубов и сказать «так, ты что делаешь, окружающую среду отравляешь, ту еще и дети маленькие ходят – какой ты пример им подаешь». То есть я тогда нарушу его право личной неприкосновенности. И по-большому это с моей стороны будет акт хулиганства. И вот уже мои весы.

П: Ну, то есть здесь ты сам осознанно способ определяешь, как тебе восстановить твоё нарушенное право на благоприятную окружающую среду. Ты же можешь культурным способом это сделать – вызвать сотрудника полиции или отойти в сторону. А можешь не принятым в этой культуре и обществе способом – выбить курильщику зубы, допустим, да? И способ этот будет зависеть от твоих ценностей, так?

И: Ну как-то так, да. Или вот очень распространённый пример. Надо купить матери лекарство, а у меня украли кошелек, и вот я сам пошел на кражу, чтобы маму больную спасти. И дальше пошло-поехало. Все эти перипетии. Ежесекундно этот выбор. Закон это же зеркало нашей жизни. Как человек себя ведет в отношении закона – соблюдает, или нарушает, – это зеркало его отношения к культуре и жизни в том числе. Можно рассуждать о каких-то действиях с формальной точки зрения, можно с морально-этической, можно с общекультурной и культурологической, можно еще хоть математической...

П: Вот ты сам, если нарушение закона принесет выгоду тебе и твоей семье, нарушишь его или нет?

И: Тоже зависит от нормы права и от моего отношения к той сфере, которую она регулирует. Мне неприятно обманывать людей, да? Я не пойду на мошенничество. Мне претит формулировка «грабь награбленное...». Но опять-таки, я не попадал в такую ситуацию, когда у меня есть возможность, например,

там, у коррупционера, которого я знаю, как-то перехватить часть награбленных богатств и этим поживиться. Можно сколько угодно тут рассуждать. Ну вот если, например, пойду я и найду сейчас сумку денег. Есть норма правовая, что ее надо в полицию отнести, есть случаи, когда там пенсионеры находят кошелек, несут его в полицию, и говорят, вот нашел я, оформите, найдите владельца. Поступает как добропорядочный гражданин. Я не уверен, что отнесу деньги в милицию. Найду и подумаю: судьба распорядилась мне помочь. Оставлю, возможно, опять таки себе. Нарушу, получается, норму права.

П: А если будешь видеть того, кто обронил кошелек и иметь возможность ему эти деньги отдать? Тоже решишь, что это подарок судьбы тебе?

И: Нет, в таком случае, человека догоню и отдам.

П: Представьте ситуацию, ты – губернатор и едешь на деловую встречу с превышением скоростного режима, водитель твой вынужден превысить скорость, так как очень спешите, вдруг ваш автомобиль останавливает сотрудник ГИБДД. Какими будут твои действия?

И: Как губернатора? Я вообще не буду этим заниматься, этим будет заниматься мой водитель. Во-первых. Ну а во-вторых, полагаю, такого сотрудника ДПС уволят и без моего участия, поскольку он не ... профнепригоден. Если я еду в своем мерседесе удлиненном 001, в сопровождении двух машин ДПС с мигалками – кортеж.

П: Нет, без кортежа, без мигалок.

И: Как это? Я не могу ехать без кортежа. Зачем мне ехать без кортежа, если я губернатор?

П: Но всегда ведь губернатору необходимо ездить с кортежем...

И: Но если у тебя такая есть возможность, какой смысл ее не использовать?

П: Я ведь не сказала, что ты едешь с проблесковым маячком и на тебя не распространяется ограничение скоростного режима.

И: Ну, как губернатор, я буду ездить с маячком.

П: А, ну ясно, ты будешь ездить с маячком.

И: Я согласен, что это, может быть, создает повышенную опасность на дорогах, и с точки зрения обывателя, может быть, несколько вызывающе, но даже будучи на месте сотрудника ДПС, ты понимаешь, что это чиновник высокого ранга.

П: И он может себе позволить не соблюдать правила дорожного движения...

И: Одна минута времени которого не может быть сопоставима по значимости с минутой времени сотрудника ДПС. Он может позволить себе не соблюдать правила в той мере, в которой может себе это позволить не соблюдать Президент России...

П: А президент в какой степени может себе позволить не соблюдать закон?

И: Ну я не знаю, какую степень общественной опасности представляет ситуативно нарушение правил губернатором. Но если ты реально несешься быстро, то это с кортежем.

П: Ладно, представь ситуацию, ты депутат АКЗС, едешь тоже на важную деловую встречу, представляешь интересы народа, который тебя выбрал. Едешь без мигалок, без водителя, на собственном автомобиле. Нарушил скоростной режим, тебя остановил сотрудник ДПС. Твои действия?

И: Узнаю причину остановки... Ну обычные действия, как у обычного водителя.

П: Ну то есть здесь ты не будешь говорить, что ты депутат, представитель народа, спешишь на встречу с избирателями и превышение скоростного режима при этом обусловлено твоей высокой загруженностью, одна минута твоего личного времени не сопоставима по степени значимости с тем, что ты его впустую сейчас тратишь, и вообще никакой общественной опасности превышение скорости не повлекло.

И: Нет, подобные действия будут говорить о том, что я как тайм-менеджер не компетентен, если я не могу спланировать свое время и мне приходится нарушать скоростной режим не имея на это полномочий, как, например, у губернатора.

П: А у губернатора то откуда такие полномочия?

И: Да, если у тебя есть кортеж, ты можешь его нарушать. Можешь сказать, так, я губернатор – и ехать хоть как. Есть такие вот полномочия.

П: А как ему ими распорядиться? Может он этими полномочиями в личных целях распорядиться? Допустим, решил жену в «Ленту» за продуктами отвезти, кортеж взял...

И: Нет, только при осуществлении должностных полномочий. Но у депутата нет таких ресурсов и рычагов. Так что надо лучше организовывать свое время, или там, не знаю, депутатом становись...

П: То есть то, о чем ты говорил, статус исполнительной власти, статус законодательной власти, по своим полномочиям как соотносятся то?

И: Ты же верно обозначила, полномочия у всех разные. У меня, как у губернатора, есть полномочия такие, которые предусматривают специальный режим и я могу ехать в сопровождении машин ДПС, но у меня нет полномочий, как у губернатора, участвовать в судьбе решения вопроса о принятии какого-либо законопроекта.

П: Мне вот интересно, с твоей личной позиции, какие такие очень важные могут быть у губернатора дела, чтобы нестись по пробкам с кортежем?

И: Слушай, я не очень осведомлен в делах губернаторов. Но если у него есть такая возможность, значит она чем-то обусловлена. Ну какие дела. Проинспектировать объект. Чтобы, допустим, там воровали, но не сильно. Где-то люди начинают волноваться, там недовольства выражать. И надо приехать сказать, так: вот ты и ты, ну-ка, молчи. Знаешь, как во время февральской революции, не 1905 года, а другой, был один из чиновников царских, генерал. Он знаешь как восстания подавлял? Заходит, без шашки там, просто. Видит самого «шибутного», подходит к нему и грозно «На колени!». Он такой старой закалки, выправки... Здоровый с усами. «На колени, гнида!». Или как-нибудь так. И все матросы боялись его, успокаивались, «осаживали». И все.

П: И ты как считаешь, в правовом государстве именно такие методы и действенны? Можно жить в таких условиях?

И: Ну неет, нельзя так в правовом государстве жить. Это я отвечал на вопрос, какие у губернатора могут быть дела.

П: То есть ты с позиции гражданина оправдываешь, такое поведение, что ты опаздываешь утром на работу, стоишь в пробке, и тут едет кортеж губернатора с мигалками, еще больше затрудняет движение, но ты спокойно реагируешь, так как понимаешь, что это обусловлено какими-то очень важными государственными делами? Более важными, чем дела всех, кто рядом в пробке стоит. И вообще не считаешь, что слуги народа тоже могут нормально в пробке постоять и ничего страшного не произойдет? В Москве, например, это целая проблема. Там у многих чиновников есть кортежи. И порой, чтобы из одного здания в другое министру перейти через дорогу, перекрывают целый проспект и люди в пробках стоят, опаздывают в аэропорт, на вокзал...

И: Да. Но ты также знаешь, что было в Москве 10 лет назад, когда и у Никиты Михалкова мигалка была. И дофига у кого их поснимали, и было много показательных вещей, когда за злоупотребление мигалками конкретно наказывали. Как я считаю, конечно, возможно, он едет воровать мои деньги. Но если он будет при этом стоять со мной в пробке, мне от этого легче не станет.

П: Как ты считаешь, высокий социальный статус влияет на решение вопросов в обществе? Может являться основанием для уклонения от юридической ответственности?

И: Вообще, согласно Конституции, все граждане РФ равны перед законом. И формально никакой высокий социальный статус, если это не связано опять же со спецификой общественных отношений, не может давать каких-то гарантий дополнительных и преимуществ. Но фактически, конечно так оно и есть. Если уж говорим о правилах дорожного движения, если сотрудник ДПС видит в потоке автомобиль с номерами «ООО», то он поостережется связываться с ним и его останавливать. А простой автолюбитель поостережется подрезать там его, или вступать на дороге в конфликт, потому что понимает, что в дальнейшем разбирательстве ему, скорее проблемы светят.

П: Хорошо, представь ситуацию, что ты это ты. Дима, который, завалил уже несколько раз экзамен по вождению и вот, наконец, получил долгожданные права.

И: Один только раз завалил, и, кстати, мне его уже проставят... Так что все нормально решилось.

П: Ну так вот, права значит ты получил свои. Радостный, гордый собой. Дал тебе папа или мама машину свою, и ты скорее мчишься на ней к любимой девушке, чтобы ее прокатить. Едешь, и не пропускаешь пешехода. И тебя останавливает сотрудник ДПС. И тут ты видишь, что сотрудник – это твой одноклассник Ванька или там Петька. И какими будут твои действия?

И: Я скажу, блин, Петька, виноват. Виноват. Но я вот только-только выкатился. Может как-нибудь без штрафа, чего.

П: То есть ты попросишь его урегулировать конфликт без составления протокола?

И: Ну если у него видеорегистратор не будет на груди болтаться.

П: А если ты тот самый Петька Иванов сотрудник ДПС? Ты как поступишь?

И: Я скажу, Диман, парень ты конечно хороший, но вот тебе 1000 р штрафа, и не дай Бог ты так еще проедешь невнимательно и снесешь кого-нибудь, то тебе этот штраф покажется просто ну вот так себе... ни о чем. Так что давай, повнимательней.

П: То есть ты привлечешь к ответственности?

И: Обязательно.

П: Хорошо, а если на месте одноклассника будет любимая девушка за рулем?

И: Я не привлеку к ответственности.

П: Почему? Ну а беседу с ней проведешь?

И: Проведу, обязательно. Может, и к ответственности привлеку, но в другой форме...

П: Ладно. Осталось не очень много вопросов. Я понимаю, что ты устал. Но нам важно пройти этот путь до конца. Вместе.

И: Угу. Вместе я согласен.

П: Ты сам проявляешь активность в общественной жизни какую-то? Стремишься изменить общество к лучшему?

И: Ну случается, случается. Допустим, в бытовых взаимодействиях, когда сталкиваюсь с проявлениями злоупотреблений, я вмешиваюсь в ситуацию, восстановить чувство справедливости и в рамках своих опыта и знаний как-то повлиять. Участвую частично в культурно-массовых мероприятиях. Празднованиях дня города, событий, конкурсах. Смотрю как люди живут. А так в плане того, чтобы целенаправленно работать, чтобы улучшать как-то общество – нет, этим я не занимаюсь. Ограничиваюсь тем, чтобы над собой работать. Ведь если я себя улучшаю, то и общество автоматически улучшается. Я же часть общества. За счет улучшения меня и само общество улучшится. Когда работал журналистом, там больше, наверное, как бы да... средство массовой информации же, пытался улучшать. Но там тоже свое – редакционная конъюнктура, политические взаимодействия. Не совсем то.

П: Ладно, в общем я поняла. Можешь сейчас взять снова ручку и листок и записать ассоциации к словам: суд, правосудие, судебная власть.

И: Суд – орган государственной власти, осуществляющий решения по вопросу правоприменения.

Правосудие – процесс работы суда.

Судебная власть – сфера влияния суда на жизнь общества.

П: Можешь вспомнить, как выглядит Богиня правосудия Фемида?

И: Это девушка, в античной одежде, в мантии – не мантии. Фигура такая у нее... Симпатичная, мне нравится.

П: Давай не про фигуру.

И: Самое главное, что у нее завязаны глаза, в одной руке весы, в другой руке меч. Она типа не видит, кого судит. Куда весы опустятся, чьи доводы перевесят – туда она мечем и хлестанет. Вот и все. Вот тебе вся Фемида.

П: У тебя есть ассоциации, связанные с образом Фемиды? Кроме того, что красивая фигура.

И: Ассоциация с судом, правосудием.

П: Ты испытываешь гордость или там какие-то особые чувства, в связи с тем, что живешь в России и являешься гражданином России?

И: Нет.

П: Тебе известно, за какие деяния предусмотрена уголовная ответственность?

И: Да.

П: А какие?

И: Очень многие, мне все перечислять?

П: То есть ты хорошо знаком с текстом уголовного кодекса?

И: Да, знаком. В школе изучали.

П: Как считаешь, какое наказание справедливо, в случае совершения убийства?

И: Длительное тюремное заключение, либо смертная казнь.

П: А длительное, это какой срок?

И: Ну от 5 лет.

П: Какие можешь назвать наиболее опасные преступления?

И: Одно из самых опасных преступлений – терроризм. Почему терроризм, потому что суть террора... Если у остальных преступлений определена жертва, конкретная. В терроризме неопределенный круг жертв. Ей может стать кто угодно. Жертва обезличена. Потом государственная измена очень сильное преступление. И тут дело в специальном субъекте, злоупотребляющем своим положением.

П: Можешь привести пример гражданско-правовых деликтов, правонарушений?

И: Нарушен срок договора подряда – не сдали объект в срок.

П: Дисциплинарного?

И: Опоздание на работу...

П: Административного?

И: Нецензурная лексика в общественном месте.

П: Всегда ли закон справедлив?

И: Можно тут рассуждать о справедливости правоприменения... Не столько о справедливости закона. Тут каждый сам решает, справедливо ли, например, лишать убийцу жизни. Смертная казнь, да, как наказание.

П: С позиции того, что закон охраняет определенные общественные блага, как считаешь, тот уровень культурно-исторического развития общества, который сегодня существует, он справедливо отражен в правовых актах? Или законы не справедливы?

И: По большому счету справедливы. Так, если уж в частности где-то вдаваться. Но по сути, что нужно – наказывается, основные права и свободы обеспечиваются.

П: Можешь привести пример несправедливой с твоей точки зрения правовой нормы?

И: Ну вот пример несправедливости из жизни, недавний. Моего отца сбила машина на пешеходном переходе, и водитель, вследствие того, что у отца не было вреда здоровью, а просто ушибы, был привлечен к административной ответственности, как если бы просто не пропустил пешехода. По сути своей по общественной опасности гораздо более сложное деяние.

П: Ну конечно, последствия тут совсем разные, то ли просто не пропустил пешехода, то ли нанес определенные моральные страдания...

И: Опять-таки, если анализировать в совокупности законодательство, есть ведь ст. 30 и ст. 33 в УК РФ, ответственность за неоконченное преступление и за соучастие. То есть законодатель дает понять, что неоконченное преступление более мягкое, чем совершенное. Можно провести тут параллели и с административным правонарушением. Когда фактически совершил наезд на пешехода, и когда просто не пропустил.

П: Последний вопрос задам тебе, как ты считаешь, что такое правосознание?

И: Я считаю, что правосознание это субъективное правосознание личности, если говорить именно не об общественном и групповом, если брать

индивидуальное правосознание, то это отношение личности к общей системе права. Это знание права и отношение к праву эмоциональное, к тем нормам, которые личность знает. Представление о справедливости норм и о том, какое оно место занимают в жизни личности. То есть такая оценка, справедлив закон или нет, и почему. Следовать ему или нет, и почему. Правосознание – это не что-то такое застывшее, статичное. Оно динамичная структура. Какие-то обстоятельства постоянно меняются и влияют на правосознание. Сегодня, допустим, я знаю правила дорожного движения, есть у меня определенное отношение этих норм, завтра отца моего машина сбила и мое отношение изменилось, может я стану участником общественного движения стоп-хам, или буду тщательнее следить за участниками дорожного движения, или сам правила соблюдать и т.д. Или есть такое общественное движение, ездят машины по правилам, обвешаются видеорегистраторами, и тех, кто не по правилам ездят – специально таранят, потом в суде говорят, что просто не успели среагировать, а ехали не нарушая правил. Вот такой способ проявления активной гражданской позиции – тоже правосознание. Также ведь этих людей на это что-то сподвигло.

П: Благодарю тебя за развернутую интересную беседу!

С: Спасибо, Виктория Викторовна!

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Таблица «Фрагмент из журнала осевого кодирования данных интервью с респондентом Дмитрием»

Категория (Основная)	Подкатегория (Свойство/Измерение)	Коды из открытого кодирования	Связи и последствия
1. Когнитивный компонент правосознания	1.1.Уровень правовой грамотности	З-1, З-2, З-3, З-4, З-5, З-6, З-7, З-8	Высокий. Системные знания, полученные в школе и через самообразование. Является основой для сложного правопонимания.
	1.2.Тип правопонимания	П-1, П-2, П-3, П-4, П-5	Синтез естественно-правового и социологического. Право – не только нормы, но и идеал, баланс интересов, продукт культуры и социальных условий.
2. Эмоционально-оценочный компонент правосознания	2.1.Оценка действующего права	О-1, О-2, О-3, О-5	Реалистично-критичная. Конституция оценивается как желаемый идеал, в целом соблюдаемый, но с перекосами (власть, правоприменение).
	2.2.Оценка правоприменительной практики	О-4, О-6, ОТН-4	Критичная. Признается факт неравенства перед законом ("муха и шмель"), закон – "зеркало" общества, а не всегда его исправитель.
	2.3. Отношение к праву и закону	ОТН-1, ОТН-2, ОТН-3, ОТН-5	Уважительно-скептическое. Глубокое уважение к праву и Конституции как к идее, но скепсис относительно повседневной реализации закона.
3. Поведенческий компонент правосознания	3.1. Готовность к правомерному поведению	Д-1, Д-4	Пассивно-активная. Готовность соблюдать закон и улучшать среду через личный пример, но не через активное взаимодействие с институтами.
	3.2. Готовность к правонарушению	Д-2, Д-3, Д-5	Обусловленная. Зависит от внутренней оценки справедливости, личных обстоятельств, отношений с субъектом. Нарушение возможно, если выгода/необходимость субъективно перевешивают риск.
4. Ценностно-мотивационная	4.1. Значимость прав и свобод	Ц-1, Ц-4,	Высокая. Личные (жизнь, свобода, собственность) и

основа		Ц-5, Ц-6, Ц-8, Ц-10	социальные (образование, медицина) права признаются ключевыми ценностями.
	4.2. Правовые принципы и идеалы	Ц-2, Ц-3, Ц-7, Ц-9, П-3, П-4	Сбалансированность. Ценятся прагматизм, мораль, ответственность, светскость, баланс интересов в праве.
5. Факторы развития правосознания	5.1. Источники формирования	И-1	Формальное образование – ключевой источник базовых знаний.
	5.2. Опыт и рефлексия	И-2, И-3, О-5	Опосредованный опыт (наблюдение, анализ чужих ситуаций) и рефлексия важны для формирования оценочных суждений.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Данные описательной статистики по результатам качественного анализа
полуструктурированного интервью

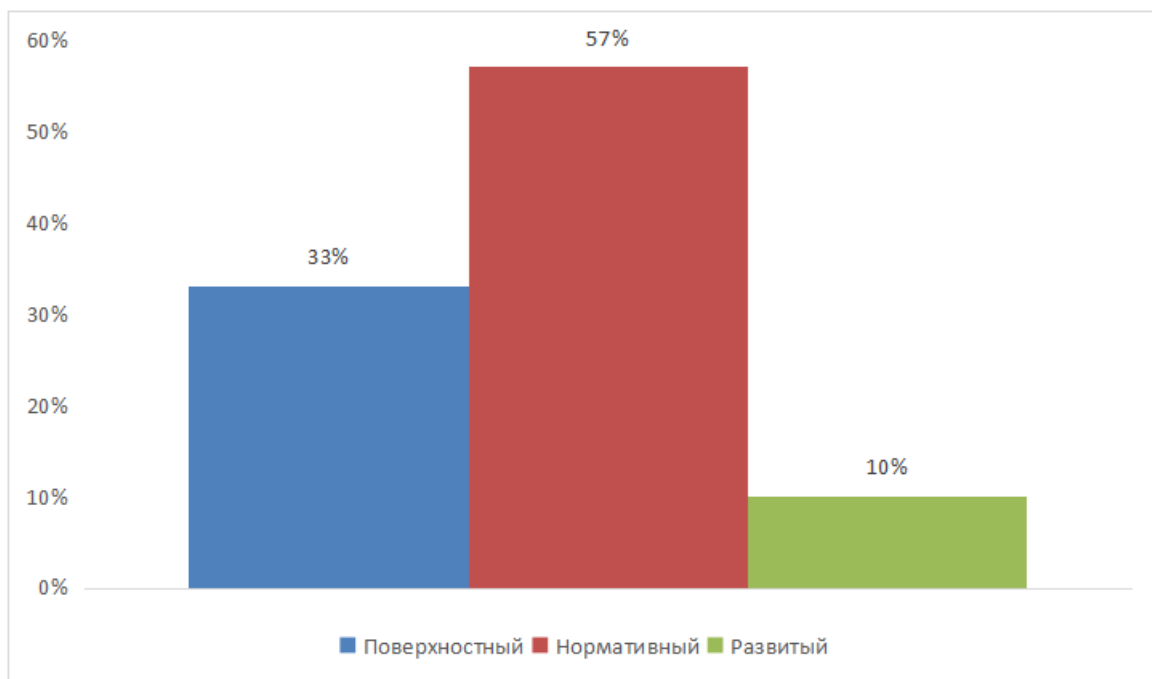

Рисунок 1. Типы правопонимания

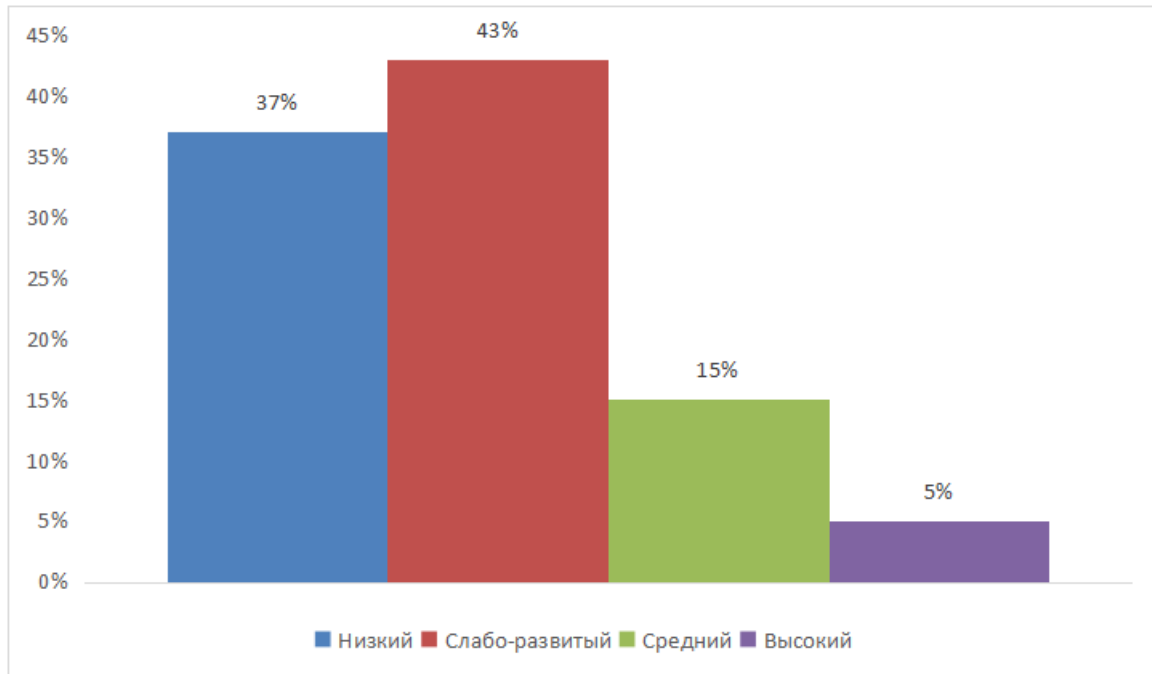

Рисунок 2. Уровни правовой грамотности

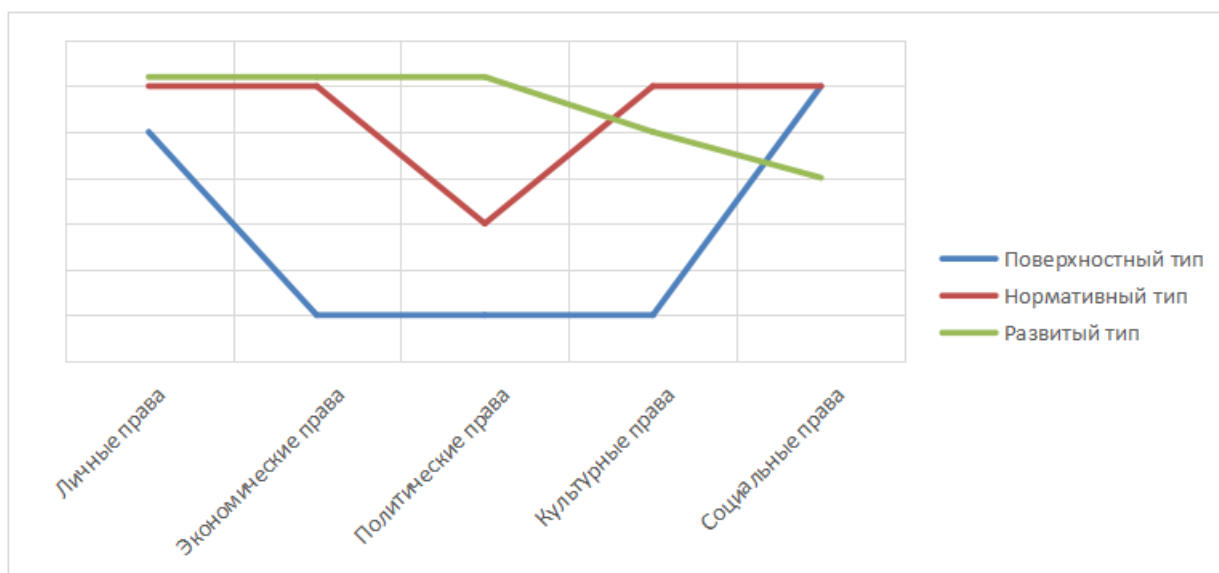

Рисунок 3. Значимость прав и свобод у лиц с различными уровнями правопонимания

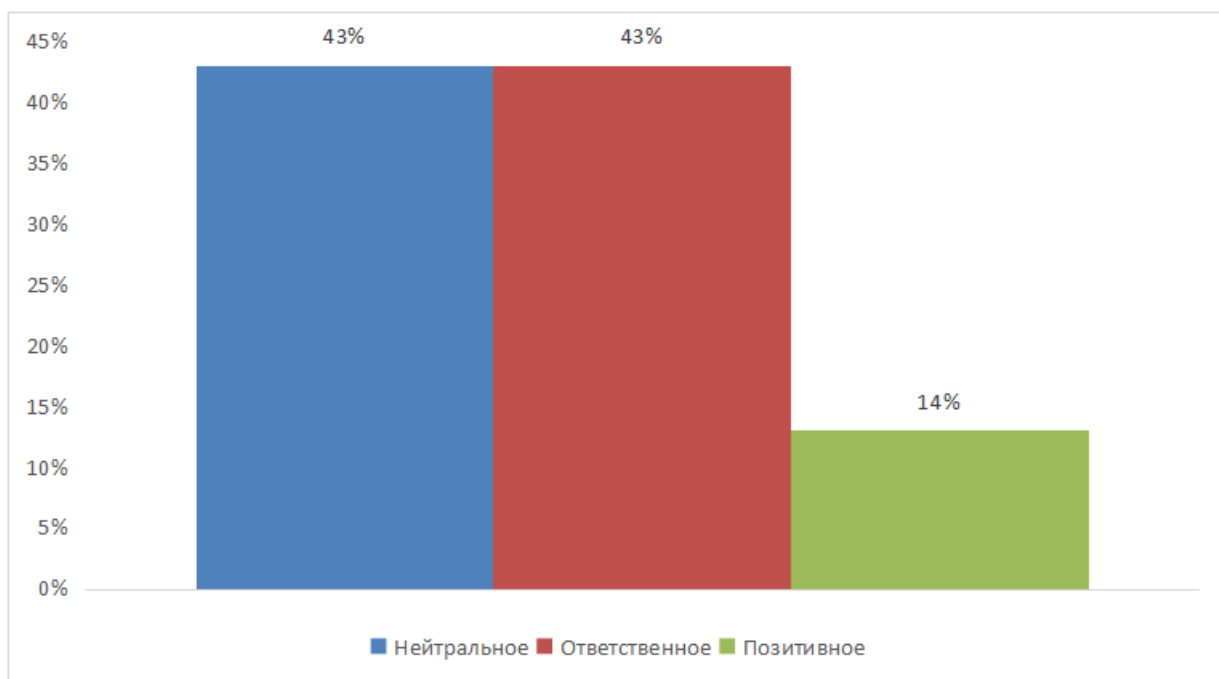

Рисунок 4. Отношение к праву

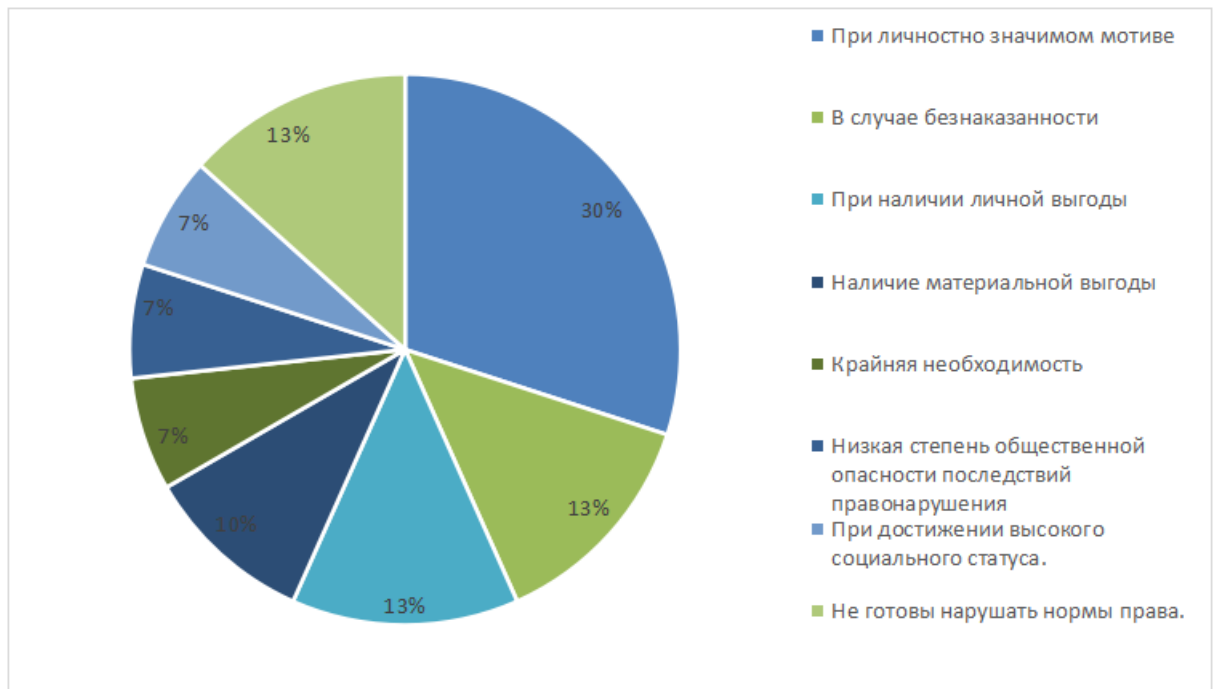

Рисунок 5. Готовность к совершению правонарушения

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5**Перечень вопросов, вошедших в первоначальную версию опросника****(56 вопросов)**

1. Мне хорошо известны мои личные права.
2. Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право на жизнь и здоровье, свободу слова и мысли, свободу вероисповедания, свободу совести, право на тайну частной жизни, право на свободу передвижения.
3. Для меня важно, что люди от рождения наделены равными правами и свободами, независимо от того, в какой семье и в каких условиях они родились.
4. Я готов ограничить часть своих личных прав, если это необходимо для развития общества.
5. Для меня важно, что я могу выбрать свое место жительства самостоятельно, а также передвигаться без всяких ограничений, в том числе, свободно выезжать за пределы своей страны.
6. Я готов ограничить свое право на передвижение, отказаться от возможности свободно выезжать за пределы своей страны и выбрать свое место жительства, если получу взамен этого достаточную материальную компенсацию или социальные гарантии.
7. Я готов не выезжать за границу и жить на территории лишь только одной страны, если государство обеспечит меня всем необходимым и создаст хорошие условия для моей жизни.
8. Для меня важно, что никто не может вмешиваться в мою частную и семейную жизнь, нарушать тайну переписки, телефонных переговоров.
9. Я готов предоставить возможность доступа к моей частной жизни (личной переписке, социальным контактам, семейной жизни и др.) в любой момент за достойное вознаграждение или дополнительные социальные гарантии.
10. Я готов предоставить возможность доступа к моей частной жизни (личные переписки, контакты, семейная жизнь) любым спецслужбам, если это необходимо для общего блага, поддержания мира и в целях общей безопасности.

11. Я не готов ни при каких условиях ограничить свое право на частную жизнь.

12. Для меня важно, что я имею свободу мысли и слова, свободу совести и вероисповедания, что я могу не бояться выражать свое мнение и свободно искать интересующую меня информацию без всякой цензуры.

13. Я готов отказаться от свободы мысли и слова за достойное вознаграждение или социальные гарантии.

14. Я готов поддержать введение цензуры в интернете, если это будет способствовать развитию общества и культуры.

15. Я ни при каких условиях не готов отказаться своего права на свободу мысли и слова, свободу совести и вероисповедания, либо каким бы то ни было образом ограничить его.

16. Я готов жить в государстве, где установлена государственная религия и принять эту религию в обязательном порядке (например, ислам), если государство обеспечит мне более достойный материальный уровень жизни и должное социальное обеспечение.

17. Мне хорошо известны мои экономические права.

18. Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, право свободно распоряжаться своей способностью к труду, право вести предпринимательскую деятельность.

19. Для меня важно, что я имею право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, свободно приобретать в собственность имущество, а также получать наследство и передавать в наследство то, что мной получено на законных основаниях.

20. Я готов отказаться от права собственности на объекты недвижимости (дома, квартиры, дачи, автомобиль), если государство будет обеспечивать меня всем необходимым и создаст достойный уровень жизни (бесплатное образование, высококачественная бесплатная медицина, достойное жилье, высокооплачиваемая работа, достойная пенсия и др.).

21. Я ни при каких условиях не готов отказаться от права собственности или ограничить свое право собственности.

22. Для меня важно, что я могу свободно распоряжаться своей способностью к труду (самостоятельно выбирать род своей деятельности, вести предпринимательскую деятельность, либо вообще не работать).

23. Я готов отказаться от права свободно распоряжаться своей способностью к труду, быть обязанным трудиться и нести ответственность за «тунеядство», если государство обеспечит меня более достойно оплачиваемой работой.

24. Я готов отказаться от возможности не работать и готов взять на себя обязанность трудиться, если мне будет гарантировано очень хорошее социальное обеспечение – высокая пенсия, бесплатное медицинское обслуживание по последним стандартам и другие социальные гарантии.

25. Я ни при каких условиях не готов ограничить свое право на свободу труда или полностью от него отказаться.

26. Мне хорошо известны мои политические права.

27. Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право избирать и быть избранным в органы власти, право на участие в митингах, шествиях, право на вступление в профсоюзы, свободу мирных собраний и ассоциаций, право на доступ к государственной службе.

28. Для меня важно, что я могу избирать представителей в органы государственной власти и сам быть избранным во власть, что я могу влиять на принятие управленческих решений как непосредственно, так и через выборные органы.

29. Я готов отказаться от права избирать органы власти за вознаграждение.

30. Я готов отказаться быть избранным в органы власти за вознаграждение или существенные социальные гарантии.

31. Я готов отказаться оказывать влияние на принятие управленческих решений и проявления политической активности (идти на выборы,

баллотироваться в органы власти в качестве депутата и др.), если я буду удовлетворен тем уровнем жизни, который мне обеспечит государство.

32. Я готов отказаться от участия в политических (митинги, пикеты) и общественных (субботники, общие собрания и др.) мероприятиях, если мне будет гарантирован достойный уровень жизни.

33. Я ни при каких условиях не готов отказаться от своих политических прав и возможности проявления своей гражданской позиции.

34. Для меня важно, что никто не может обязать меня вступить в профсоюз, какую-либо ассоциацию или политическую партию.

35. Я готов в обязательном порядке вступить в любую политическую партию, даже если я не разделяю ее политических взглядов, если это повлияет на уровень моего благосостояния, продвижения в карьере или гарантирует дополнительную материальную выгоду.

36. Мне хорошо известны мои культурные права.

37. Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право на свободу творчества, свободу преподавательской деятельности, доступ к культурному наследию.

38. Для меня важно, что я имею право на свободу творчества и преподавательской деятельности, могу выбирать направление творчества без всяких ограничений.

39. Для меня важно, что я имею доступ к культурному наследию, могу соприкоснуться с мировой историей и культурой, а также историей и культурой своей страны, региона, города.

40. Я готов отказаться от права на свободу творчества, и готов писать стихи, песни, книги, картины в рамках того направления и идеологии, которые установлены государством, если это повлияет на мое материальное благосостояния и предоставит мне значимые социальные гарантии.

41. Если бы я был учителем или преподавателем, я был бы готов отказаться от свободы преподавательской деятельности и строить образовательный процесс в рамках той идеологии и научной школы, которая

установлена государством, если это даст мне высокий уровень материального благосостояния и социальные гарантии.

42. Я готов отказаться от доступа к культурному наследию, не посещать музеи, театры, выставки, объекты архитектуры, не иметь доступа к памятникам культуры и искусства, литературному наследию, если я буду обеспечен более высоким уровнем достатка и существенными социальными гарантиями.

43. Я ни при каких условиях не готов отказаться от своих культурных прав.

44. Мне хорошо известны мои социальные права.

45. Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право на социальное обеспечение, а именно – бесплатную медицинскую помощь и образование, пенсионное обеспечение, гарантии и льготы малоимущим, инвалидам, сиротам, малолетним и др.

46. Для меня очень важно, что я имею право на бесплатное образование и медицинское обслуживание.

47. Я был бы готов отказаться от права на бесплатное медицинское обслуживание, если бы имел высокую заработную плату.

48. Я был бы готов отказаться от бесплатного дошкольного и школьного образования для своих детей, если бы имел высокую зарплату.

49. Для меня очень важно, что я имею право на пенсионное обеспечение.

50. Я готов отказаться от права получать пенсию, если смогу зарабатывать столько, чтобы в будущем мне хватило на достойную старость.

51. Для меня очень важно, что государство поддерживает материнство и дает право на декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком.

52. Я считаю очень важным, что у меня есть право на бесплатную экстренную медицинскую помощь

53. Я ни при каких условиях не готов отказаться от бесплатного медицинского обслуживания.

54. Я ни при каких условиях не готов отказаться от пенсионного обеспечения.

55. Я ни при каких условиях не готов отказаться от возможности получить бесплатное образование.

56. Я ни при каких условиях не готов отказаться и ограничить возможность получения льгот и компенсаций, связанных с рождением детей, болезнью, инвалидностью.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Опросник правосознания личности «Значимость прав и свобод»

Инструкция. Уважаемый участник опроса! Пожалуйста, внимательно ознакомьтесь с предложенными высказываниями и оцените степень Вашего согласия с каждым из них по шкале от 1 до 7:

- 1 – полностью не согласен
- 2 – не согласен
- 3 – не совсем согласен
- 4 – нейтральный ответ (все равно, либо затрудняюсь ответить)
- 5 – скорее согласен
- 6 – согласен
- 7 – полностью согласен

№	Утверждение	Степень согласия
1	Мне хорошо известны мои права	
2	Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право на жизнь и здоровье, свободу слова и мысли, свободу вероисповедания, свободу совести, право на тайну частной жизни, право на свободу передвижения	
3	Я готов ограничить часть своих личных прав, если это необходимо для развития общества	
4	Я готов ограничить свое право на передвижение, отказаться от возможности свободно выезжать за пределы своей страны и выбирать свое место жительства, если получу взамен этого достаточную материальную компенсацию или социальные гарантии	
5	Я готов не выезжать за границу и жить на территории одной страны, если государство обеспечит меня всем необходимым и создаст хорошие условия для моей жизни	
6	Я готов предоставить возможность доступа к моей частной жизни (личные переписки, контакты, семейная жизнь) любым спецслужбам, если это необходимо для общего блага, поддержания мира и в целях общей безопасности	
7	Я не готов ни при каких условиях ограничить свое право на частную жизнь	
8	Мне хорошо известны мои экономические права	
9	Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, право свободно распоряжаться своей способностью к труду, право вести предпринимательскую деятельность	
10	Я готов отказаться от права собственности на объекты недвижимости (дома, квартиры, дачи, автомобиль), если государство будет обеспечивать меня всем необходимым и создаст достойный уровень жизни (бесплатное образование, высококачественная бесплатная медицина, достойное жилье, высокооплачиваемая работа, достойная пенсия и др.)	
11	Я ни при каких условиях не готов отказаться от права собственности или ограничить свое право собственности	
12	Я готов отказаться от права свободно распоряжаться своей способностью к	

	труду, быть обязанным трудиться и нести ответственность за «тунеядство», если государство обеспечит меня более достойной оплачиваемой работой	
13	Я готов отказаться от возможности не работать и готов взять на себя обязанность трудиться, если мне будет гарантировано очень хорошее социальное обеспечение – высокая пенсия, бесплатное медицинское обслуживание по последним стандартам и другие социальные гарантии	
14	Я ни при каких условиях не готов ограничить свое право на свободу труда или полностью от него отказаться	
15	Мне хорошо известны мои политические права	
16	Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право избирать и быть избранным в органы власти, право на участие в митингах, шествиях, право на вступление в профсоюзы, свободу мирных собраний и ассоциаций, право на доступ к государственной службе	
17	Я готов отказаться от права избирать органы власти за вознаграждение	
18	Я готов отказаться быть избранным в органы власти за вознаграждение или существенные социальные гарантии	
19	Я готов отказаться оказывать влияние на принятие управленческих решений и проявления политической активности (идти на выборы, баллотироваться в органы власти в качестве депутата и др.), если я буду удовлетворен тем уровнем жизни, который мне обеспечит государство	
20	Я готов отказаться от участия в политических (митинги, пикеты) и общественных (субботники, общие собрания и др.) мероприятиях, если мне будет гарантирован достойный уровень жизни	
21	Я ни при каких условиях не готов отказаться от своих политических прав и возможности проявления своей гражданской позиции	
22	Мне хорошо известны мои культурные права	
23	Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право на свободу творчества, свободу преподавательской деятельности, доступ к культурному наследию	
24	Я готов отказаться от права на свободу творчества, писать стихи, песни, книги, картины в рамках того направления и идеологии, которые установлены государством, если это повлияет на мое материальное благосостояния и предоставит мне значимые социальные гарантии	
25	Если бы я был учителем или преподавателем, я был бы готов отказаться от свободы преподавательской деятельности и строить образовательный процесс в рамках той идеологии и научной школы, которая установлена государством, если это даст мне высокий уровень материального благосостояния и социальные гарантии	
26	Я готов отказаться от доступа к культурному наследию, не посещать музеи, театры, выставки, объекты архитектуры, не иметь доступа к памятникам культуры и искусства, литературному наследию, если я буду обеспечен более высоким уровнем достатка и существенными социальными гарантиями	
27	Я ни при каких условиях не готов отказаться от своих культурных прав	
28	Мне хорошо известны мои социальные права	
29	Мне хорошо известно, что каждый человек имеет право на социальное обеспечение, а именно: бесплатную медицинскую помощь и образование, пенсионное обеспечение, гарантии и льготы малоимущим, инвалидам, сиротам, малолетним и др.	
30	Я был бы готов отказаться от права на бесплатное медицинское обслуживание, если бы имел высокую заработную плату	
31	Я был бы готов отказаться от бесплатного дошкольного и школьного	

	образования для своих детей, если бы имел высокую зарплату	
32	Я ни при каких условиях не готов отказаться от бесплатного медицинского обслуживания	
33	Я ни при каких условиях не готов отказаться от пенсионного обеспечения	
34	Я ни при каких условиях не готов отказаться от возможности получить бесплатное образование	

Ключ к личностному опроснику «Значимость прав и свобод»

Обозначение шкалы	Название шкалы	Номера вопросов
Шкала 1	Общая осведомленность о конституционных правах и свободах	1, 2, 8, 9, 15, 16, 22, 23, 28, 29.
Подшкала А	Осведомленность в области личных прав	1, 2
Подшкала Б	Осведомленность в области экономических прав	8, 9
Подшкала В	Осведомленность в области политических прав	15, 16
Подшкала Г	Осведомленность в области социальных прав	28, 29
Подшкала Д	Осведомленность в области культурных прав	22, 23
Шкала 2	Значимость личных прав и свобод	3R, 4R, 5R, 6R, 7
Шкала 3	Значимость экономических прав и свобод	10R, 11, 12R, 13R, 14
Шкала 4	Значимость политических прав и свобод	17R, 18R, 19R, 20R, 21
Шкала 5	Значимость культурных прав и свобод	24R, 25R, 26R, 27
Шкала 6	Значимость социальных прав и свобод	30R, 31R, 32, 33, 34

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Опросник правосознания Л. А. Ясюковой

Ф.И.О. _____ Дата _____

Инструкция: Уважаемый участник, Вам предложено 13 вопросов-утверждений.

Выберите, пожалуйста, для каждого из них вариант ответа, который наиболее верно отражает Вашу позицию.

Поставьте «галочку» в бланке анкеты напротив того ответа, который соответствует Вашему мнению. Не тратьте времени на раздумье. Пропускать какое-либо предложение нельзя. Наиболее естественна первоначальная реакция.

Я – 1. Несправедливому закону следует подчиняться...

- 1 – а) согласен с этим;
- 2 – б) не согласен;
- 3 – в) затрудняюсь ответить.

Я - 2. Важно, чтобы руководитель поступал...

- 1 – а) по совести;
- 2 – б) строго в соответствии с трудовым правом и должностями;
- 3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 3. Сколько людей, столько и представлений о том, что справедливо, а что – несправедливо...

- 1 – а) согласен;
- 2 – б) не согласен;
- 3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 4. Законы создаются, чтобы...

- 1 – а) улучшалась жизнь большинства населения;

2 – б) защищать права каждого человека;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 5. Я считаю, что...

1 – а) правительство обязано обеспечить всем нормальный уровень жизни;

2 – б) каждый должен сам о себе думать;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 6. Во главе государства должны стоять...

1 – а) морально безупречные, справедливые люди;

2 – б) профессионалы своего дела;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 7. Рядовой гражданин не обязан знать существенные законы, для этого есть юристы...

1 – а) согласен с этим;

2 – б) не согласен;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 8. Мой идеал общества...

1 – а) сильная государственная власть;

2 – б) общественное самоуправление;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 9. В основе законов должны лежать ценностно-нормативные установки доминирующей нации...

1 – а) согласен с этим;

2 – б) не согласен;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 10. В нашем государстве каждому необходимо, в первую очередь...

1 – а) уметь отстаивать свои права;

2 – б) выполнять свои обязанности;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 11. Если человек, не зная, случайно нарушил закон, его нельзя привлекать к ответственности...

1 – а) согласен с этим;

2 – б) не согласен;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 12. В стране будет беспорядок, если граждане будут руководствоваться, в первую очередь...

1 – а) понятиями чести и справедливости;

2 – б) правовыми нормами;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Я – 13. Основная функция законов...

1 – а) регулирующая;

2 – б) карательная;

3 – в) затрудняюсь ответить.

Ключ: Обработка происходит с помощью компьютерной программы или посредством сравнения ответов испытуемого с ключом:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
б	Б	а	Б	Б	Б	б	Б	Б	б	б	б	а

Ответы, совпадающие с ключом, оцениваются в 2 балла. Все ответы «в» оцениваются в 1 балл. Полученные баллы суммируются. Сумма характеризует общий уровень развития правового сознания.

Интерпретационные нормы:

Правовой нигилизм (слабый уровень) – 0 – 13 баллов

Основы правосознания заложены (средний уровень) – 14 – 18 баллов

Правосознание в основном сформировано (хороший уровень) – 19 – 23 балла

Правосознание сформировано полностью (высокий уровень) – 24 – 26
баллов

Сферы правосознания:

Бытовая – вопросы: 1, 3, 7, 11.

Деловая – вопросы: 2, 6, 9, 12.

Гражданская – вопросы: 4, 5, 8, 10.

Правовые знания – вопросы: 4, 11, 12, 13.

Нормы по сферам:

0 – 3 балла – слабый уровень

4 – 5 баллов – средний уровень

6 – 7 баллов – хороший уровень

8 баллов – высокий уровень.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Анкета уровня правового развития О. А. Гулевич

Инструкция: Уважаемый сотрудник, Вам предложено четыре незаконченных предложения. Выберите, пожалуйста, для каждого из них вариант ответа, который наиболее верно отражает Вашу позицию.

Выделите в бланке теста тот ответ, который соответствует Вашему мнению. Не тратьте времени на раздумье. Пропускать какое-либо предложение нельзя. Наиболее естественна первоначальная реакция.

1. Основная функция закона:

- а. наказание людей, нарушающих социальные нормы и опасных для общества;
- б. поддержание жизнеспособности государства, предотвращение поведения, направленного на его разрушение;
- в. улучшение жизни отдельных людей и состояния государства в целом;
- г. другое (напишите) ...

2. Изменение закона:

- а. не допустимо ни при каких условиях;
- б. возможно в том случае, если закон разрушает основы государства, препятствует его развитию;
- в. возможно в том случае, если закон несправедлив, не соответствует основным моральным нормам; г. другое (напишите) ...

3. В большинстве случаев люди следуют закону, поскольку –

- а. боятся наказания за нарушение закона или желают извлечь выгоду из его выполнения;
- б. стараются быть похожими на окружающих, не желают нарушать установленные правила или пытаются избежать хаоса, который последует за нарушением закона;
- в. признают, что в целом закон справедлив, соответствует основным моральным нормам;
- г. другое (напишите) ...

4. Нарушение закона:

- а. ни при каких условиях не допустимо;
- б. допустимо в том случае, если закон разрушает основы государства, препятствуют его развитию;
- в. допустимо в том случае, если закон несправедлив, не соответствует основным моральным нормам;
- г. другое (напишите) ...

Г -1. Основная функция закона: а. наказание людей, нарушающих социальные нормы и опасных для общества;

- 1- а. поддержание жизнеспособности государства, предотвращение поведения, направленного на его разрушение;
- 2 - б. улучшение жизни отдельных людей и состояния государства в целом;
- 3 - в. другое (напишите) ...

Г -2. Изменение закона:

- 1 -а. не допустимо ни при каких условиях;
- 2 -б. возможно в том случае, если закон разрушает основы государства, препятствует его развитию;
- 3 - в. возможно в том случае, если закон несправедлив, не соответствует основным моральным нормам;
- 4 - г. другое (напишите) ...

Г - 3. В большинстве случаев люди следуют закону, поскольку –

- 1 - а. боятся наказания за нарушение закона или желают извлечь выгоду из его выполнения;
- 2 - б. стараются быть похожими на окружающих, не желают нарушать установленные правила или пытаются избежать хаоса, который последует за нарушением закона;
- 3 - в. признают, что в целом закон справедлив, соответствует основным моральным нормам;
- 4 - г. другое (напишите) ...

Г -4. Нарушение закона:

1 - а. ни при каких условиях не допустимо;

2 - б. допустимо в том случае, если закон разрушает основы государства, препятствуют его развитию;

3 - в. допустимо в том случае, если закон несправедлив, не соответствует основным моральным нормам;

4 - г. другое (напишите) ...

Ключ: Предложено четыре незаконченных предложения с тремя вариантами ответов (а, б, в), каждый из вариантов соответствует уровню правового развития:

Ш1 - «правопослушание» - ответы «а»

Ш2 - «правоподдержание» - ответы «б»

Ш3 - «правотворчество» - ответы «в»

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Опросник личностных ценностей Д. В. Каширского (KVS-2)

Инструкция: В этом опроснике Вам нужно ответить на вопрос: «Какие жизненные сферы важны для Вас в жизни и какие жизненные сферы менее важны для Вас?».

Далее представлен список жизненных сфер. В скобках приведено объяснение каждой из них. Ваша задача заключается в том, чтобы оценить степень значимости (важности) каждой жизненной сферы в Вашей жизни.

Используйте оценочную шкалу отметок от **-1 до 7**.

Чем выше номер (-1, 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), тем более важной данная жизненная сфера является для Вас в жизни. При этом примерно ориентируетесь на следующие значения отметок:

Отметка «-1» характеризует жизненные сферы, являющиеся полной противоположностью того, что для Вас значимо в жизни,

Отметка «0» означает, что жизненная сфера совершенно не важна для Вас в жизни,

Отметки от 1 до 5 означают, что жизненная сфера важна,

Отметка «6» означает, что жизненная сфера очень важна,

Отметка «7» характеризует жизненные сферы высшей значимости, *обычно таких жизненных сфер не должно быть более двух-трех.*

Перед каждой жизненной сферой в списке проставьте номер, указывающий важность этой ценности лично для Вас в жизни. Постарайтесь различать жизненные сферы, насколько это возможно, **используя все номера** от -1 до 7 (-1, 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7).

Данная жизненная сфера является:

Полной противоположностью того, что для меня значимо в жизни	Незначимой	Важной, значимой					Очень важной	В высшей степени значимой
-1	0	1	2	3	4	5	6	7

Для начала просмотрите весь предлагаемый список жизненных сфер и выберите одну из них, которая является самой важной для Вас, и оцените её значимость (отметка «7»). Далее выберите жизненную сферу, которая наиболее противоречит тому, что для Вас значимо и важно в жизни, и оцените её (отметка - 1). Если нет такой жизненной сферы, тогда выберите ту из них, которая является наименее важной для Вас, и оцените её отметкой «0» или «1», в соответствии с её значимостью. Затем оцените все остальные жизненные сферы из **Списка**.

Бланк для ответов

<i>Список жизненных сфер</i>	1	2
1. <i>Здоровье</i> (Главное – иметь хорошее здоровье и постоянно заботиться о нем)		
2. <i>Общение</i> (Главное – иметь такой круг общения, который удовлетворял бы духовно и эмоционально)		
3. <i>Высокий социальный статус, управление людьми</i> (Главное – завоевать такое общественное положение, которое обеспечит высокий статус и роль в обществе, а также управление людьми)		
4. <i>Семья</i> (Главное – это создание своей семьи, воспитание детей, счастливая семейная жизнь)		
5. <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i> (Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)		
6. <i>Познание нового в мире, природе, человеке</i> (Главное – это открытие нового, интересного, стремление к познанию истины в мире, природе, человеке; исследовательская деятельность)		
7. <i>Помощь другим людям и милосердие к ним</i> (Главное – помогать другим людям, заботиться о них, быть к ним великодушным, жертвовать для других)		
8. <i>Высокое материальное благосостояние</i> (Главное – иметь в жизни высокий материальный достаток, уметь зарабатывать деньги и тратить их на полезные для себя и близких вещи; важно быть материально обеспеченным человеком)		
9. <i>Высокое образование</i> (Главное – получить хорошее образование: в школе, училище, институте и т.д.; важно быть образованным человеком и высококвалифицированным специалистом)		
10. <i>Вера в Бога</i> (Главное – верить в Бога, в сотворение им Мира и человека, разделять религиозные ценности)		
11. <i>Приятное времяпрепровождение, отдых</i> (Главное – иметь возможность использовать свое время и средства на удовлетворение насущных желаний; важно хорошо отдыхать, жить в свое удовольствие и стремиться к отдыху и развлечениям)		
12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)		
13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Мире, получать эстетическое удовольствие от жизни)		
14. <i>Любовь</i> (Главное – это любовь к своим близким: отцу, матери, в дальнейшем мужу, жене, детям)		
15. <i>Признание, уважение людей и влияние на окружающих</i> (Главное – завоевать в жизни		

такое положение, которое обеспечит уважение и признание людей и поможет влиять на окружающих)		
16. <i>Интересная работа</i> (Главное – иметь в жизни интересную работу, которая полностью удовлетворяла бы эмоционально; важно иметь работу по душе)		
17. <i>Свобода</i> (Главное – быть свободным и независимым человеком в своих чувствах, мыслях и поступках; важно осуществлять в жизни свободные и личностно значимые выборы – основанные на собственных интересах и ценностях)		
18. <i>Гармоничная жизнь</i> (Главное – жить гармоничной и сбалансированной жизнью, соблюдая Мету во всем: работа и отдых, семья и карьера; важно быть в гармонии с Миром и Природой, с собою и с другими людьми – не быть пассивным, совершенно не проявляя активность, но и не совершать чрезмерных и запредельных усилий)		
19. <i>Стабильность и порядок</i> (Главное – стабильность и порядок в жизни; спокойное, размеренность и устойчивое положение дел; важно иметь уверенность в завтрашнем дне)		
20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)		
21. <i>Наличие хороших и верных друзей</i> (Главное – иметь близких и надежных друзей, с которыми легко и приятно быть вместе, на которых всегда можно положиться в жизни – тех, кто поможет в трудную минуту)		
22. <i>Время</i> (Главное – это время, которое необходимо правильно и по назначению использовать, все нужно делать вовремя и не растрчивать время по пустякам; важно ценить свое время и время других людей, а самое страшное – это потерянное время и бесцельно прожитые годы)		
23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)		
24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)		
25. <i>Патриотизм и любовь к Родине</i> (Главное – любить свою Родину, быть патриотом и испытывать гордость за страну и свою принадлежность к ней; важно знать историю и хранить традиции своей Родины, отстаивать её интересы и в случае необходимости встать на её защиту)		

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10

Таблица коэффициентов корреляции между шкалами опросника значимости прав и свобод и личностными ценностями (опросник KVS-2)

М1	KVS-2	Коэффициент корреляции
3 – Для меня важно, что люди от рождения наделены равными правами и свободами, независимо от того, в какой семье и в каких условиях они родились	5 – <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i> (Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)	,360**
	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,265**
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Мире, получать эстетическое удовольствие от жизни)	,298**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,412**
5. Для меня важно, что я могу выбирать свое место жительства самостоятельно, а также передвигаться без всяких ограничений, в том числе, свободно выезжать за пределы своей страны	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,323**
	17. <i>Свобода</i> (Главное – быть свободным и независимым человеком в своих чувствах, мыслях и поступках; важно осуществлять в жизни свободные и личностно значимые выборы – основанные на собственных интересах и ценностях)	,402**
8. Для меня важно, что никто не может	3. <i>Высокий социальный статус,</i>	-,207*

вмешиваться в мою частную и семейную жизнь, нарушать тайну переписки, телефонных переговоров	<i>управление людьми</i> (Главное – завоевать такое общественное положение, которое обеспечит высокий статус и роль в обществе, а также управление людьми)	
	24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)	,370 ^{**}
12. Для меня важно, что я имею свободу мысли и слова, свободу совести и вероисповедания, что я могу не бояться выражать свое мнение и свободно искать интересующую меня информацию без всякой цензуры	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,431 ^{**}
	16. <i>Интересная работа</i> (Главное – иметь в жизни интересную работу, которая полностью удовлетворяла бы эмоционально; важно иметь работу по душе)	,278 ^{**}
	17. <i>Свобода</i> (Главное – быть свободным и независимым человеком в своих чувствах, мыслях и поступках; важно осуществлять в жизни свободные и личностно значимые выборы – основанные на собственных интересах и ценностях)	,376 ^{**}
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,312 ^{**}
19. Для меня важно, что я имею право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом на основании права собственности, свободно приобретать в собственность имущество, а также получать наследство и передавать в наследство то, что мной получено на законных основаниях	4. <i>Семья</i> (Главное – это создание своей семьи, воспитание детей, счастливая семейная жизнь)	,274 ^{**}
	8. <i>Высокое материальное благосостояние</i> (Главное – иметь в жизни высокий материальный достаток, уметь зарабатывать деньги и тратить их на полезные для себя и	,361 ^{**}

	близких вещи; важно быть материально обеспеченным человеком)	
	17. <i>Свобода</i> (Главное – быть свободным и независимым человеком в своих чувствах, мыслях и поступках; важно осуществлять в жизни свободные и личностно значимые выборы – основанные на собственных интересах и ценностях)	,242 [*]
22. Для меня важно, что я могу свободно распоряжаться своей способностью к труду (самостоятельно выбирать род своей деятельности, вести предпринимательскую деятельность, либо вообще не работать)	5. <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i> (Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)	,260 ^{**}
	6. <i>Познание нового в мире, природе, человеке</i> (Главное – это открытие нового, интересного, стремление к познанию истины в мире, природе, человеке; исследовательская деятельность)	,328 ^{**}
	8. <i>Высокое материальное благосостояние</i> (Главное – иметь в жизни высокий материальный достаток, уметь зарабатывать деньги и тратить их на полезные для себя и близких вещи; важно быть материально обеспеченным человеком)	,256 ^{**}
	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,359 ^{**}
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Море, получать эстетическое удовольствие от жизни)	,297 ^{**}
	14. <i>Любовь</i> (Главное – это любовь к своим близким: отцу, матери, в дальнейшем мужу, жене, детям)	,274 ^{**}
	16. <i>Интересная работа</i> (Главное – иметь в жизни интересную работу, которая полностью удовлетворяла бы эмоционально; важно иметь	,325 ^{**}

	работу по душе)	
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,322**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,285**
	24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)	,318**
28. Для меня важно, что я могу избирать представителей в органы государственной власти и сам быть избранным во власть, что я могу влиять на принятие управленческих решений как непосредственно, так и через выборные органы	3. <i>Высокий социальный статус, управление людьми</i> (Главное – завоевать такое общественное положение, которое обеспечит высокий статус и роль в обществе, а также управление людьми)	,198*
	5. <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i> (Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)	,483**
	6. <i>Познание нового в мире, природе, человеке</i> (Главное – это открытие нового, интересного, стремление к познанию истины в мире, природе, человеке; исследовательская деятельность)	,465**
	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,317**
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром,	,307**

	произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Мире, получать эстетическое удовольствие от жизни)	
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,337**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,317**
	24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)	,312**
	25. <i>Патриотизм и любовь к Родине</i> (Главное – любить свою Родину, быть патриотом и испытывать гордость за страну и свою принадлежность к ней; важно знать историю и хранить традиции своей Родины, отстаивать её интересы и в случае необходимости встать на её защиту)	,404**
34. Для меня важно, что никто не может обязать меня вступить в профсоюз, какую-либо ассоциацию или политическую партию	5. <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i> (Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)	,444**
	6. <i>Познание нового в мире, природе, человеке</i> (Главное – это открытие нового, интересного, стремление к познанию истины в мире, природе, человеке; исследовательская деятельность)	,460**
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и	,394**

	гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Мире, получать эстетическое удовольствие от жизни)	
	16. <i>Интересная работа</i> (Главное – иметь в жизни интересную работу, которая полностью удовлетворяла бы эмоционально; важно иметь работу по душе)	,268**
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,372**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,344**
	24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)	,342**
	25. <i>Патриотизм и любовь к Родине</i> (Главное – любить свою Родину, быть патриотом и испытывать гордость за страну и свою принадлежность к ней; важно знать историю и хранить традиции своей Родины, отстаивать её интересы и в случае необходимости встать на её защиту)	,411**
38. Для меня важно, что я имею право на свободу творчества и преподавательской деятельности, могу выбирать направление творчества без всяких ограничений	5. <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i> (Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)	,426**
	6. <i>Познание нового в мире, природе, человеке</i> (Главное – это открытие нового, интересного, стремление к	,589**

	познанию истины в мире, природе, человеке; исследовательская деятельность)	
	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,404**
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Мире, получать эстетическое удовольствие от жизни)	,699**
	16. <i>Интересная работа</i> (Главное – иметь в жизни интересную работу, которая полностью удовлетворяла бы эмоционально; важно иметь работу по душе)	,299**
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,625**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,489**
	24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)	,398**
	25. <i>Патриотизм и любовь к Родине</i> (Главное – любить свою Родину, быть патриотом и испытывать гордость за страну и свою принадлежность к ней; важно знать историю и хранить традиции своей Родины, отстаивать её интересы и в случае необходимости встать на её	,608**

	защиту)	
39. Для меня важно, что я имею доступ к культурному наследию, могу соприкоснуться с мировой историей и культурой, а также историей и культурой своей страны, региона, города	5. <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i> (Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)	,397**
	6. <i>Познание нового в мире, природе, человеке</i> (Главное – это открытие нового, интересного, стремление к познанию истины в мире, природе, человеке; исследовательская деятельность)	,591**
	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,320**
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Море, получать эстетическое удовольствие от жизни)	,659**
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,617**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,385**
	24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)	,305**
	25. <i>Патриотизм и любовь к Родине</i> (Главное – любить свою Родину,	,548**

	быть патриотом и испытывать гордость за страну и свою принадлежность к ней; важно знать историю и хранить традиции своей Родины, отстаивать её интересы и в случае необходимости встать на её защиту)	
46. Для меня очень важно, что я имею право на бесплатное образование и медицинское обслуживание	1. <i>Здоровье</i> (Главное – иметь хорошее здоровье и постоянно заботиться о нем)	,266**
	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,330**
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Мире, получать эстетическое удовольствие от жизни)	,351**
	16. <i>Интересная работа</i> (Главное – иметь в жизни интересную работу, которая полностью удовлетворяла бы эмоционально; важно иметь работу по душе)	,326**
	19. <i>Стабильность и порядок</i> (Главное – стабильность и порядок в жизни; спокойное, размеренность и устойчивое положение дел; важно иметь уверенность в завтрашнем дне)	,282**
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,295**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное – быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	,323**
49. Для меня очень важно, что я имею право на пенсионное обеспечение	5. <i>Активность для достижения позитивных изменений в обществе</i>	,308**

	(Главное – активное отношение к тому, что происходит в общественной жизни, стремление изменить общество к лучшему, активная личностная позиция)	
	6. <i>Познание нового в мире, природе, человеке</i> (Главное – это открытие нового, интересного, стремление к познанию истины в мире, природе, человеке; исследовательская деятельность)	,268**
	12. <i>Полная самореализация</i> (Главное – это полностью реализовать себя в жизни, максимально развить свои способности, воплотить в жизнь весь свой потенциал, свои возможности)	,371**
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Мире, получать эстетическое удовольствие от жизни)	,346**
	19. <i>Стабильность и порядок</i> (Главное – стабильность и порядок в жизни; спокойное, размеренность и устойчивое положение дел; важно иметь уверенность в завтрашнем дне)	,343**
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,372**
51. Для меня очень важно, что государство поддерживает материнство и дает право на декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком	7. <i>Помощь другим людям и милосердие к ним</i> (Главное – помогать другим людям, заботиться о них, быть к ним великодушным, жертвовать для других)	,209*
	10. <i>Вера в Бога</i> (Главное – верить в Бога, в сотворение им Мира и человека, разделять религиозные ценности)	,261**
	16. <i>Интересная работа</i> (Главное – иметь в жизни интересную работу, которая полностью удовлетворяла бы эмоционально; важно иметь работу по душе)	,258**
	23. <i>Ответственность</i> (Главное –	,301**

	быть ответственным за себя и свои поступки в жизни; соблюдать моральные нормы и принципы, проявлять самоконтроль над своим поведением; важно уметь прогнозировать возможные последствия своих действий и нести бремя ответственности за них)	
	24. <i>Справедливость</i> (Главное – принимать в жизни справедливые решения, основанные на равном уважении всех; важно уметь встать на позицию другого человека и совершать беспристрастные, справедливые поступки)	,259**
52. Я считаю очень важным, что у меня есть право на бесплатную экстренную медицинскую помощь	3. <i>Высокий социальный статус, управление людьми</i> (Главное – завоевать такое общественное положение, которое обеспечит высокий статус и роль в обществе, а также управление людьми)	-,235*
	13. <i>Поиск прекрасного и наслаждение им</i> (Главное – наслаждаться прекрасным и гармоничным: театром, произведениями искусства, красотой природы и человека; искать и находить проявления прекрасного в Море, получать эстетическое удовольствие от жизни)	,290**
	20. <i>Творчество</i> (Главное – занятия творчеством, создание чего-то нового, нестандартного и оригинального; важно реализовывать в жизни свои творческие замыслы)	,268**